

Джалаладдин Руми
Дорога превращений. Суфийские
притчи

Джалаладдин Руми
Дорога превращений. Суфийские
притчи

Составление, *перевод,*
религиозно-философский комментарий

Дмитрия Щедровицкого.

Этико-психологический комментарий

Марка Хаткевича.

Особую тайну хранит мой рассказ...

(вступительная статья)

1. Тарикат – суфийский Путь

...А что до мысли – от ее игры

Порой зависят целые миры!

**Руми, из притчи «Два
невольника»¹**

Возникновение религиозно-мистического движения суфиев (араб. тасаввуф – возможно, от «суф» – шерсть, власяница как одежда аскетов, но скорее от греч. «софия» – мудрость; известны и другие этимологии) принято приурочивать к VIII веку, когда Ислам распространялся по обширным пространствам Азии, Африки и отчасти Европы. Зачатки суфизма некоторые исследователи прослеживают уже в VII веке, связывая их с окружением самого Пророка Мухаммада, в т. ч. с его знаменитым зятем Али.

Но существует и другая точка зрения, согласно которой

¹ Здесь и далее – стихотворные переводы Д. Щедровицкого.

основы суфизма восходят к гораздо более ранним временам человеческой истории. Ряд его признаков прослеживается в культурных традициях, существовавших за тысячелетия до Ислама. Среди самих суфиев популярно изречение: «Наши отцы (т. е. ранние суфии) пили вино (символ экстатического Богопознания) еще до того, как Ной насадил виноградную лозу».

В суфизме, несомненно, присутствуют элементы наследия самых разных религиозных и мистико-экстатических систем человечества: иудейской каббалы и раннехристианского гностицизма, зороастрийской этики и индуистской теологии... Наблюдаются даже связи между некоторыми положениями суфизма и представлениями древних египтян и жителей Месопотамии о сути и смысле бытия. Однако все теоретические построения суфиев и вся их духовная практика подчинены концепции строгого Единобожия (*Ат-Таухид*– Единство [Бога]) и идее поэтапного восхождения бессмертного человеческого духа к единению с Творцом.

Это и есть суфийский Путь – *тарикат*, который ученик (*мюрид*) проходит под руководством своего учителя-духовидца (*шейха*). *Тарикату* предшествует предварительная часть пути – *шариат*, скрупулезное следование всем этическим и обрядовым предписаниям мусульманского вероучения. А сам *тарикат* возводит

адепта на уровень, именуемый *Хакикат* (Истина): здесь достигается непосредственное, интуитивное, Богопознание, связанное с духовным прозрением, и начинается жизнь, исполненная откровений свыше...

В своем обычном, «невозрожденном», состоянии человек рассматривается суфиями как «мертвый» или «спящий» по отношению к духовному миру, поскольку он отчужден от Бога и нечувствителен к тонким воздействиям незримых, высших, миров. Для своего «воскрешения» или «пробуждения» он должен пройти ряд ступеней и приобрести определенные устойчивые внутренние состояния на стезях *тариката*. Последовательность духовных ступеней, или макама (мест, стоянок), согласно нормативным суфийским представлениям, следующая: тауба (покаяние), вара (воздержание), зухд (отречение), таваккул (упование), факр (нищета), сабр (терпение), шукр (благодарность) – и, как итог, рида (удовлетворенность).

Среди внутренних состояний (хал), постепенно достигаемых адептом, обычно упоминаются курб (близость [к Богу]), махабба (любовь), хауф (благоговение), раджа (надежда), шаук (страсть), унс (доверие), итманина (покой), мушахада (свидетельство), и, наконец, йакин (утвержденность, уверенность). Существуют и другие варианты описаний Пути.

Важно, что помимо практики постепенного достижения

все более высоких уровней общения со Всевышним в суфизме существует и возможность «мгновенного» прохождения некоторых стадий Пути с помощью вспыхнувшей в сердце подлинной любви к Богу. Она может проявляться одновременно и как любовь к определенному человеку (часто – наставнику или собрату по общим мистическим исканиям), составляя с этой последней одно целое.

Вообще, любовь (махабба), по мнению многих суфиев, является наивысшим состоянием человека, приводящим к единению между любящим и Возлюбленным. Подобное же учение содержится в Новом Завете, где оно представлено как обобщение заповедей Торы: «...Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим и всею душою твоею и всем разумением твоим: сия есть первая и наибольшая заповедь; вторая же подобная ей: возлюби ближнего твоего, как самого себя...» (Матф. 22, 37–39; ср. Втор. 6, 4–5 и Лев. 19, 18); см. также: «...Не любящий брата своего, которого видит, как может любить Бога, Которого не видит? И мы имеем от Него такую заповедь, чтобы любящий Бога любил и брата своего» (I Иоан. 4, 20–21).

Тема всеохватной духовной любви, возвращающей душу в лоно Божие, а все множество творений – к единению с Творцом, лаконично выражена в притче Руми «Я и Ты»:

...Теперь ты понял тайну бытия:
С твоею сутью слита суть Моя!

Ты – это Я. Теперь вопрос решен:
Неразделимы корень и бутон!

...Итак, суфизм можно рассматривать как синтез ряда более ранних учений о любви к Богу и восхождении к Нему посредством духовного самосовершенствования. Эти учения, развивавшиеся в различных религиозно-мистических традициях, получили догматическую завершенность в рамках Ислама.

Большое влияние оказал суфизм и на развитие некоторых идей и направлений христианской цивилизации, особенно начиная с эпохи Ренессанса. Отголоски влияния суфиев можно наблюдать, например, в проповеди Франциска Ассизского, а также в русском «духовном Христианстве» (т. н. Христововерии). Определенные черты суфийского мировоззрения прослеживаются в творчестве столь многих европейских писателей и поэтов – от Данте до Блейка и Андерсена, – что трудно перечислить все их имена. В русской поэзии, например, влияние суфизма в различной степени ощущается в творчестве Пушкина, Тютчева, Фета, Блока, Кузмина, Клюева. Следует заметить, что, если одни европейские писатели глубоко проникались суфийским

мировоззрением, то другие использовали в своем творчестве только некоторые идеи и образы суфизма.

Что же касается непосредственно мусульманских суфийских авторов, то к ним относятся величайшие мыслители и поэты исламского мира, писавшие по-арабски, на фарси, на тюркских и некоторых других языках: это такие гении Средневековья, как Аттар, Санайи, Аль-Газали, Омар Хайям, Саади, Джами, Навои, Ибн-Сина, Низами, Насими, Ибн аль-Араби, Ибн аль-Фарид, Хафиз, Юнус Эмре и ряд других. Из авторов XX века в этой связи можно для примера упомянуть хотя бы Мухаммада Икбала, Джебрана Халиля Джебрана и выдающегося популяризатора суфизма Идриса Шаха.

К суфизму принадлежали и некоторые из великих иудейских средневековых мистиков и поэтов, в том числе Иегуда Галеви, Моисей Ибн-Эзра, Соломон Ибн-Габироль.

Одна из составляющих суфийского мировоззрения – утверждение полноправия различных религиозных учений человечества, каждое из которых по-своему отражает Единую Истину. Такой взгляд сближает людей разных вер, уничтожает вражду и недоверие между ними, делает любовь к ближнему поистине всечеловеческой.

Эта точка зрения изложена, например, Омаром Ибн альФаридом (1181–1235 гг.) в его поэме «Стезя праведного». В ней от лица Бога приводятся такие слова:

Не без Моей всеильной воли
неверный повязал «зуннар» –
Но снова снял, не носит боле, с
тех пор как истину узнал.

И, если образ благостыни в
мечетях часто Я являл,
То и Евангельской святыни Я
никогда не оставлял.

Не упразднил я Книгу Торы, что
дал евреям Моисей, –
Ту Книгу мудрых, над которой не
спят в теченье ночи всей.

И, коль язычник перед камнем
мольбу сердечную излил,
Не сомневайся в самом главном:
что Мною он услышан был...

Известно правое Ученье повсюду,
веку испокон,
Имеет высшее значенье любой
обряд, любой закон.

Нет ни одной на свете веры, что к
заблуждению ведет,

И в каждой – святости примеры
прилежно ищущий найдет.

И тот, кто молится светилу, не
заблудился до конца:

Оно ведь отблеск сохранило
сиянья Моего лица!

И гебр, боготворивший пламя, что
тысячу горело лет,

Благими подтверждал делами, что,
сам не зная, чтит Мой Свет:

Блистанье Истинного Света его
душа узреть смогла,

Но, теплотой его согрета, его за
пламя приняла...

Вселенной тайны Мною скрыты,
их возвещать Я не хочу,

И мира зримого защита – в том,
что о тайнах Я молчу.

Ведь нет такой на свете твари, что
высшей цели лишена,
Хотя за жизнь свою едва ли о том
помыслит хоть одна!..

Та же мысль аллегорически высказывается и в притче
«Названия винограда», повествующей о ссоре четырех
разноязычных друзей (олицетворяющих разные религии),
каждый из которых, мечтая купить виноград, дает ему
название на собственном языке:

...Вот так друзья, не вникнув, что
и как,
Доходят до раздоров и до драк.

Из них был каждый разуменьем
слаб:

Слова «ангур», «узум», «стафиль»,
«айнаб» –

Суть просто винограда имена,
Но меж друзьями вспыхнула
война!..

...О, если б тот вмешался в
злобный спор,
Кто мыслью прозорлив и делом
скор!

Он бы сказал: «Монету дайте мне,
Поверьте моей честной седине:

Я вам с базара принесу сейчас
То, что желанно каждому из
вас!...»

...Тогда бы вмиг закончилась
война:

Слова различны – суть у них одна,

Но может только истинный
мудрец

Нелепым спорам положить конец!

Автор этой притчи – Джалаладдин Руми. Его имя и наследие вот уже почти восемь веков окружены глубоким почитанием и вызывают горячую любовь – не только у суфиев, но и во всем мире...

2. Жизнь Шейха

*Ломай же преграду, что нам не дает
Коснуться потока Божественных
вод!*

Руми, притча «Разрушение башни»

Великий Учитель Джалаладдин Руми, несравненный суфийский проповедник, тончайший поэт, наставник душ в Божественной Истине, родился 800 лет назад, в 1207 году, в городе Балхе (Афганистан).

Корни его семьи по отцу, Бахауддину Мухаммаду Валаду, известному богослову, восходят к халифу Али и Фатиме – дочери Пророка Мухаммада. Мать Руми была из рода шахов – властителей Балха. Псевдоним Руми, под которым Джалаладдин прославился на века, означает «житель Рума», т. е. Малой Азии, до мусульманского завоевания входившей в состав Византии, – земли «ромеев» (т. е. римлян). В малоазийский город Конью семья маленького Джалаладдина переселилась незадолго перед нашествием на Среднюю Азию полчищ Чингисхана.

Согласно преданиям, вошедшим в книгу «Сто рассказов мудрости» (своеобразное «житие» Руми), чудеса, сверхъестественные явления, встречи с духами и людьми – посланцами высших миров – сопровождали жизнь Джалаладдина с самого детства. Одной из важнейших таких

встреч, ставшей своего рода духовной инициацией мальчика, было посещение его семьей возвышенного суфийского *шейха* поэта Фаридуддина Атгара в городе Нишапуре (Иран). Духовидец Аттар узрел в маленьком Джалаладине своего преемника, будущего наставника всех суфиев, и подарил ему свою мистическую поэму «Асрар-намэ» – «Книгу сокровищ». Свой дар Аттар сопроводил особым благословением (барака), которое помогает раскрыть в человеке духовные «каналы», делает его способным воспринимать откровения свыше. Отцу Джалаладина Аттар пророчески предрек: «Твой сын зажжет на земле огонь восторженного служения Богу» (ср. слова Иисуса Христа в Евангелии от Луки: «Огонь пришел Я низвести на землю, и как желал бы, чтобы он уже возгорелся!» – Лук. 12, 49).

В Конье Джалаладин, под руководством отца и других наставников, изучал основы мусульманской теологии и правоведения, а также теорию и практику суфизма. Завершив свое образование в исламских академиях Дамаска и Алеппо, он после кончины отца стал главным проповедником в Конье, унаследовав место главы медресе (духовного училища) и приобретя множество учеников и последователей.

Величайшее озарение светом Высшей Истины произошло в жизни Руми при появлении в Конье странствующего *шейха* Шамсуддина Тебризского. Встреча

этих двух мистиков-прозорливцев состоялась 26 ноября 1244 года, когда Руми было 37 лет. Однако сам он считал дату их знакомства днем своего нового – духовного – рождения. Действительно, после этой встречи внутренний мир Руми чудесным образом обновился. Джалаладдин стал непревзойденным Учителем, выражающим свой уникальный «горный опыт» в общедоступных стихах и притчах. Он стал великим Учителем-Поэтом...

...Дервиш Шамсуддин Тебризский подстерег на городском перекрестке процессию учеников во главе с восседавшим на муле Руми. Он властно схватил животное за поводья и, глядя прямо в лицо Джалаладину, спросил: «О ты, испытующий пробу золота невидимых миров! Скажи мне: кто выше – Пророк Мухаммад или же Абу-Йазид Бистами?» (Бистами был оригинальным суфийским мыслителем, пролагавшим в IX веке новые стези Богопознания). Руми без промедления ответил: «Разумеется, Пророк Мухаммад! Ведь именно он – Предводитель каравана праведников, путешествующего к Небесам!» Но Шамсуддин парировал: «Отчего же тогда Пророк Мухаммад только просил Бога „излить на него Свой Свет“, в то время как Абу-Йазид восклицал: „Прославлен я, и сияю наивысшим сиянием“?»

Погрузившись во внутреннее созерцание, Руми спустя какое-то время ответил: «Абу-Йазид Бистами поднялся на

некоторую духовную ступень – и опьянел от ее сияния, ибо мал был просвет в его сердце, способный впустить луч Божества. Вот и решил он, что достиг наивысшего совершенства! Но Пророк Мухаммад постоянно переходил со ступени на ступень, зная бесконечность Восхождения и безмерность Божьей любви! Вот почему свет, доступный ему ранее, при каждом новом восхождении уже казался ему недостаточным, и просил он вновь и вновь: «Излей на меня Свой свет!..»

Различные предания несколько расходятся в подробностях этого уникального диалога: согласно одному из них, Шамсуддин, услышав ответ Руми, потерял сознание от нестерпимого света Откровения, озарившего его; согласно же другому – сам Руми впал на время в беспамятство от внезапного вопроса Шамсуддина, и лишь потом, в экстазе постигнув Истину, отвечал ему... Впрочем, оба предания сходятся в одном: существуют Высшие Идеи, соприкоснувшись с которыми, душа воспаряет столь высоко, что телесная природа человека потрясается до основания...

...С этого дня Руми и Шамс (сокращенное имя дервиша, своим появлением озарившего душу Руми, означает «солнце») были неразлучны в любви и познании, как бы составляя единого Человека. Поистине, оба они в миг своей встречи испытали сопричастность Сути Бытия и вкусили восторг, превышающий все земное. Шамс стал наставником

и спутником Руми на том Пути к Источнику Жизни, который невыразим словами...

На время прекратились проповеди Джалаладдина в медресе и мечети и ученики остались без его уроков – ведь он сам превратился из обучающего в обучаемого, постигая азы Горнего Знания, внимая своему «Солнцу жизни», как именовал он Шамса. А когда Руми возвратился к преподаванию – преобразились и суть, и форма его наставлений. Он обучал теперь непосредственному постижению Истины – через собственный живой пример, а также посредством притч. Он основал орден Маулавия – братство «танцующих дервишей», постигающих Тайну бытия через экстатическую радость, песню и танец, восходя на высоты поэзии и вникая в глубины мудрости.

Недолго, всего около трех лет, длилось земное общение Руми с Шамсом. Фанатичные, настроенные против суфийских «свобод», ортодоксы-догматики, а также многочисленные завистники не осмеливались поднять руку на самого Руми, поскольку он пользовался покровительством властей. Но они составили заговор против Шамса и надеялись духовно погубить Руми, разлучив его с возлюбленным наставником и другом. В 1247 году Шамс навсегда исчез с земного плана бытия – по некоторым сведениям, он был убит теми самыми «сынами тьмы», для которых яркий свет Богопознания и любви к ближнему

непереносим в любую эпоху. Однако тело Шамса так и не было найдено...

Руми какое-то время оставался безутешным, разыскивая Шамса в разных краях. Но затем свершилось чудо: Джалаладдин ощутил, что душа Шамса вселилась в него самого, что отныне в одном теле неразлучно обитают две души!.. Несравненные по силе мысли и глубине чувства стихи потекли теперь из-под калама (тростникового пера) Джалаладдина, и подписывались они именем Шамса! Даже сам почерк Руми стал теперь неотличим от почерка Шамсуддина, который как бы сделал друга – свое alter ego – тем духовным каналом, через который мог отныне проводить в мир свои идеи, воплощать свое поэтическое мировидение.

На этом новом, самом интенсивном по степени самовыражения, этапе своей жизни Руми создает все то, что сохранило его имя на века. Он окончательно формирует дервишское братство Маулавия, устанавливает для него чин своеобразных «радений» – медитативно-экстатических собраний, сопровождаемых декламацией стихов самого Руми, игрой на *нае*– тростниковой флейте, пением и танцами. В таком виде братство Маулавия существует и по сей день. Он пишет грандиозную по духовной проникновенности и поэтическим достоинствам поэму «Маснави-йи-манави» («Парные строки с тайным

подтекстом», или «Двустипшия с намеками на незримое»), состоящую из более 25 тысяч бейтов (двустипший). Сочинение поэмы заняло около 12 лет, завершившись в 1272 году. Он создает вдохновенное собрание стихов «Диван-и-Шамс» – «Поэтический сборник Шамса», или «Диван Шамса Табризского», в котором около 30 тысяч бейтов. Творения Руми, относимые к прозаическим лишь условно (проза в них часто перемежается со стихами или имеет ритмический характер), – это «Поучения» (собрание философско-мистических проповедей), «Послания» (сборник писем, обращенных к различным адресатам), а также свод его изречений «Фихи-ма-Фихи» («Здесь то, что здесь (есть)»), составленный впоследствии сыном Джалаладдина – Султаном Веледом. Последнее произведение соотносится с «Маснави», многое поясняя в этой поэме.

Таков, вкратце, перечень «трудов и дней» Джалаладдина Руми, окончившего свой земной путь в 1273 году, но живущего в сердцах миллионов своих последователей и почитателей и теперь – спустя восемь веков...

3. Притчи как форма обучения

*Чтоб стал твой мир прозрачен и
лучист –
Ты сердце, словно зеркало, очисти!*

Руми, из притчи «Ромеи и китайцы»

Центральное место в творчестве Руми принадлежит идее об Учении как таковом. Сама земная жизнь рассматривается им как способ систематического обучения человеческих душ Высшей Истине, причем каждая душа воспринимает Учение на доступном ей уровне и в отведенных ей границах. При этом «медресе» (учебным заведением) является весь наш мир; временем, отведенным на урок, – человеческая жизнь; учебными пособиями – все обстоятельства, встречи, предметы и живые существа, сопровождающие наше бытие; экзаменами – испытания и искушения, нас постигающие... Учителем же, разумеется, является Сам Создатель.

Именно такое истолкование суфийских истин характерно для всех произведений Руми, и прежде всего для «Маснави» – его главного вдохновенного труда, рассматриваемого многими поколениями эзотериков Ислама как своего рода «персидский Коран» (или «Писание на языке фарси»). Здесь последовательно излагаются различные постулаты, идеи, откровения суфизма, которые обосновываются кораническими цитатами и хадисами (примерами из жизни Пророка Мухаммада), а также иллюстрируются яркими притчами и завершаются мудрыми назиданиями.

Из этого огромного текста (примерно вдвое превышающего объемом «Божественную Комедию» Данте) для нашей книги выбраны только притчи, наглядно иллюстрирующие духовные рассуждения. Происхождение этих притч самое различное. Одни из них взяты из общечеловеческих фольклорных источников и восходят к «бродячим» – архетипическим и мифологическим – сюжетам. Другие связаны с темами различных национальных эпосов и сборников назидательных рассказов. Особенно часто привлекаются образы древнеиранского эпоса, воспроизведенного в «Шахнамэ» Фирдоуси, и индийской «Панчатантры», известной в мусульманском мире как «Калила и Димна». Истоки некоторых притч прослеживаются в религиозной литературе (сюжеты библейского и коранического происхождения, мусульманские хадисы, иудейские мидраши, христианские апокрифы). Отдельные сюжеты заимствованы из более ранних суфийских источников (например, поэм и отдельных стихотворений Санаи и Аттара). Встречаются здесь и истории, придуманные самим Руми... Перечень источников отдельных притч можно было бы продолжить. Сам Руми иносказательно изображает совокупность сюжетов мирового фольклора в виде «Древа Знания»:

...Меж тем в сказаньях, притчах

всех широт

О Древе Знания говорит народ.

Оно повсюду ветви простирает

И познающих светом озаряет,

Да я и сам, насколько было сил,

Узрел его и плод его вкусил...

(Из притчи «Древо Бессмертия»)

Исследователи до сих пор спорят о том, имеет ли поэма «Маснави» в своей основе единый (хотя порой и трудно прослеживаемый) план или же представляет собой грандиозный ряд интеллектуально-эмоциональных «вспышек сознания» поэта, его мгновенных экстатических прозрений и откровений. Сами же притчи, изъятые из контекста поэмы Руми и получившие самостоятельное значение, обычно располагаются в сборниках (как в оригинале, так и в различных переводах) в последовательности, заданной самой поэмой. Мы же решили расположить их тематически, по разделам, отражающим различные аспекты воспитания душ, подчеркнув тем самым главное направление мысли Руми – его учение о жизни как Великой Школе.

Отдельные притчи, особенно включающие в себя ряд

отступлений, в нашем переводе подверглись сокращениям: увы, современный читатель редко обладает тем поистине неисчерпаемым запасом свободного времени и терпения, который характеризовал благословенного средневекового книгочея – любителя подробности, смакователя детали...

Каждой притче сопутствуют пояснения религиозно-философского характера, принадлежащие переводчику. Многие притчи сопровождаются также этико-психологическим комментарием, автор которого – Марк Хаткевич – уже выступал в качестве соавтора нашей предыдущей книги на данную тему «Джалаладдин Руми и суфийская традиция» (Антология гуманной педагогики. – М.: Издательский дом Шалвы Амонашвили, 2000). Тексты, принадлежащие Марку Хаткевичу, помечены инициалами «М. Х.».

О суфизме – теории и практике духовного восхождения человека к Богу – сказано очень много в разные века и на разных языках. За последние годы в нашей стране издано немало книг, трактующих как суфийское Учение в целом, так и различные его аспекты, исторические связи, периоды развития, направления, школы...

Наша же цель – помочь читателю исполнить совет самого Руми:

...Раздвинь завесу плотского ума –

И воссияет Истина сама!

(Из притчи «Муравей»)

Д. Щедровицкий

Главное сокровище суфиев

Психология суфизма теснейшим образом связана с педагогикой. Представление о человеке как о разумном духе, чья цель – преодолеть низшую, животную, природу и взойти на следующую – «ангельскую» – ступень (ср. у Руми: «...И разумным человеком ты предстал не навсегда: // Эта глина не навеки вид Адама приняла! // Вскоре Ангелом ты станешь...»), – предопределяет все основные правила хранения и передачи Духовного Знания – главного сокровища суфиев.

По сравнению с материалистической педагогикой нашей современности, которая практически полностью нацелена на укоренение ученика в материальном мире, на приспособление его воли, интеллекта и эмоций к реалиям окружающей жизни, – суфийское обучение имеет противоположную цель. Оно призвано выводить сознание и чувства человека за пределы вещественного мира, укореняя их в высшей, духовной, реальности. Однако же суфийские мастера всегда признавали, что духовное восхождение,

которое есть цель мистического обучения, невозможно без предварительной самореализации ученика в земном мире, без овладения множеством знаний и умений, относящихся к окружающей жизни, без раскрытия всех благих потенций его души. Словом, без всего того, что суфийские мудрецы образно именовали «сверлением жемчужины», понимая под жемчужиной нашу душу, а под вдеваемой в нее нитью – живую связь со всем мирозданием. Таким образом, обучение, связанное с освоением земного мира, не только не противоречит суфийской педагогике, но и является необходимой «стартовой площадкой» для предстоящих ученику духовных взлетов.

Суфийское обучение должно как бы вырастать из обычного, продолжая его. В свете этого соображения проясняется и подлинный смысл педагогики будущего: готовить человека к его истинному, высшему, предназначению. К тому предназначению, которое по-разному описывают и с разных точек зрения рассматривают все великие религии человечества. А ведь и сама суфийская традиция призывает черпать мудрость не только из мусульманских, но также из христианских, иудейских и других источников религиозных знаний.

В вопросе же «воспитания сердца» великие мировые религии сходятся между собой. Например, в Псалтири цель духовного обучения сформулирована так: «Потеку путем

заповедей Твоих, когда Ты расширишь сердце мое» – Пс. 118, 32. Согласно этим словам, сердце, готовясь к служению Богу, должно «расшириться», т. е. объять многих любовью и многое – познанием (в библейской метафорике сердце –местилище не только чувств, но и знаний). В Евангелии говорится о том, как очищенное сердце, из которого прежде исходили «злые помыслы» (Матф. 15, 19), изместилища всевозможных нечистот может превратиться в источник живой воды, которая животворит и самого человека, и окружающий его мир: «Кто верует в Меня, у того, как сказано в Писании, из чрева потекут реки воды живой» – Иоан. 7, 18. Коран же свидетельствует о том, что злые помыслы и нечестивые дела страшным образом воздействуют на сердца людей: «Покрыло ржавчиной их сердца то, что они приобретали» (Коран 83, 14, пер. И.Ю. Крачковского).

О том, что сердце, очистившись, призвано стать обителью Бога – Высшей Истины, говорит, отвергая лицемерное, внешнеобрядовое, «служение», и сам Руми:

В сердце Бог живет от века, в нем
– Всевышнего чертог!

Поспешите же в храм Владыки, где
Он славен и хвалим!..

Именно суфийская традиция в деле воспитания учеников наиболее последовательно опирается на педагогику сердца – педагогику Священного Писания. Некоторые суфии полагают, что Иисус был основателем первой суфийской общины, а себя считают ее духовными наследниками. В суфийской традиции нашли свое продолжение и обличения тех лицемеров от религии, врагов истинной духовности и приверженцев внешнего обрядоверия, которых осуждал Иисус: «Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что уподобляетесь окрашенным гробам, которые снаружи кажутся красивыми, а внутри полны костей мертвых и всякой нечистоты; так и вы по наружности кажетесь людям праведными, а внутри исполнены лицемерия и беззакония» (Матф. 23, 27–28). Внешнее, показное совершенство, при котором сердце остается неочищенным, может оказаться даже хуже обыкновенного нечестия.

Как Иисус был гоним поборниками «внешнего благочестия» своего времени, так и суфийские праведники не только терпели от «мусульман по наружности» бесчеловечные гонения, но порой подвергались и жестоким казням (Мансур Халладж, Фазлуллах, Имадеддин Насими и другие). Так же, как и первые христиане (ср.: «В любви нет страха, но совершенная любовь изгоняет страх... боящийся не совершен в любви» – I Иоан. 4, 18), суфии

противопоставляли бескорыстную любовь человека к Богу – страху адских мук и стремлению к райским наградам.

У Руми читаем:

Творец все души озарил, спросив:
«Не Я ль вас сотворил?»
И я воскликнул: «Ты, Аллах!» –
Любовью вечной я горю!

Служенья ангелы мудры, пред
ними в трепете миры,
Моя ж любовь сильнее, чем
страх! – Любовью вечной я горю!

А такую строку, как «не страшен мне горящий ад, не жажду райских я наград», воспринимаемую в контексте всего учения о любви к Богу, вслед за Руми мог бы повторить каждый суфийский мыслитель. И действительно, подобные слова встречаются как у предшественников этого величайшего «*шейха* поэтов», так и у его последователей.

Если суфийский *шейх* отдавал себе полный отчет в том, что в лице каждого *мюрида* ему вверен для наставления бессмертный дух, наделенный безграничными потенциями развития, то его первой и ближайшей целью было – передать ученику это понимание истинного величия человека.

Именно такой цели служили и многие «посвятительные» истории из суфийского прошлого и мистической практики, в том числе и знаменитое повествование о первой встрече Руми с Шамсом и о последующем их духовном единении. Понятно, что подобные истории, входя в плоть и кровь *мюрида*, во многом предопределяли и содержание, и форму его будущих общений с собратьями по *тарикату*, да и вообще с окружающими людьми.

Согласно суфийской традиции, самые важные чудеса происходят не в сфере вещественных явлений, а в области человеческих отношений, при взаимном раскрытии людей. В семьях суфиев дети посвящались не столько в знания о строении вещества, сколько в «науку» о том, чем человек может стать для другого человека. Таким образом, все психологические и иные знания, приобретенные суфиями, получали практическое воплощение в их жизни. Это относится даже к таким, казалось бы, отвлеченным рассуждениям, как диспут между Руми и Шамсом относительно «превосходства» Пророка Мухаммада или Абу-Йазид Бистами в познании Истины. Для последующих поколений суфиев значение этого диспута сводилось к различению между «прочным» состоянием духа, достигнутым суфием на данном этапе развития (именно о переходе от одного такого состояния к другому говорил Мухаммад), – и озарением свыше, временами посещающим

человека (о таком опыте свидетельствовал Абу-Йазид). Озарение свыше может посетить даже того ученика, который достиг невысокой ступени развития, дабы он сумел предощутить те состояния, которые открываются на ступенях гораздо более высоких.

Переводя эти понятия с языка мистики на более обыденный, следует говорить о разнице между ежедневным упорным трудом ради достижения цели – и посещающим человека вдохновением на этом пути (Абу-Йазид). Суфийскому же ученику просто жизненно необходимо различать эти понятия. В то время как материализм внушает своим приверженцам представление о единственности земной жизни, не предполагая какого-либо продолжения духовного восхождения за ее пределами, – религиозная вера (в данном случае суфизм) утверждает, что путь самосовершенствования бесконечен: он продолжается в вечности после смерти земного тела.

В том-то и состоит блаженство, дарованное Богом человеческому духу, что никакое достижение на этом пути не является предельным и завершающим, что за каждой данной ступенью, сколь бы высока и прекрасна она ни была, следует восхождение на новую, еще более возвышенную и радостную ступень. В этом и заключается обетование вечной жизни (т. е. отнюдь не прозябания, а постоянного возобновления и развития), о котором свидетельствуют все

великие религии человечества.

В дополнение к этим свидетельствам, суфизм (подобно иудейской каббале, христианскому исихазму и другим эзотерическим направлениям в разных религиях) сообщает о возможности достижения душой вечной жизни – здесь и сейчас. Суфийский путь – это переживание все новых состояний, овладение все новыми формами внутреннего, «сердечного», опыта.

Руми говорит об этом так:

...В тленье празднуя нетленье, от
начала бытия

Нас Дорога Превращений в гору
Разума вела.

Став из праха – минералом, ты
затем взошел травой,

Зверь возник из травной кущи – в
нем душа твоя жила...

...Вскоре Ангелом ты станешь,
удалившись в горный мир,

И душа стяжает в высях, что внизу
не обрела...

М. Хаткевич

Стихи Руми (Из «Дивана Шамса Табризского»)

Одна из вершин суфийской и мировой поэзии – «Диван Шамса Табризского» – был создан Руми после гибели его духовного наставника и любимого друга, дервиша Шамса. По свидетельству поэта, Шамс после своей смерти слился воедино с личностью самого Руми и, поселившись в его сердце, вдохновлял его на творчество. Поэтому многие стихи «Дивана» подписаны именем не Руми, а Шамса, и созданы от лица последнего – под его «диктовку»: имя Шамса – его «подпись» – заключено в последнем бейте (двустииши) таких стихотворений. «Диван» – свидетельство всеобъемлющей любви к Богу и человеку, одолевающей время и пространство, смерть и разлуку и открывающей любящему глубочайшие тайны бытия.

Несколько газелей из «Дивана» мы предпослали притчам из «Маснави», дабы читатель сразу настроился на тот высокий духовно-мистический лад, который в стихах «Дивана» выражен явно, а в большинстве притч присутствует скрытым образом.

Я, словно сокол, в этот мир с руки Царя слетел...

Стихотворение говорит о предбытии человеческого духа, который, согласно суфийскому учению, существовал в Боге до создания материального мира («задолго до Адама»). Дух человека, подобно жемчужине, заключенной в раковине («ниспал жемчужиной с небес я в море плотской жизни»), является величайшим сокровищем, частицей Божества, тайной, сокрытой под оболочкой плоти. Мистик-суфий, пережив озарение свыше, вспоминает о своем предназначении и осознанно осуществляет ту миссию, ради которой был послан в наш мир. На это указывают слова о деснице Всевышнего («руке Царя»), направляющей суфия, и о покорности последнему указаниям свыше («я там, куда меня Сам Бог направить захотел»). Согласно Корану (как и Библии), Бог постоянно воссоздает вселенную Своей волей: «И когда Он решит, чтобы дело [свершилось], то говорит ему: „Свершись“ – и оно свершается» (Коран 2, 117²).

Д. Щ.

Я, словно сокол, в этот мир с руки Царя слетел...

Я, словно сокол, в этот мир с руки

² Здесь и далее Коран цитируется в переводе М.-Н.О. Османова

Царя слетел,

Я там, куда меня Сам Бог
направить захотел!

Я ниспадал – и восходил с
добычей до Сатурна,

Я девять сфер и семь небес
мгновенно облетел!

Я охранял пресветлый Рай задолго
да Адама,

Я среди гурий ликовал до
сотворенья тел!

Еще премудрый Соломон на свет
не появился,

А я, всех джиннов покорив, его
кольцом владел!

Вступал я в пламя – и оно, как
роза, расцветало,

И по моим следам огонь бутоном
ярким рдел!

Ниспал жемчужиной с небес я в

море плотской жизни,
Но воспарю – и возвращусь в
бессмертный свой удел!

Миры, эпохи и века напев мой
повторяют:

Я – Шамс, я первый эту нить в
ушко веков продел!..

Услышьте, любящие прах: любовью вечной я горю!..

Здесь Руми говорит о любви как о творящей Божественной силе и основе мироздания. Дух поэта существовал изначально и был «влюблен» в Истину еще до сотворения вещественного мира («когда творенье началось и утверждался мир в правах»), затем он прошел множество стадий развития (прожил «семьдесят веков», т. е. семь тысяч лет, символически соответствующих Семи Дням творения – ср.: «Воистину, ваш Господь – Аллах, Который сотворил небеса и землю за шесть дней. Потом Он утвердился на престоле» – Коран 7, 54; см. также Быт. 1, 1–31; 2, 1–3). Согласно суфийскому преданию, души всех будущих людей еще до сотворения мира предстали пред Аллахом, и Он

обратился к ним с вопросом: «Не Я ль вас сотворил?» (в Коране с вопросом: «Не Господь ли Я ваш?» Аллах обращается к потомкам Адама – см. Коран 7, 172). Поняв вопрос, часть душ воспылала безграничной любовью к Аллаху. Впоследствии именно эти души стали на земле великими учителями веры, мистиками, поэтами и суфийскими мучениками. Для самого Руми лик Возлюбленного – Аллаха – как бы «отразился» в лице его духовного наставника – Шамса (в стихотворении игра слов: «шамс» – по-арабски «солнце»), душа которого слилась с душой Руми («я стал тобой, мой светлый шах»).

Д. Щ.

Услышьте, любящие прах: любовью вечной я горю!..

Услышьте, любящие прах:
любовью вечной я горю!

Во всех веках, во всех мирах –
любовью вечной я горю!

Когда творенье началось и
утверждался мир в правах,

Я полюбил, отринув страх, –
любовью вечной я горю!

Средь звезд, песчинок, облаков – я
прожил семьдесят веков,
Переживая взлет и крах –
любовью вечной я горю!

Творец все души озарил, спросив:
«Не Я ль вас сотворил?»
И я воскликнул: «Ты, Аллах!» –
Любовью вечной я горю!

Служенья ангелы мудры, пред
ними в трепете миры,
Моя ж любовь сильнее, чем
страх! – Любовью вечной я горю!

О Шамс! Почувствуй и пойми: к
тебе в Тебриз пришел Руми!
Я стал тобой, мой светлый шах! –
Любовью вечной я горю!

О Солнце Истины! Явись – и
озари родной Тебриз!
Сверкает мир в твоих лучах! –
Любовью вечной я горю!

О люди всех эпох и мест, что о себе скажу я вам?..

Перечисляя разные религии – Христианство («Крест»), Иудейство, Ислам, – Руми говорит, что полнота суфийского познания Бога не охватывается догматикой и обрядностью ни одной из них. Более того, он заявляет, что свободный, подвластный одному лишь Богу, дух суфия не зависит ни от земных начал («я все стихии перерос»), ни от космических влияний («я вышел из-под власти звезд»), ни даже от свойств, наследуемых человеком от предков («я узы крови развязал – и я не сын тебе, Адам!»). Такая свобода духа обусловлена теснейшим единением суфия с Возлюбленным (Богом), пребыванием его в экстазе общения с Творцом. Наиболее известные образы этого экстаза в суфийских текстах – «вино» и «страсть» («от любви и от вина всегда душа твоя пьяна»). Таким образом истинный мудрец прозревает Единство, скрытое за отдельными феноменами вселенной («во множестве провижу я одно – Единство Бытия»). Он переходит от дробного, разделенного восприятия Реальности к осознанию и ощущению Единства Божьего – *Таухид* («слово Истины живой читаю я не по складам!»).

Д. Щ.

О люди всех эпох и мест, что о себе скажу я вам?..

О люди всех эпох и мест, что о
себе скажу я вам?

Моя религия – не Крест, не
Иудейство, не Ислам.

Я все стихии перерос, я вышел
из-под власти звезд,

Юг, север, запад и восток – не для
меня, не здесь мой Храм!

Твердь и вода, огонь и дух – к их
мощным зовам слух мой глух,

Я тотчас всё, чего достиг, за
новую ступень отдам!

Не страшен мне горящий ад, не
жажду райских я наград,

Я узы крови развязал – и я не сын
тебе, Адам!

Я – вне событий и имен, я
превозмог закон времен,

Я в каждом встречном воплощен –

и неподвластен я годам!

Во множестве провижу я Одно –
Единство Бытия,
И слово Истины живой читаю я не
по складам!

Я жажду в мире одного –
Возлюбленного своего:
Лишь вечно видеть бы Его – и по
Его идти следам!

Шамс! От любви и от вина всегда
душа твоя пьяна:
Давай же славу воздадим сим,
лучшим на земле, плодам!..

В Мекку путь свой направляет мусульманин-пилигрим...

В этом стихотворении Руми противопоставляет внутреннее, духовное, поклонение Богу – внешнему, чисто обрядовому, служению. Строфы об истинном жилище Бога («в сердце Бог живет от века, в нем – Всевышнего чертог»)

перекликаются с призывом Иисуса (в мусульманской традиции – пророк Иса) поклоняться Отцу не в храмах, построенных руками человеческими, но «в Духе и Истине» (Иоан. 4, 19–24), с учением о «внутреннем человеке» как «храме Бога живого» (II Кор. 6, 16), а также со словами Корана: «Разве не раскрыли Мы твое сердце?..» (Коран 94, 1).

Д. Щ.

В Мекку путь свой направляет мусульманин-пилигрим...

В Мекку путь свой направляет
мусульманин-пилигрим:

Вот он цели достигает, вот – Кааба
перед ним!

Храм из камня мусульманин
созерцает пред собой,

И вокруг – песок да камни,
жаркий воздух недвижим.

Удивляется паломник: он на
встречу с Богом шел,

А пред ним – стена из камня: как и

прежде, Бог незрим!

Вот в смущенье он обходит Божий
дом... Но в этот миг

Голос в сердце раздается – так мы
с другом говорим:

«Там ли ищешь ты Святого? Разве
здесь Его престол?

Не спеши, а лучше с сердцем
посоветуйся своим!

В сердце Бог живет от века, в нем
– Всевышнего чертог!

Поспеши же в храм Владыки, где
Он славен и хвалим!..»

Шамс! Мы в келье в час
полночный речь с Возлюбленным
ведем:

Пилигрим заснул в дороге, мы же
бодрствуем – не спим!..

О молящиеся! Бога не вмещает небосвод...

Здесь развивается тема предыдущего стихотворения – тема теснейшего единения духа истинного суфия с Духом Божьим. Согласно учению Руми, человек как «микрокосм» в своем внешнем облике содержит черты всего мироздания, а внутренняя суть человека – «зеркало души», отражающее Аллаха. Человек являет на земле образ и подобие Бога («вы – свидетельство о Боге», ср. Быт. 1, 26–27; ср. также знаменитый хадис: «Аллах сотворил Адама по образу Своему»). Представляя собой облеченную во плоть бессмертную душу – частицу Духа Божьего (согласно словам Корана: «Потом Он придал ему форму, вдохнул в него частицу Своего Духа и даровал вам слух, зрение и сердце» – Коран 32, 9), человек, однако, после грехопадения перестал осознавать свой высокий «сан» и свою великую миссию, ибо животная природа превозмогла в нем духовную. Одна из целей суфизма – вернуть человеку осознание его собственной возвышенной сути («Осознайте и поймите – Бог всемогущий в вас живет!»). Не понимая величия человеческого духа и не имея прямого руководства свыше, но следуя застывшей традиции обрядоверия, многие богословы в своих толкованиях искажают Божественный замысел относительно рода людского («Вы – стиха святого буквы, только в целом этот стих // Лицемерный толкователь не осмыслит, не поймет!»). Интересно сравнить этот образ

со словами пророка Исаяи: «...Этот народ приближается ко Мне устами своими, и языком своим чтит Меня, сердце же его далеко отстоит от Меня, и благоговение их предо Мною есть изучение заповедей человеческих» – Ис. 29, 13; ср. Матф. 15, 7–9). Суфийские воззрения подчеркивают, что высшее предназначение человека – являть собой запечатленный на земле образ Божий: «Вы – престол Живого Бога посреди земных красот!»

Д. Щ.

О молящиеся! Бога не вмещает небосвод...

О молящиеся! Бога не вмещает
небосвод:

Осознайте и поймите – Бог
всесильный в вас живет!

Вы – свидетельство о Боге, цель и
замысел Творца,

Вы – священного Корана
воплощенье и оплот!

Вы – стиха святого буквы, только
в целом этот стих

Лицемерный толкователь не

осмыслит, не поймет!

В вас – поток бессмертной жизни,
ваши души не умрут,

Вы – престол Живого Бога
посреди земных красот!

Вы Творца найти хотите, а ведь
Он – у вас в душе,

Мысль высокую Аллаха – облик
ваш передает!

Чтобы в сердце, как в зеркале,
отразился Божий Лик,

С сердца ржавчину сотрите
мелких, низменных забот!

Пусть в омытых ваших душах
навсегда, как у Руми,

В цветнике любви сердечной
образ Друга расцветет!..

В радостный час – наедине мы были вдвоем...

Здесь Руми повествует о своем таинственном общении и единении («там воедино слились мы вполне») с Шамсом, телесно находившимся в то время в другой стране, а духом пребывавшим с Руми. О подобном опыте общения вне времени и пространства сообщают многие суфийские наставники, а также христианские и другие мистики (ср. слова апостола Павла: «...Ибо хотя я и отсутствую телом, но духом нахожусь с вами, радуясь и видя ваше благоустройство...» – Кол. 2, 5).

Д. Щ.

В радостный час – наедине мы были вдвоем...

В радостный час – наедине мы
были вдвоем,

Там воедино слились мы вполне –
хоть были вдвоем.

Там, среди трепета трав, среди
пения птиц,

Мы причастились бессмертной
весне – мы были вдвоем!

Там, озаренные взорами
блещущих звезд,

Мы уподобились полной Луне –
мы были вдвоем!

Ибо меня, отделенного, не было
там,

Ибо твое было отдано мне – мы
были вдвоем!

Плакали кровью и пели любовь
соловьи,

Души тонули в небесном вине –
мы были вдвоем!..

.....
.....

...Я в Хорасане далеком в тот час
пребывал,

Ты ж находился в Евфратской
стране, – но мы были вдвоем!..

Только тело погибает, а душа живет, светла...

Описанное здесь восхождение от неорганического
вещества («прах», «минерал») через растительную и

животную жизнь («трава», «зверь») к разумному человеку – на первый взгляд представляется «гениальным предвосхищением» теории эволюции. Однако, более внимательно вчитываясь в строки Руми, мы понимаем, что у него, в отличие от жившего шестью веками позже английского естествоиспытателя, речь идет об «эволюции» не материи, но духа. Именно дух человека проходит все описанные выше ступени, чтобы впоследствии возвыситься до сверхчеловеческого уровня бытия – «Ангела». Однако суфия, достигшего уже в земной жизни этой «горней» ступени самоосознания, Руми призывает вновь сойти «в бездну темную» превратной земной жизни, дабы поделиться своим духовным опытом с учениками. Человек есть средоточие вселенной, в нем отражаются черты и свойства всего Космоса: «Строй созвездий отражают наши смертные тела!..»

Д. Щ.

Только тело погибает, а душа живет, светла...

Только тело погибает, а душа
живет, светла.

Ствол растет – не исчезает:
исчезает тень ствола.

Умирают отзвук, ответ – но не
сами Звук и Свет.

Помни: пламя не сгорает,
вещество спалив дотла.

В тленье праздная нетленья, от
начала бытия

Нас Дорога Превращений в гору
Разума вела.

Став из праха – минералом, ты
затем взошел травой,

Зверь возник из травной кущи – в
нем душа твоя жила!

И разумным человеком ты
предстал не навсегда:

Эта глина не навеки вид Адама
приняла!

Вскоре Ангелом ты станешь,
удалившись в горный мир,

И душа стяжает в высях, что внизу
не обрела.

Шамс! Покинь небес просторы, в
бездну темную сойди:

Строй созвездий отражают наши
смертные тела!..

Из «Песни ная»

Тростинка, отрезанная от корня и ставшая тростниковой флейтой-наем (излюбленным музыкальным инструментом на суфийских «радениях»), – символ человеческой души, разлученной с Аллахом («я с корнем своим разлучен!») и тоскующей по своему Возлюбленному – Источнику жизни, вдали от Которого душу ожидают страдания и смерть. Чем яснее осознает душа свою удаленность от Аллаха, тем более страстно она взывает к Нему и стремится к воссоединению с Ним. Таким образом, согласно Руми, все культурное творчество человечества (религия, музыка, словесное искусство, науки и т. д.) представляет собой, в конечном счете, страстный порыв к Богу – «далекому Другу», осуществляемый в «мире земном, опустелом и темном». Но особенно отчетливы слышатся «плач тростникового ная» в тех творениях человеческого духа, которые исходят непосредственно из сердца и исполнены любви: «пусть сердце поет, как влюбленная птица...».

Д. Ш.

Современное образование нацелено в первую очередь на развитие интеллекта. Цель – получение информации для адаптации к определенным видам деятельности в обществе. Человек как целое упускается из виду и получает прикладное, а не самодовлеющее значение. Суфийское же образование ставит целью самопознание ученика и его духовное восхождение, т. е. путь очищения сердца. При этом рассудку (плотскому разуму) отводится низшая ступень. Плотский разум – эгоистическое оперирование обыденной информацией с целью извлечения выгоды. Через «пение» (постижение прекрасного), воспринимаемое сердцем, человек возвышается до «воскресения» своего сердца («о сердце, воскресни»), которое становится «вещим» и способным интуитивно постигать высшую реальность («Твой разум оценит ли песню мою? // О нет, я для вещего сердца пою!..»). Путь умножения информации (технократическая цивилизация) без воспитания сердца приводит ко все большему одичанию общества, вплоть до массового уничтожения людей. Именно через очищение сердец начинает действовать в человеческом сообществе (суфийском братстве) важное средство воспитания – любовь между всеми проходящими процесс обучения. Постепенно формируется малый социум любящих учителя и друг друга

учеников. Это «малая модель» идеального общества, которую впоследствии остается «проецировать» на большое общество – государственную жизнь. Отсюда стремление суфиев сделать своих учеников государственными деятелями. Под исцеляемой душой («Любовь без врачебного лечит канона... С души отряса безверия прах, // Любовь ее к небу несет на крылах») подразумевается душа как отдельного человека, так и всего народа. Можно быть человеком широко информированным, но внутренне больным – отсутствие любви, заботы об окружающих ведет к психическим заболеваниям как индивидуальным, так и массовым. Результат – нарастание криминализации общества. Исцеление – в любви.

М. Х.

Из «Песни ная»

Прислушайся к звукам – и
сердцем внимай,
Как жалобно плачет и сетует най,

Как, слезно рыдая и горько стеная,
Разносится плач тростникового
ная.

«Скажи нам, о чем ты рыдаешь, о
чем?»

«О горе! Я с корнем своим
разлучен!

Любому, кто терпит любовные
муки,

Понятно и близко страданье
разлуки.

Нам сердца чужого познать не
дано,

Но в плаче с тобой мы сольемся в
одно:

Как души сраженных
смертельным недугом,

Мы станем рыдать, разлученные с
Другом.

Почувствуй же сердцем: мой
песенный дар –

Не ветер весенний, но огненный
жар!

И в мире холодном, во мраке
подлунном
Стань сам пламенеющим страстью
Меджнуном.

Твой разум оценит ли песню мою?
О нет, я для вещего сердца пою!..»
.....
.....

...Все чаще я внемлю рыданиям
ная,
И музыка в сердце смолкает иная.

О сердце, воскресни, ведь смерть –
не вдали:
Влюбись – и любовью себя
исцели!

Любовь без врачебного лечит
канона,
Она и Лукмана мудрей, и Платона:

С души отрясая безверия прах,
Любовь ее к небу несет на крылах!

Пусть сердце поет, как
влюбленная птица,
Иначе твой Друг от тебя
отвратится, –

Молись, чтоб, отвергнутый розой
своей,
В весеннем саду не замолк
соловей...

Ты – глина земная, ты – персть, но
при этом
Друг сердце твое озарил Своим
светом!

А если б Он свет Свой навеки
сокрыл, –
Ты бился б о землю, как сокол без
крыл,

И в мире земном, опустелом и
темном,
Ты б странствовал в страхе
бродягой бездомным...

Но светоч немеркнущий в доме
зажжен,
И в зеркале сердца твой Друг
отражен.

А если твой мир помрачило хоть
что-то –
Не медли и сердце омой от налета

Гордыни и злобы: омоешь – и
вмиг
В нем вновь отразится
возлюбленный Лик.

Прозреешь – и жизнь просияет
иная,
И сердцем услышишь рыдания
ная!..

Притчи Руми

Притчи Руми взяты из «Маснави-йи-манави»

(«Двустипшия с намеком на незримое») – грандиозной поэмы, в контексте которой они представляют собой наглядные иллюстрации к определенным положениям суфийского учения. Однако и вне контекста «Маснави» притчи Руми сохраняют свою огромную литературную, этическую и педагогическую ценность, что сделало их весьма популярными во многих мусульманских странах. Особо стоит вопрос о взаимовлияниях притч Руми и фольклорных источников различных культур Ближнего и Среднего Востока. Влияние притч прослеживается в литературе и фольклоре целого ряда народов на протяжении столетий. Следует особо подчеркнуть, что за оригинальным сюжетом каждой притчи Руми, обычно несущей заряд остроумия и поразительно яркой житейской мудрости, скрывается иная мудрость – мистическая, содержащая указания на тайны человеческой души, ее общения с Богом и духовного восхождения. Таким образом, притчи дают каждому читателю буквально то, что он «способен взять». К притчам Руми в наибольшей степени можно отнести слова из раннехристианского гностического апокрифа – «Евангелия от Филиппа»: «...Мудрый... познал пищу каждого: перед детьми он положил хлеб... перед рабами он положил... пшеницу, и скоту [он бросил ячмень], и солому, и траву. Собакам он бросил кости, [а свиньям он] бросил желуди... Так и ученик Бога... Формы телесные не введут его в обман,

но он посмотрит на состояние души каждого и заговорит с ним...» (пер. М.К. Трофимовой). Эти слова как нельзя более подходят к притчам Руми – с той только разницей, что, получая одну и ту же «духовную пищу», читатели великого суфия сами выбирают из нее то, что способны «усвоить», – от простого смысла до самого сокровенного... В связи со сказанным понятно, что сокрытый – эзотерический – смысл притч не может быть исчерпан до конца. Поэтому в дальнейших комментариях мы будем обращать внимание выборочно на тот или иной суфийский аспект каждой притчи.

I. Неспособные к обучению

В притчах этого раздела описаны такие качества характера и настрой ума, которые, оставаясь непреодоленными, лишают своих обладателей возможности усваивать посылаемые свыше наставления.

Татуировка

Суфийская система воспитания направлена на создание гармоничного «внутреннего человека», властвующего над низшими проявлениями своей природы (животными силами) и олицетворяемого поэтому в образе «царя зверей» – льва. В

данной притче создание такого «внутреннего льва» изображено в виде нанесения татуировки. Поскольку же путь суфийского послушника-*тюрида* связан с одолением больших испытаний, вступающий на этот путь должен быть мужествен и терпелив. При этом невозможно избежать каких-либо этапов пути и связанных с ними страданий – как нельзя изобразить льва «без брюха, без хвоста и головы»...

Д. Щ.

Казвинец, выведенный в притче, желает лишь одного – чтоб о его «силе львиной» повсюду «прошла молва». Следовательно, «лев» для него – не отражение его внутренней сути, а чисто внешнее украшение, которое призвано выставить его сильным в глазах окружающих людей. Итак, казвинец стремится «не быть, но слыть», и само испытание страданием выявляет в нем это противоречие между «внешним львом» и «внутренним зайцем». Разумеется, находясь в таком состоянии, человек совершенно не готов к вступлению на суфийский путь, требующий прямоты и решительности. Только совершив мужественный выбор и пройдя все испытания, суфий обретает власть над собой и окружающими обстоятельствами: «Знай – перед тем склоняются светила, // В ком власть душа над телом захватила». Согласно астрологии, судьба человека определяется звездами; но тот,

кто вышел из-под власти плотского начала, «управляет светилами», т. е. получает власть над своей судьбой. Такого человека «ни адский жар, ни солнце не сожжет»: как в Библии, так и в Коране земная история человечества уподобляется ночи, а мир грядущий, в котором присутствие Бога станет явным для людей, – восхождению «Солнца Праведности», дневному «жару». Вынести это, нестерпимое для нечестивых, сияние «Божьего лика» и наслаждаться им смогут лишь души, закаленные в горниле земной жизни и «воцарившиеся» над своей низшей природой, подобно льву в царстве зверей.

М. Х.

Татуировка

Какой-то житель города Казвина
Красой задумал похвалиться
львиной.

А для сего достаточно вполне
Носить наколку на своей спине.

Вот он к татуировщику пришел,
Разделся, лег и молвил: «Хорошо,

Коль обо мне везде пройдет
молва,
Что я, рожденный под созвездьем
Льва,

И впрямь отвагой обладаю
львиной:
Изображеньем льва укрась мне
спину!»

Тут мастер стал накалывать...
«Довольно, —
Казвинец заорал, — оставь: мне
больно!

Что́ ты рисуешь на моей спине?»
«Рисую льва, как Вы велели мне,

Его с хвоста я начал, как
ведется...»
«Лев без хвоста прекрасно
обойдется,

Начни его, к примеру, с головы!»
Тот начал... Пациент вскричал:

«Увы!

Что на моем ты вытворяешь
теле?!»

«Рисую голову, как Вы хотели».

«Невыносима эта голова...

С другого места наколи мне льва!»

Тот приступил... «Ты что
рисуешь?» –

«Брюхо!» «Помилуй, я теряю силу
духа,

Не надо брюха, краску пожалей,
Без брюха лев отважней и
смелей!»

В сердцах татуировщик иглы
бросил:

«Что ж, господин, пойдем –
прохожих спросим:

Неужто водятся на свете львы

Без брюха, без хвоста и головы?!.»

...Коль хочешь ты с могучим
львом сравниться –
Вели своим желаньям
потесниться,

А коль совсем терпеть не можешь
боли –
Так нет тебе среди отважных
доли!

Чтоб взять свои желанья в
обладанье,
Ты научись переносить страданья:

Знай – перед тем склоняются
светила,
В ком власть душа над телом
захватила.

Кто победил себя – тот господин
И горных высей, и морских
глубин.

Ни адский жар, ни солнце не

сожжет

Того, кто пламя Духа бережет.

Косой слуга

Притча иллюстрирует разницу между *шейхом* («хозяином»), достигшим просветления и потому прозревающим единый Лик Аллаха за «завесами» множества феноменов вселенной («один кувшин»), – и вступающим на духовный путь *мюридом*, которому бытие представляется раздробленным на множество явлений («два кувшина»). Ощутить единство бытия человеку мешает изъян в его мышлении – материалистическое мировидение («косоглазие»).

Д. Щ.

Здесь с очевидностью выражен важный принцип суфийской психологии: всякое восприятие действительности преломляется сквозь внутреннее состояние человека, поэтому, анализируя то, как ученик («слуга») воспринимает те или иные феномены окружающего мира, наставник может оценить его внутреннее состояние («косоглазие») и помочь ему одолеть свои пороки («двуличие» и «злобу»).

М. Х.

Косой слуга

Хозяин закричал слуге косому:
«Кувшин с вином неси сюда из
дому!»

«Несу! Да не могу я выбрать,
право,
Какой: который слева – или
справа?»

«Чушь не мели! У нас всего один,
Не медли и неси сюда кувшин!»

«Хозяин, странны мне твои слова:
Я вижу ясно, что кувшина – два!»

А тот в ответ: «Какое безобразие!
Вот до чего доводит косоглазие!»

Но, если ты и на ухо тугой, –
Один разбей, а принеси другой!..»

...Слуга в сердцах кувшин об

землю грохнул:

«Куда ж исчез второй?!» – он в
страхе охнул...

...И сам двуличный косоглаз на
вид,

И взгляд его – единое двоит,

А для того, кто злобою охвачен,
И свет незрим, и даже полдень
мрачен!

Глухой посещает больного

Притча иллюстрирует одну из основных причин взаимной подозрительности, переходящей в ненависть, между отдельными людьми, социальными группами, народами и вероисповеданиями. Эта причина – неумение и нежелание услышать и понять друг друга.

Д. Щ.

Кто же такой этот «глухой» в символическом смысле? Очевидно – тот, кто находится в состоянии патологического эгоизма, мешающего не только услышать другого, но и

признать, что другой человек является самостоятельной личностью, а не частью окружающей обстановки. Для «глухого» его будущий собеседник заранее схематизирован, обращен в своего рода марионетку, в уста которой «глухой» влагает свои собственные слова («сперва продумать надо всё до слова»). Таким образом, с самого начала перечеркивается любая возможность того контакта между душами, который мог бы облегчить положение страждущего. К сожалению, большинство случаев человеческого общения в той или иной степени подобны описанному в притче. А ведь каждый истинный контакт между личностями призван служить умножению добра в мире и восстановлению той утраченной некогда цельности, которую являли все души в момент их сотворения...

М. Х.

Глухой посещает больного

Корят глухого: «Ты пойд
проведай

Хоть раз больного своего соседа!»

Глухой пошел к больному, но в
тревоге

Остановился все же на пороге:

«Я глух, трудна беседа мне... Но,
впрочем,

Напрасно я всем этим озабочен:

Что́ молвит он, что́ мне сказать
ему –

Я это все по мимике пойму.

Но, чтоб исхода не было плохого,
Сперва продумать надо всё до
слова.

Вот я войду, спрошу: „Ну, как
дела?“

А он: „Мне лучше, боль почти
прошла“.

А я ему в ответ: „И слава Богу,
Пускай совсем уходит
понемногу!“

„Что ешь ты?“ – вопрошу. Он
скажет:

„Рис“. „Отличное питание,

ободрись! –

Скажу я. – „А кого ж из лекарей
Ты звал, чтобы с постели встать
скорей?“

Он назовет кого-то из врачей,
А я ему: „Сколь славен доктор
сей!

Лечиться у него всего полезней:
Он навсегда избавит от болезни!“»

И вот глухой к соседу входит в
дом,
И, хоть и видит – нет лица на нем,

Но вопрошает бодро: «Как дела?»
А тот: «Ужасно, жизнь почти
ушла».

Глухой в ответ: «Отлично, слава
Богу,
Пускай совсем уходит
понемногу!»»

Шепнул больной: «Не думал я
никак,
Что мне сосед ближайший –
лютый враг!»

«А что ты ешь?» – спросил
глухой. –
«Отраву», – Больной в ответ. –
«Питание на славу!

Почаще ешь!» – «Сколь сердцем
он суров!» –
Подумал тот. – «А кто из докторов

К тебе приходит?» – «О сосед,
помилуй,
Уймись – я завтра породнюсь с
могилой,

Уж Ангел смерти ждет души
моей!»

Глухой в ответ: «Он лучший из
врачей!

Войдет он – не останется и духа
От твоего несносного недуга!»

Ушел глухой, и умилен и рад,
И от Аллаха ждал себе наград:

«Я принял в муках ближнего
участье
И видел сам, как плакал он от
счастья!»

Меж тем и впрямь рыдал больной
сосед,
В то утро испытал беду из бед:

«Пусть Бог того настигнет тяжкой
дланью,
Кто радовался моему страданью!»

—

Шептал он. А растроганный
глухой,
Исполнив долг, обрел в душе
покой...

Корзина песка

Получив от «странника», символизирующего суфийского наставника, полезный совет для исправления жизни («ноша твоя будет облегчена»), «бедуин» (человек, не сведущий в духовной науке) начинает сомневаться в значимости совета. Ведь он узнаёт, что материальных благ не сподобился и сам советующий. Согласно суфийскому учению, человек, чрезмерно обремененный вещественными заботами и отождествляющий себя со своей физической природой (везущий с собой корзину, наполненную «песком» – субстанцией земли, того «праха», из которого был создан Адам) – неспособен принять духовное вразумление. Чтобы стать причастным к Высшей Мудрости, истинный суфий идет на многие жертвы, избирая путь «жалкого и нищего» странника.

Д. Щ.

Одна из характерных черт человека – постоянное сравнение себя с другими, чаще всего приводящее к негативным последствиям: взаимному непониманию, зависти, злобе, унижению другого. Земной мир – это перекресток, где встречаются друг с другом жизненные пути совершенно равноуровневых по своему состоянию душ. Их

цели, образ мыслей и действий, окружающие обстоятельства, соотношение Божественной милости и строгости в их бытии совершенно не сопоставимы.

В данной притче бедуин, вместо того чтобы принять относящийся к своей жизни благой совет странника, принимается анализировать жизнь этого последнего, сопоставляя ее со своей собственной. Но оценка жизни мудреца простолюдином «со своей колокольни» – дело бессмысленное. Дерзко взявшись оценивать, бедуин лишается пользы, которую мог бы извлечь из встречи с мудрецом. Почему же так происходит? Странник–суфий дает совет, великолепно вписывающийся в образ жизни наездника. Однако последний, начав сравнивать свою жизнь с жизнью пешехода, замечает лишь внешние отличия: тот идет пешком, нуждается в пище, «в награду за мудрость» постоянно страдает. Решив, что странник пытается навязать ему такой же образ жизни, наездник с негодованием отвергает подобное «вмешательство» в свои дела. Таким образом, следствием собственного эгоистического состояния (заметим, что нуждающемуся в куске хлеба наездник, обладающий «корзиной с зерном», не счел нужным уделить ни горсти) становится глухота к совету, могущему принести реальную жизненную пользу. Пожалев немного, человек упускает во много крат большее: сжимая руку перед нуждающимся, он лишается возможности и собственную

«ношу облегчить». А сам мудрец, видимо, в очередной раз, получает «в награду» горечь от невозможности реализовать свою мудрость.

М. Х.

Корзина песка

На рослом верблюде один бедуин
Вез пару огромных и полных
корзин.

В дороге он странника встретил, и
тот
Спросил, что за ношу с собой он
везет.

Наездник сказал: «На боку на
одном
Верблюд перевозит корзину с
зерном,

А для равновесия вздумалось мне
Корзину с песком на другой
стороне

Привесить ему». – Но прохожий
изрек:

«Из этой корзины ты высыпь
песок,

В нее пересыпь половину зерна,
И ноша твоя будет облегчена,

И сам ты спасешься от лишних
забот,

И вдвое быстрее верблюд твой
дойдет».

А тот: «Я умом твоим так
восхищен!

Я мудрым вниманьем твоим так
польщен!

Но что ж ты пешком совершаешь
свой путь?

Садись на верблюда! Еще
что-нибудь

Поведай, раскрой своей мудрости
ширь!

Ты, верно, правитель? Иль, может,
визирь?»

А тот: «Посмотри на мой старый
халат:

Ужель на правителе столько
заплат?!»

Ему бедуин: «Что ж, спрошу я
спроста:

А сколько отар ты имеешь скота?»

А тот: «От вопросов твоих я устал:
Овцы не имею, не то что отар!»

Тогда бедуин: «Ну скажи,
наконец,

Всю правду: что ты – знаменитый
купец,

И мне опиши свой прекрасный
товар!»

А тот: «Да я отроду не торговал!»

Сказал бедуин: «В самом деле? Ну

что ж,

Наверно, из меди ты золото льешь,

Как льется твоя драгоценная речь?

Ты – маг знаменитый, и мне не
перечь!»

Но путник ответил: «Я жалок и
нищ,

И хлеба прошу близ богатых
жилищ:

В награду за мудрость я век
голодал,

И всюду скитался, и много
страдал».

Вскричал бедуин: «Так зачем же
ты тут?

Пусть больше не носит тебя мой
верблюд:

Ты мудростью ложной, пока здесь
сидишь,

И долей несчастной меня

наградишь!

От жизни своей отведу я беду:
Направо иди – я налево пойду.

И пусть остается в корзине песок:
О да, я глупец, но мой жребий
высок,

Ведь Бог меня глупостью сей
наградил,

Чтоб в сытости я свои дни
проводил!..»

...Не думай, что мудрость твоя
велика:

В корзине души еще много
песка!..

Ответ Лейлы

Здесь Лейла символизирует Божественный Абсолют – цель стремлений и объект преданной любви суфийского адепта («Медждуна»). В образе халифа представлен человек,

ослепленный эгоизмом («печешься лишь о выгоде своей»), который напрасно прожил жизнь, гонясь за материальными объектами – призрачными проекциями, «теньями» Высшей Реальности. В притче отражено суфийское (соотносящееся с учением Платона) представление о взаимоотношении между прообразом (архетипом) явления, находящимся в вышнем мире, – и его отображением – «тенью» – в мире вещественном. Жизнь становится осмысленной лишь в том случае, если человек находится на пути к «вершинам духа», а не гоняется за «тенью призрачной». Истинный суфий – «человек, с ума сведенный страстью» – является «безумцем» в глазах тех закоренелых материалистов, чей «трезвый ум в гордыне вознесен», «чье сердце к страсти глухо». Однако только духовная любовь служит для души верным проводником в обители «высшей яви».

Д. Щ.

Притча выражает глубокую суфийскую идею: рассудочная «трезвость», т. е. рациональное познание, не позволяет проникнуть в истинную природу вещей, поскольку последняя коренится в метафизическом, духовном, мире. Таким образом, «царь» (т. е., говоря языком Священного Писания, «плотский разум») не может узреть ту скрытую красоту вещей («Лейлы»), которая постигается в состоянии экстатического озарения, вдохновения, когда

чувства человека обострены и постижение происходит интуитивно («Меджнун» в переводе с арабского – «безумец»). Чтобы не прожить жизнь зря («конец – и пуст колчан»), человек не должен увлекаться «теньями», т. е. изучением лишь частных феноменов бытия («твой взгляд за тенью призрачной следит»). Ему, напротив, следует направить внутренний взор на постижение самой Истины, «отражением» которой является вся множественность феноменов материального мира. Обучение, согласно суфийской традиции, должно вести ученика от явного (физического) к сокрытому (духовному), обострять его внутреннее восприятие, чтобы он не обманывался «кажущейся завершенностью» вещественного мира.

М. Х.

Ответ Лейлы

Когда Лейла в чертог царя вошла,
Тот изумился: «Ты и есть Лейла?»

Но где ж красы твоей волшебной
сила?

Чем ты Меджнуна разума лишила,

Невзрачная, обычная вполне?

И лик, и стан твой безразличны
мне!»

Лейла ему: «О царь, не зарекайся,
Ведь ты меня не видишь взором
Кайса,

Темны и тяжелы глаза твои:
Ты в вечной не клянешься мне
любви,

Мне сердцем не свершаешь
поклоненье,
От страсти не впадаешь в
опьянение.

Твой трезвый ум в гордыне
вознесен,
Но эта трезвость – самый тяжкий
сон.

Лишь человек, с ума сведенный
страстью,
Над высшей явью обладает
властью.

Хотя в твои закрытые зеницы
Свет Правды и пытается
пробиться,

Но ты сквозь сон, что камня
тяжелей,
Печешься лишь о выгоде своей.

Увы! Тому, чье сердце к страсти
глухо,
Вовеки не взойти к вершинам
духа:

Ты преуспел в своих земных
делах,
Но в вышнем мире обретешь лишь
прах.

Твой взгляд за тенью призрачной
следит,
Сама же птица по небу летит.

Ты за стрелой стрелу пускаешь
смело

Туда, где тень, а не туда, где тело,

И лишь тогда почувствуешь
печаль,
Когда поймешь: конец – и пуст
колчан!..»

Узник-обжора

В виде узника-обжоры изображен *нафс*, отличающийся неблагодарностью («должник, что многим долг не возвратил») и неспособностью к просветлению («тот, кто о Божьем позабыл законе»). Единственный способ совладать с *нафсом* – держать его постоянно под стражей («попал под суд, в темницу угодил»). Будучи «выпущен из темницы», т. е. освободясь от постоянного контроля со стороны разума, *нафс* всякий раз приносит новое горе своему обладателю. Тому же, кто служит ему постоянно («мы всюду странствовали вместе»), *нафс* к концу жизни («к вечеру») способен доставить одни убытки. Однако человек, зная это, тем не менее постоянно обольщается напрасной надеждой, ожидая иного исхода: «То ль нужен врач тебе от глухоты, // То ль слышишь то, что хочешь слышать ты?..»

Д. Щ.

Суфии разделяют издревле существовавшее представление о том, что земной мир является «темницей духов» (ср. I Петр. 3, 19), в которой каждая воплощающаяся в человеческом теле душа должна «расплатиться полной ценою». В данной истории содержится намек на то, что «долг» был «не оплачен» душой в высшем мире, за что она и попала на землю: «Должник... попал под суд, в темницу угодил». Руми проводит различие между духами («узниками»), склонными к исправлению, и теми, которые, не вразумляясь наказанием, ведут вампирический образ жизни («плачут все, лишь он смеется, сытый»). Нередко власти предержавшие, находящиеся на виду у всего народа («на верблюде пусть провезут тебя»), принадлежат именно к разряду «обжор», обирающих «узников». Возникает вопрос: почему же Бог допускает до власти таких людей? В соответствии с данной историей можно ответить так: их злодеяния, совершаемые публично, являются предостережением для одних и испытанием для других: «Пусть агнцем притворится этот волк... Смотри – не доверяй плуту и вору, // В лицо запомни этого обжору!». Подобные люди, окончив («проехав на верблюде», т. е. гордо и властно пройдя) свой жизненный путь, оказываются «должниками» уже по отношению к миру земному: «Коль в долг возьмет – запомни: не вернет он». Остается только

гадать, какая участь ожидает подобную душу после смерти тела (наказание в преисподней и т. п.), – во всяком случае, обратно «в темницу», т. е. в земной мир, в таком состоянии ей путь закрыт («тебя я изгоняю из темницы»). Однако же просьба других «узников»: «Хоть на поруки взять его вели» – содержит намек на суфийскую концепцию «заступничества» праведного *шейха*, который благодаря своей духовной мощи может «вытянуть» из бездны зла даже тяжелого грешника (ср. новозаветное учение об искуплении грехов Иисусом Христом).

М. Х.

Узник-обжора

Должник, что многим долг не
возвратил,
Попал под суд, в темницу угодил,

И там, где были редкостью
лепешки,
Всех объедал, не оставлял ни
крошки.

В три пуза ест – в лачуге иль на
троне –

Тот, кто о Божьем позабыл законе.

Пусть узники не заслужили рая, –
Но, как в аду, от голода сгорая,

Они теперь свои влачили дни.
«Ну, как нам выжить?» – думали
они.

Тюрьма обжоре стала местом
пира,
А узники с тех пор не знали мира.

А настоящим миром нас дарит
Аллах, когда он с сердцем
говорит.

Так расплатись же полной ценою,
Сойдя в сей мир – узилище
земное!..

...И узники взмолились, чтоб
факих
Пришел на помощь, вник в
несчастье их:

«Еды в тюрьме и прежде было
мало,
Ну, а теперь совсем ее не стало,

Поскольку сей обжора и злодей
Жрет так, как будто рядом нет
людей.

А скажем слово – станет он
вопить:

„Аллах нам заповедал есть и
пить!“

Когда ж садимся мы за стол
накрытый,
То плачут все, лишь он смеется,
сытый.

Судья, его от нас ты удали –
Хоть на поруки взять его вели.

Тебя мы молим, руки простираем:
Тогда для нас темница станет
раем!»

Факих решил: «Того обжору мы
На волю выпускаем из тюрьмы.

Да будет всем и каждому
известно,
Что объедалам и в тюрьме не
место!»

Должник-обжора горько зарыдал:
«О, хоть бы мне факих отсрочку
дал!

Ведь здесь я сыт, а при моем
обжорстве
Не выжить мне на собственном
довольстве.

Ведь от Аллаха, как Пророк учил,
И сам Иблис отсрочку получил!»

Факих в ответ: «Сидеть с тобой не
хочет
Никто, все узники тебя порочат.

Так знай, что ты свободен с этих
пор,
И твой я отменяю приговор.

А чтоб и впредь ты к нам не
попадал,
Я о тебе такой приказ издал:

По площадям и рынкам на
верблюде
Пусть провезут тебя, чтоб знали
люди,

Какой ты лжец, чтоб впредь, боясь
убытка,
Тебе никто не одолжил и нитки!

Иблис был изгнан Божьею
десницей,
Тебя ж я изгоняю из темницы!..»

...Тут у погонщика верблюдов был
нанят,
И страж до вечера был тем и
занят,

Что на верблюде должника возил
И всем вокруг убытками грозил.

Страж восклицал: «Вот он,
обманщик, вот он!

Коль в долг возьмет – запомни: не
вернет он!

Пусть агнцем притворится этот
волк, –

Гони его, ему не верь ты в долг!

Гони его! Тебе уж не добиться,
Чтобы его мы бросили в темницу!

Смотри – не доверяй плуту и вору,
В лицо запомни этого обжору!»

Тому, что страж кричал простому
люду,

Внимал погонщик одного
верблюда:

Он следом шел, и даже был

знаком

И с курдским, и с сирийским
языком,

На кои те, что мимо проходили,
Глашатая слова переводили.

Так показав мошенника повсюду,
Его спустили вечером с верблюда.

И вот к нему погонщик подошел,
Который понял всё так хорошо,

Что молвил: «О тебе я слушал
вести

Весь день, мы всюду
странствовали вместе,

И оказался к вечеру без сил
Верблюд мой, что с утра тебя
носил.

И потому ты прежде, чем уйти,
Сполна мне за катанье заплати!»

Должник в ответ: «Не ты ли
крикам стража
Внимал о том, что нищий я, что
даже

Монеты не имею, что, кляня,
Должны вшаей все люди гнать
меня?

Не ты ль на всех услышал языках,
Что не смогу я заплатить никак, —

И все ж с меня потребовал ты
плату?

Не знаю — то ль умом ты
небогатый,

То ль нужен врач тебе от глухоты,
То ль слышишь то, что хочешь
слышать ты?..»

...О слышащий, внемли: лишь
Божий Дух
Нам отверзает зрение и слух.

Но кто одной корыстью жив и
дышит, –
Тот слеп и глух, не видит и не
слышит.

А кто не слышит высшего
веленья,
Тому не шлет Создатель
исцеленья!

Обморок

Смысл притчи в том, что внезапное и интенсивное духовное воздействие («аромат») может повредить состоянию неподготовленного и, тем более, погрязшего в пороках человека. Таких людей, не готовых к восприятию духовных влияний, суфии не принимали в свои братства.

Д. Щ.

Здесь содержится важное предостережение: «благоухание» духовности, высшей мудрости и т. п. не должно касаться «обоняния» (т. е. разума и чувств) тех, кто не подготовлен к этому предыдущей жизнью. Человеку, привыкшему к «смраду» злых замыслов и дел, внезапное

соприкосновение со святостью и высокой духовностью может только повредить. Вспомним евангельское предупреждение: «Не давайте святыни псам и не бросайте жемчуга вашего пред свиньями...» (Матф. 7, 6). Заметим, что сказанное не относится к тем, кто приносит покаяние за свой «зловонный» образ жизни и готов переменить его. Однако ведь в последнем двестишии притчи явно говорится о тех, «кто Правды отвергает аромат», т. е. – не кается в содеянном зле.

М. Х.

Обморок

Кожевник, коему привычен смрад,
Пришел на рынок, в
парфюмерный ряд.

Вдохнул он аромат – и в тот же
миг

Его глубокий обморок постиг,

И он упал, как мертвый, на виду
У всех, кто находился в том ряду.

Один из тех, кто мимо проходил,

Сказал, вздохнув: «Так, видно, Бог судил!»

Другой, чтоб участить ему
дыханье,
К его ноздрям поднес благоуханье,

Не зная, что такое вещество
Как раз и ввергло в обморок его.

А третий влить ему пытался в
горло

То, от чего ему дыханье сперло,

И, поднося флакон к его глазам,
Упорно капал розовый бальзам.

Но это все лишь дело ухудшало,
И грудь несчастного едва дышала.

Сказал сосед: «Мы рядом с ним
живем,

Давайте его брата позовем!»

А брат, что вскоре был на рынок

позван,

В пути запасся шариком
навозным:

Он был не только брат, но также
друг,

И сразу братний разгадал недуг.

Когда болезни ведома причина,
То действенна бывает медицина.

И брату брат рыдающий поднес
Навоз, с собой прихваченный, под
нос:

Кто к смраду приучил свое
дыханье,

Тому смертельный яд –
благоуханье!

И брат постиг, что брата с ног
свалила

Благоуханий непривычных сила.

Он, жизни дорогого брата ради,

От яда подобрал противоядьё,

И брату стал навоз втирать в
виски:

Ведь души братьев были так
близки!

Известно изречение Галена:
«Привычное – несёт
выздоровленье!»

И вот, вдохнув привычный дух
смердящий,
Кожевник ожил, стал дышать все
чаще,

Ему внезапно стало хорошо,
Он зачихал – и обморок прошел!..

...Кто Правды отвергает аромат,
Того судьба – вдыхать безумья
смерд!..

Сторож

Этот рассказ – иллюстрация к одному из важнейших положений суфизма, согласно которому всякое духовное усилие и действие, в том числе обучение ученика той или иной истине, должно быть своевременным, иначе оно теряет смысл.

Д. Ш.

Существует два типа обучения: обычное – обучение навыкам, и суфийское – применять свои способности в нужное время, в нужном месте и должным образом. Сторож в притче представляет человека, не обученного именно суфийскому пути: он оказался не способным в нужный момент применить свои дарования спасительным для всего каравана образом. Здесь Руми наглядно объясняет, чем суфийский способ воздействия на мир отличается от обычного. Любые навыки, и даже высшие способности, человек может использовать как на благо людям, так и во зло: имеющий дар слова может как остановить кровопролитие, так и призвать к резне. Сторож в притче «дрожал от страха» – т. е. предал интересы всего каравана ради собственного благополучия. Здесь мы опять наблюдаем перевес эгоизма над долгом.

М. Х.

Сторож

На караван грабители напали,
А сторож спал, как все другие
спали.

Но воры никого будить не стали,
И все верблюды в эту ночь
пропали.

Купцы проснулись, глядь –
верблюдов нет!

Тут к сторожу они: «Давай ответ,

Не то придем тебя, чурбан ты
старый:

Кто взял верблюдов? Кто унес
товары?!»

А он: «Во тьме разбойники
напали,

Вот потому верблюды и пропали!»

«Так почему же ты, бурдюк
пустой,

Не дал отпор презренной шайке
той?»

«Их много было, я – всего один,
И стало жаль мне собственных
седин!»

«Что ж ты не крикнул: „Караул!
Грабеж!“?»

«Мне атаман приставил к горлу
нож,

И я дрожал от страха... Но теперь
Так жаль утрат мне ваших и
потерь,

Что я бы громко до ночи тянул:
„Проснитесь, люди! Грабят!
Караул!“»

...О муж, не спи, будь бдителен и
строг
К своей душе! Не упусти свой
срок!

Коль повлекут тебя на Страшный
суд,
Тебя в тот час молитвы не спасут!

Собака бедуина

Притча осуждает показной аскетизм религиозных фанатиков. Под «собакой» подразумевается плоть – «животное начало», которое человек решает уморить постом и пренебрежительным отношением, хотя призван поддерживать свою жизнь. В действительности плоть – «друг... верный» человеческого духа, помогающий ему осуществлять свое земное предназначение: учиться сосредоточенности и духовному бодрствованию («добывать дичь»), а также не расточать достигнутого, храня свои замыслы и озарения («страж... по ночам»). В то же время притча осуждает и буквальную жадность по отношению к окружающим.

Д. Щ.

Мировоззрение выведенного здесь бедуина – меркантильное до такой степени, что малейшее из сферы физической (корка хлеба) в его глазах перевешивает важнейшее из сферы эмоциональной (сопереживание,

слезы). Руми, очевидно, обращает особое внимание на такое искажение в душе, поскольку оно характерно для очень многих людей. Подобное состояние, конечно же, является тупиковым для духовного развития личности.

М. Х.

Собака бедуина

Хозяин-бедуин стоял и плакал
Над подыхающей своей собакой.

И спросил прохожий: в чем
причина
Столь безутешной скорби
бедуина?

А тот в ответ: «Отходит друг мой
верный,
Он много лет был предан мне
безмерно:

Добытчик дичи, страж мой по
ночам,
Врагов он лаем яростным
встречал!»

«Скажи, а твой четвероногий друг
Был ранен? Иль скосил его
недуг?»

«О нет, – в ответ хозяин произнес,
–
От голода околевает пес!»

А тот: «Терпенье – врач в таких
делах,
Ведь любит терпеливого Аллах!

Но, друг мой, откровенен будь со
мной:

А что ты носишь в торбе за
спиной?»

«Мне кажется, что твой вопрос
нелеп:

Как все, я мясо в ней ношу и
хлеб!»

«Но если дорог пес тебе и близок,
Что ж ты ему не бросишь хоть

огрызок?»

«Бросаться хлебом? Разве ж это
можно?

Я сам погибну с торбою
порожней!

Добыть еду – немалый нужен
труд,

И лишь за слезы денег не берут!»

«Да грош цена, – прохожий тут
вскричал, –

Твоим рыданиям и твоим речам!

Коль с другом ты не делишься
едой,

Не человек ты, а бурдюк пустой!

Столь жаден ты и столь безмерно
слеп,

Что горьких слез тебе дороже
хлеб.

Но только тем и дорога слеза,

Что сердца кровь сочится сквозь
глаза.

А слезы, что над псом пролил ты
ныне,

Они – ничто, и сам ты – прах
пустыни!»

Дурак и медведь

Сюжет рассказа известен с античных времен и отразился в фольклоре многих народов (ср., например, известную басню Крылова). В суфийском осмыслении медведь – символ «животной души», а сострадательный странник, зовущий дурака последовать за ним, – олицетворение духовной интуиции. Победив «змея» (какую-то наиболее гнетущую и порочную свою страсть) и освободив «животную душу» из-под ее власти, адепт суфизма, по мысли Руми, не может целиком довериться своей грубой натуре, но обязан следовать призыву свыше («страннику»).

Д. Щ.

Дурак и медведь

Сражался с медведем
прожорливый змей,
И в битве той змей оказался
сильней.

Но мимо шел тот, кто ни разу
нигде
Попавших в беду не оставил в
беде:

Муж добрый, готовый несчастных
спасти,
Покинутым в скорби – на помощь
прийти,

Защитник людей и спасатель
зверей,
Спешащий бессильным помочь
поскорей.

От змеевой пасти медведя он спас,
Его от напасти избавил тотчас:

Разрубленный змей неподвижно

лежал!

Медведь за спасителем вслед
побежал,

К ногам человека покорно припал
И верною службой служить ему
стал:

Медведь человеку был предан
вполне,
Его охранял наяву и во сне.

Шел странник однажды той
дальней тропой,
Весьма удивился он дружбе такой.

Узнав, что медведь был от змея
спасен
И что соблюдает он дружбы закон,

Он доброму мужу сказал от души:
«Покинь ты медведя, за мной
поспеш:

Не может быть другом ни зверь,

ни глупец,

У дружбы такой будет скверный
конец!»

А тот отвечал: «Твои речи пусты –
Я думаю, мне позавидовал ты,

Ведь друга такого не сыщешь
вовек:

Он телом – медведь, а душой –
человек!»

А странник ему: «На меня
положись,

Забудь о медведе, со мной
подружись:

Ты добрым посулам медведя не
верь,

И телом он зверь, и душою он
зверь!»

А тот: «Перестань лезть в чужие
дела,

Лишь с этим медведем мне

дружба мила!

Иль ссору меж нами ты хочешь
разжечь?

Уйди, мне твоя опротивела речь!»

А странник: «Людей увещать мы
должны:

Всю правду сказал я – и чист от
вины.

Бессилен мой разум в подобных
делах,

Судьбу человека решает Аллах!..»

...Вот как-то муж добрый устал и
прилег,

Медведь же покой его чутко
стерег

И мух отгонял, не тревожили чтоб.

Одна из них спящему села на лоб:

Медведь от усердия булыжник
схватил –

И спящего по лбу с размаху
хватил!..

...Пойми, не напрасны слова
мудрецов,

Что горе приносит усердье
глупцов.

Дружить с дураком, находиться
при нем

Опасно: ведь ум его плотью
пленен.

В свидетели он призывает Коран,
И все же он лжет, его клятва –
обман.

От дружбы, любви и усердия
глупца

Защиты проси у благого Творца!

Старческий недуг

Притча иллюстрирует суфийское положение о том, что

причины всех бед человека («недугов») следует искать в нем самом («старость» символизирует здесь постоянно действующие духовные причины, а «гнев» – состояния, в которые человек периодически впадает). Без перемены внутренних факторов бесполезно прибегать к чисто внешним воздействиям на ученика («микстурам и настоям»).

Д. Щ.

Старческий недуг

«Что делать? – старец доктора
спросил, –
Болят виски, совсем не стало сил».

А доктор: «Дорогой, ведь ты уж
стар,
И потому больным и слабым
стал!»

А тот: «Как быть мне? Я почти
незряч».

«То признак старости», – ответил
врач.

Заплакал старец: «Ломота в

костях!»

А тот: «Бывает в старости и так!»

«Ах, врач, любая пища мне
горька!»

А лекарь: «В том несчастье
старика!»

«Порой мне, доктор, трудно
сделать вдох!»

А тот: «От долгой жизни стал ты
плох!»

«Ах, милый врач, желаний
плотских нет!»

А лекарь: «Да тебе уж сколько
лет?»

Спросил больной: «Но как мне
ободриться?»

А врач: «Пора со старостью
смириться!»

Взорвался старец: «Что ты, словно
мул,

Одну и ту же песню затянул?

Меня своим присловьем не
дурачь!

Вот если б ты был настоящий
врач,

То дал бы мне микстуры и настои,
А ты сидишь и мелешь тут пустое:

Скажи, где к исцелению стезя,
А не тверди, что вылечить
нельзя!»

А врач: «Беседы нашей
продолженье

В том состоит, что впал ты в
раздраженье:

Ведь человек, изрядно постарев,
Порой впадает в беспричинный
гнев!»

Вор-барабанщик

Один из смысловых пластов притчи связан с неразумием человека («старика-владельца»), который не успеваешь взяться за ум в течение всей жизни («ночи» – времени обитания души «за завесой» тела) и спохватывается лишь в момент, когда смерть («вор») уже успела сделать «подкоп под забор», чтобы унести самое драгоценное – возможность жить и действовать («утро» символизирует пробуждение души в ином мире).

Д. Щ.

Вор-барабанщик

Однажды некий расторопный вор
Подкапывался ночью под забор.

Старик-владелец пробудился: кто
там?

И спросил, приблизившись к
воротам:

«Что ты затеял здесь возню
свою?»

«Я барабанщик, в барабан я бью!»

«Зачем сейчас-то бить? Ведь люди
спят?»

«Свой долг исполнить я и ночью
рад!»

«Нет, что-то тут не вяжется с
тобой:

Не слышен мне твой барабанный
бой!»

«Тебе, отец, теперь поспать пора,
А барабан услышишь ты с утра!

Ведь в доме крик раздастся утром
рано

И оглушит погромче барабана!

Все взвоят: „Нас ограбили!
Разбой!“ –

А это чем не барабанный бой?..»

Клятва пса

К мыслям о духовном обустройстве своей жизни

(«построении дома») человек, согласно этой притче, склонен обращаться в трудные времена («осунулся, стал худ»), но вновь забывает о них в периоды благоприятные («разъелся, растолстел»), когда наступает время исполнить обет, данный в момент бедствия. В Коране об этом сказано так: «Когда людей настигает зло, они взывают к Господу своему в раскаянии. А потом, когда Он дает вкусить им от Своего милосердия, то некоторые из них поклоняются наряду со своим Господом другим богам, дабы не признавать того, что Мы им даровали...» (Коран 30, 33–34).

Д. Щ.

Клятва пса

Пес голодал зимою и тощал,
И самому себе он обещал:

«Как потеплеет, к нынешнему
лету
Я дом себе построю по обету!

Ведь я теперь осунулся, стал худ,
И для меня не столь уж тяжкий
труд –

Соорудить ту малую камору,
Что худобе моей как раз и впору».

Но к лету пес разъелся,
растолстел,
И строить дом уже не захотел:

«Пусть даже возведу домишко
скромный, —
Как помещусь в нем, толстый и
огромный?»

А для большой постройки сил-то
нет:
Придется мне нарушить свой
обет!..»

...В несчастьях человек дает
обеты:
«Клянусь, мол, совершить и то, и
это...»

Но чуть минует ряд событий злых
—
О клятвах забывает он былых!

Испуг

Социально-сатирическое содержание этой притчи очевидно. Вместе с тем у нее имеется и более глубокий подтекст: оказавшись в вещественно-телесном мире, даже дух мудреца и праведника («соседа») подвергается многим напастьм, постигающим тех, кто далек от познания Истины («ослов»). Законы, действующие в физической реальности («царя приказ»), зачастую равно применимы и к святым, и к грешным (ср. в Библии: «Всему и всем – одно: одна участь праведнику и нечестивому... чистому и нечистому...» – Еккл. 9, 2). Поэтому, по мысли Руми, страдания достойных людей далеко не всегда можно объяснить какой-либо виной с их стороны. *Д. Ш.*

Испуг

«Сосед, спаси!» – «Да что с тобой,
сосед?»»

«Скорее спрячь меня: беда из
бед!»»

«Что за беда?» – «Царя приказ

таков:

Набрать в обоз для войска
ишаков!»

«Приказ царя? Но ты-то – не
ишак,
И почему разволновался так?»

«Но может кто-нибудь из царских
слуг

Принять меня за ишака! А
вдруг?!..

И что́ я им сумею доказать,
Когда, схватив, начнут меня
вязать?

Кого-нибудь они, наверняка,
Уже ведут, приняв за ишака!»

Лицом к хвосту

Сила эгоизма («она и своенравна, и горда») заставляет человека отвращаться от Творца, «поворачиваться спиной» к

Лику Божьему (ср. у пророка Иеремии: «...Они... жили по внушению и упорству злого сердца своего, и стали ко Мне спиною, а не лицом» – Иер. 7, 24). Взгляд себялюбца обращен исключительно к собственной корысти, что мешает ему приблизиться к Богу («домой... возвратиться»). Поэтому система суфийского обучения направлена на переориентацию жизненных ценностей человека («как поскачешь – сядь лицом к хвосту»).

Д. Ш.

Лицом к хвосту

Раз к воеводе обратился воин,
Что верен был и милости достоин:

«Вели, чтоб конюх дал мне
кобылицу –
Домой, к семье спешу я
возвратиться!»

А тот ему: «Ты в стойло сам
ступай

И серую кобылу оседлай!»

«Да будь неладна серая кобыла,

Ведь помню – нелегко с ней
сладить было:

Она и своенравна, и горда –
Вперед не шла, а пятилась
всегда».

«И все же оседлай кобылу ту,
Но как поскачешь – сядь лицом к
хвосту!..»

...Не только лошадь, – человек
иной
По жизни шествует вперед
спиной:

Упрямы духа живет в его груди
И не дает узреть, что впереди!..

Певец

Если во многих суфийских текстах «опьянение»
означает мистический экстаз, то здесь оно, напротив,
символизирует неспособность плотского разума («начальник

стражи») ориентироваться в духовной реальности. Обладая способностью только логического мышления, претендующего на однозначность любых решений, начальник стражи впадает в страшный гнев, когда сталкивается с вопросом: «Откуда знать?». Последний как бы воплощает в себе неоднозначность подхода к различным явлениям, который характерен для мистического восприятия, а также искусства («певец»). Рассказ указывает также на недоступность суфийских истин для людей, мыслящих слишком прямолинейно.

Д. Щ.

Певец

Начальник стражи, грозный и
хмельной,

Призвал певца: «Ты мне такое
спой,

Чтоб мог я отвести больную
душу!»

И пел певец, а тот, качаясь,
слушал:

«Откуда знать мне, мрак ты или

свет?

Откуда знать мне, любишь или
нет?

Откуда знать мне, верить ли
судьбе?

Откуда знать, я нужен ли тебе?»

Так повторял опять он и опять,
Вздыхая томно: «Ах, откуда
знать?..»

Начальник стражи гневно вдруг
взглянул

И острой саблей над певцом
взмахнул.

Но друг – хмельного за руку
схватил

И тем удар смертельный отвратил:

«Приди в себя, ты не в бою,
храбрец,

И пред тобой не воин, а певец!»

А тот: «Зачем опять он и опять
Твердит: „Откуда знать, откуда
знать“?!»

За это пусть ответит головой,
Чтоб понял: коль не знаешь – так
не пой!»

Лиса, лев и осел

В образе осла выведен начинающий, нестойкий адепт суфизма, наставленный в основах учения о терпении (сабр) и уповании на Бога (таваккул), однако постоянно соблазняемый своим плотским разумом. Последний изображен в виде лисы, приводящей «неотразимые» аргументы, которые сбивают «верующего» осла с толку и понуждают его изменять собственным принципам. Лев – символ духовной смерти, подстерегающей отступника от Истины. Рассказ заимствован из сокровищницы сюжетов «Калилы и Димны». Все подобные сюжеты, имеющие в первоисточнике буквально-житейскую направленность, переосмыслены Руми в духе суфийской мистики. Диспут лисы с ослом – пародия на споры между кадаритами, доказывавшими наличие у человека свободной воли, и

джабаритами – сторонниками абсолютного
предопределения.

Д. Щ.

Лиса, лев и осел

Стоял на равнине осел бедняка:
Все ребра видны сквозь худые
бока.

Вокруг – одни камни, на коих,
увы,
Почти не осталось кустов и травы.

А рядом, в чащобе, где лев обитал,
В прохладной тени травный сад
расцветал.

Но лев сожалел и скорбел об
одном:
Он в битве неравной был ранен
слоном.

Страдал он, что пищу не мог
добывать

И хищным клевретам куски
раздавать.

Почуяв, о чем наш осел горевал,
Лев царственным рыком лисицу
призвал:

«Сумей похитрее к ослу подойти,
Да всяческих басен ему наплети,

Да сладким посулом его соблазни,
Да прямо к берлоге моей примани,

Чтоб, мяса наевшись, набрался я
сил

И всех бы придворных своих
угостил!..»

А та: «Всю дорогу хитра я была!
И так ли уж трудно сбить с толку
осла?!..»

.....

.....

...И вот уж лиса окликает

ослишку:

«Приветствую, милый! Как
жизнь? Как делишки?

Но чем же, скажи, ты питаешься,
друг?

Куда я ни гляну – лишь камни
вокруг!»

Осел отвечал: «Не моя в том вина:
Такая мне доля от Бога дана!

Но я на свой жребий не смею
роптать,
Боюсь – как бы худшего не
испытать.

Одной лишь травинкой утешен и
сыт,
Я Богом обласкан, я Им не забыт!

Доволен я малым и знаю закон:
Где роза – там шип, а где клад –
там дракон!...»

...На это лисица ответила так:
«Средь плевел и терний находим
мы злак,

Нам разум и силу Творец даровал,
Чтоб каждый трудом себе хлеб
добывал,

А кто не желает трудиться, пусть
тот
От Бога даров благодатных не
ждет!»

Ответил осел: «Нет, пусть верит
бедняк,
Что Бог одарит его пищей и так –
Без всяких трудов, от небесных
щедрот,
Как кормит Он птицу, и рыбу, и
скот!»

Лисица в ответ: «В нашем мире
навряд
Всяк верует крепко, не каждый же

свят.

„Смиренье – сокровище“, – учит
Пророк.

Сокровище выкопать каждый ли
смог?

Кто ищет и трудится в полную
меру,
Тот делом являет терпенье и
веру!»

Осел ей: «Кто хочет побольше
урвать,
Тот Бога забыл, перестал уповать!

Мы всюду снуем, пропитание
ищем,
Меж тем нам судьбой уготована
пища,

А кто недоволен своею судьбой,
Тот зол и не может жить в мире с
собой!»

Сказала лиса: «Но и ныне, как
встарь,
Не ленится – трудится каждая
тварь,

Работой своей занимается всяк –
Строитель и сеятель, ткач и
скорняк.

И ты бы, чем лени своей потакать,
Отправился лучшую пищу
искать!»

Осел же в ответ: «Возражаю опять
–
Не действовать надо, а лишь
уповать,

Тогда обретешь ты награду свою
И здесь, на земле, и на небе, в
раю!»

Услышав, что он помянул небеса,
Вести пререканья устала лиса,

И молвит: «Еще на бесплодных
камнях

Денек попасешься – рассыплешься
в прах!

Ступай же за мной: ведь дорогу я
знаю

К земному, зеленому, травному
раю,

Где скроется в травах и рослый
верблюду,

Где каждый найдет и еду, и уют!»

О, если бы ослик наш, правду ища,
Спросил бы лису: «Отчего ж ты
тоща?

Коль там и отрада, и пища для
всех –

Скажи, почему поистерся твой
мех?

Коль там наслажденье, коль рай
там земной,

Что ж ты истекаешь голодной
слюной?

Коль там – насыщенье всем
бедным и нищим,
Что ж взор твой тревожен, а облик
столь хищен?»

Но мыслить и спорить осел
перестал,
Он веру утратил, душою устал.

Взял голод свое: лишь мечта о
траве
Росла и цвела у осла в голове!

Обещанный рай наяву ему снился,
И он за лисицей бегом
устремился:

Ведь что б ни случилось и ныне, и
впредь –
Осел по-ослиному станет реветь!..

.....
.....

...Когда ж подошли они к
страшной пещере,
Лев прыгнул, взъярившись и зубы
ощеря,

Но, слабый, больной – он
допрыгнуть не смог...
Осел же взревел – и сквозь лес
наутек!

Вскричала лиса: «Он же был в
двух шагах!
Зачем поспешил ты, о доблестный
шах?

Нам сила терпенья от Бога дана,
Но клонит к поспешности нас
сатана!

Не скажет ли ныне лесное зверье,
Что вовсе померкло величье
твое?»

Ругая себя, от стыда присмирив,

«Ну что ж, ты права, – ей
ответствовал лев. –

Ведь голоден я и немного ослаб...
Ах, снова сейчас подстеречь мне
осла б!

Конечно, теперь бы я не
сплоховал,
Подполз бы поближе – и вмиг
разорвал!

Поэтому вновь отправляйся к
ослу:
Я славу воздам твоему ремеслу,
Коль сможешь ты лестью его
окрутить
И снова к пещере моей
возвратить!»

Лиса ему: «Самое хитрое слово
Не сразу к тебе приведет его
снова.

Но там, где бессильно величие
льва,

Поможет ослиная нам голова:

Она постоянно полна всяких
бредней,

Так пусть же исчезнет в ней разум
последний!..»

.....
.....

...Лисица к ослу возвратилась
бегом,

А тот: «Говорить не желаю с
врагом!

Я думал, что искренна дружба
твоя,

А ты сговорила со львом, как
змея!»

Лиса отвечала: «Нет, страх твой
нелеп:

Ведь если бы там и взаправду был
лев,

А я бы жила и питалась там
всласть,
То как бы от львиных зубов я
спаслась?

Но я потому и сыта и жива,
Что там только призрак ужасного
льва, —

Он травы обильные оберегает,
Зашедших слонов, носорогов
пугает!

Теперь же прошу я меня извинить:
Уж слишком хотелось тебя
накормить —

Такой ты был тощий, так жаль
тебя было...

О призраке льва я сказать
позабыла!»

А он ей: «Со львом ты спозналась
сперва,

Теперь говоришь мне о призраке
льва!

Ты хуже змеи: та язвит только
тело,
А ты умертвить мою душу хотела,

Меня побуждая в безверие впасть,
Чтоб прямо ко льву я отправился в
пасть!»

А та: «Наша дружба прекрасней
вина –
Чиста и прозрачна до самого дна!

Поверь – охраняет лесные
владенья
Не лев, а всего лишь его
привиденье!

В случайной ошибке меня не
вини,
Отбрось подозренья и дружбу
цени!

Хоть много напраслин возводят на
лис,

Но мы же друг другу в любви
покаялись!»

Пытался осел удержаться, как мог,
Но голод мутил и сбивал его с ног.

«Послушаюсь, – думает, – снова
лису,

И этим от голода брюхо спасу,

А если и сгину от львиных когтей,
Все ж стихнет бурчанье в пустом
животе!...»

.....
.....

...Уча, что смиренье – превыше
всего,

Пал жертвой осел живота своего:

Все мысли его полонила трава!
И снова он встретил свирепого
льва –

И был на куски им разорван
жестоко!..

Тут лев отлучился – испить из
потока,

А в эти минуты лиса сожрала,
Не в силах терпеть, мозг и сердце
осла!

«Лиса! Отвечай мне: где мозг и
где сердце?!»

Казалось бы, хитрой уж не
отвертеться,

Ан нет – удалось: «Их и не было,
шах!

Он был бессердечный, безмозглый
ишак!

Ведь ты его встретил – и не
уничтожил,

Он словно бы умер – и заново
ожил,

Ему привелось Страшный суд
пережить!

Но вновь он решился со мною
дружить,

Опять согласился сюда
припереться, –

А ты говоришь о мозгах и о
сердце!

В затменье души он не видел ни
зги, –

Какое там сердце, какие мозги?!..»

Три совета

Притча говорит о тщетности дальнейшего обучения того ученика («ловца»), который не сделал практических выводов из прежних наставлений учителя («птицы»: этот образ напоминает о райских птицах, постоянно воспевающих хвалу Аллаху; в суфийской традиции птица – символ души праведного *шейха*-наставника). Сюжет был воспроизведен целым рядом как мусульманских, так и христианских авторов.

Д. Щ.

Три совета

Молила пичужка, попавшая в сеть:
«Ловец, отпусти меня! Дай
улететь!

Тебе не нужна я нисколько,
клянусь,
Ведь мяса во мне – на один только
кус!

Меня ты проглотишь, а прок-то
каков?

Ведь сколько умял ты баранов,
быков,

А все ж тебя голод терзает, как
зверь:

Так пташкой ли малой наешься
теперь?!

Но если к моим снизойдешь ты
мольбам,

Тебе три совета я чудные дам!

На первый совет свое сердце
настрой,
Отпустишь меня – и услышишь
второй,

А третий я с ветки тебе пропою, –
Слова эти жизнь переменят твою!

Внимай моей речи и слушай
теперь:
Не будь дураком, небылицам не
верь!»

Тот молвил: «Совет твой
понравился мне!» –
И вот уже птичка поет на окне:

«Второй мой разумный совет не
забудь –
О том не печалься, чего не
вернуть!»

И вот уже с ветки пичужка

твердит:

«В груди моей лал драгоценный
сокрыт!

Десяток дирхемов – таков его вес!
Богатством своим ты достиг бы
небес,

Ты б славу обрел и правителем
стал,

Но вот – не достался тебе этот
лал!»

Как женщина в родах, завыл наш
ловец:

«Себя обездолил я! Счастьем
конец!

О птица! О счастье! Вернись же в
мой дом,

Я стану кормить тебя лучшим
зерном!»

«Напрасных мечтаний, ловец, не
таи!

Сколь быстро забыл ты советы
мои:

„О том не печалься, чего не
вернуть“, –

А ты загрустил так, что страшно
взглянуть!

Тебе напрямик я сказала, в глаза:
„Мол, глупому вымыслу верить
нельзя!“

Как десять дирхемов вмещу я в
груди,
Коль вешу дирхем я? Ну, сам
посуди!»

«Так, значит, – ловец убедиться
желал, –
Нет лала, и ты пошутила про лал?!

Так дай же мне третий, последний
совет!»

Но птица пропела: «Нужды в этом
нет, –

Коль ты не усвоил и первые два,
То третий вместит ли твоя
голова?!»

Взлетела – и след ее в небе
простыл,
А глупый ловец в изумленье
застыл...

...Напрасно ты сеешь зерно в
солончак:

Совет мудреца не воспримет
дурак.

Возьмешься латать его разум с
утра,
А к вечеру вновь разрастется
дыра!

Вам, мудрые, дам я совет на века:
Пропащее дело – учить дурака!

II. Угрозы нерадивым

Утраты, лишения и прочие кары постигают тех, кто по своей гордыне или жадности, лености или скудоумию противится Богу, напрочь отказываясь усваивать Его жизненные наставления. Однако наказание призвано вразумить душу, дабы впоследствии она, наученная горьким опытом, смогла исправиться. Даже физическая смерть – не конец, но только переход. Ведь Путь – вечен...

Дракон

В образе дракона представлено животно-эгоистическое начало в самом человеке – *нафс*. Притча предупреждает о смертельной опасности, подстерегающей того, кто забывает о разрушительных потенциях своих плотских страстей и оставляет их «без надзора». При отсутствии ежедневных суфийских занятий, молитв и размышлений эгоистические желания ученика при первой же благоприятной возможности («солнце... согрело дракона, в нем жизнь пробудило») становятся реальной угрозой не только для него самого, но и для всех окружающих.

Д. Щ.

Притча содержит великое предупреждение

человечеству: вспомним о ядерной энергии и других новооткрытых «чудесах», предназначенных для выгоды и славы. Человек думает, что смирил и подчинил себе начала, которые по сути своей остаются непознанными и смертоносными. То же относится к внутреннему миру самого человека: не зная духовно-психической реальности дремлющих в нас страстей, склонностей, сил, энергетических источников, можно с помощью профанических упражнений пробудить в себе страшного дракона. Отсюда вред оккультизма, магии и проч. Опытный наставник (*шейх*) обращается осторожно с внутренним миром наставляемого и учит тому же его самого. Страсти, которые, казалось бы, смиренны и умерщвлены, могут, подобно дракону, «пробудиться» и принести страшные беды.

М. Х.

Дракон

Есть старый рассказ об охоте на
змей:

Внемли и понять его тайну сумей!

Охотник старался змею изловить,
Чтоб ею людей на базаре дивить.

Без отдыха шел он весь день
напролет,
Блуждал по горам, где сугробы и
лед,

И, жаждой наживы все дальше
влеком,
Вдруг видит: валяется мертвый
дракон!

Сколь мало о людях мы знаний
имеем,
Сколь часто дивимся драконам и
змеям!

Мы – высшее чудо и гордость
Творца –
Готовы на гадов глазеть без конца:

За то и лишаемся мы благодати,
Забыв об Адамовых сане и стати!..

...Охотник был счастлив, он гордо
сказал:

«Возьму я дракона с собой на
базар,

Небось, о подобном чудовищном
гаде

Ни разу не слышали люди в
Багдаде!»

Дракон был ужасен, огромен,
тяжел

И толст, словно древнего дерева
ствол,

И долго охотник отвратного гада
Волок: ведь его ожидала награда!

И вот, наконец, из последних он
сил

Ту жуткую тварь на базар
притащил.

Но в туше ужасной таилась
угроза:

Дракон не издох – лишь застыл от
мороза.

Чтоб чудо увидеть, сошлись все и
вся,
Добывшему змея монеты неся.

И сотни и тысячи – стадо людское
—
Вкруг змея сновали, не зная покоя.

Охотник, безмерно гордясь, делал
вид,
Что страшный противник им в
битве убит,

И, чтоб убедить всех глазеющих в
том,
Связал он дракона толстенным
жгутом.

Однако же солнце все выше
всходило,
Согрело дракона, в нем жизнь
пробудило:

Змеиною злобой душа

распалась,

И тело огромное зашевелилось!

И дали зеваки тогда стрекача,

Безумно крича и упавших топча.

Услышав же вопли и стоны
людей,

Порвал свои путы чудовищный
змей –

И с ревом взвился, словно вихрь,
над толпою,

Почти полумертвой, от страха
слепую!

Вот тут-то ловец себе задал
вопрос:

«Ужель свою гибель с горы я
принес?!»

И впрямь его змей разъяренный
схватил,

Как зайца, разумную плоть
проглотил,

И, морду подняв, завывая от
злости,
Прижался к столбу и смолол его
кости...

...Ты хочешь понять, в чем
великий секрет
Твоих неудач, и болезней, и бед?

Для злой твоей воли обилье
невзгод –
Спасительный хлад, усыпляющий
лед!

Ты буйством страстей свою душу
не грей,
Пусть спит, леденя,
прожорливый змей!

Ты сердце соблазнами в грех не
води,
Дракона застывшего не разбуди!

Проснется – тебе его не усыпить,

Напрасно ты станешь молить и
вопить!..

Обет дервиша

Рассказ говорит о том, что духовные причины происходящих событий сокрыты от простых людей, но явлены прозорливцам. Дервиш, несправедливо осужденный вместе с разбойниками, оказался, согласно внутренней связи вещей, наказанным по заслугам. Другая важная мысль этого рассказа: человек терпит кару за то, что «сам разрушил свой былой покой» – изменил своей миссии, предуказанной его же высшей Сущностью, «высшим Я».

Д. Щ.

Обет дервиша

Пойми рассказ – и укрепишься в
вере!..

Почтенный дервиш в горной жил
пещере

Наедине с молитвой, и годами
Кормился только сочным плодами

Дерев, что здесь же, на горе,
росли.

Его уста обет произнесли:

Срывать плоды с деревьев не
пытаться,

Лишь падалицей весь свой век
питаться.

И, дав обет, с тех пор он никогда
Рукою с ветви не срывал плода,

Он клятву не нарушил бы, когда б
Не искушенье: ветерок был слаб,

Плоды не опадали много дней,
А голод становился все сильней.

Внезапно ветра налетел порыв,
Висящий плод к отшельнику
склонив,

А тот о пище помышлял – и вот,
Забыв обет, сорвал рукою плод...

...Грабители, что днем в дома
врывались,
В ту ночь от кары на горе
скрывались,

Где дервиш обитал. Но их нору
Нашло царевое войско поутру.

Меж них к властям доставлен был
и дервиш:

При все уликах – отпираться где
уж?

Как суд решит, уж так тому и
быть...

Ему велели руку отрубить

Как члену шайки, а потом и ногу,
Чтоб он к разбою позабыл дорогу.

Едва лишь кисть отсек удар меча,
Как некто знатный подбежал,
крича:

«Палач! Ужель совсем лишен ты
страха?

Ведь это – дервиш, верный раб
Аллаха!»

Палач халат свой в горе разорвал
И, пав на землю, к дервишу
взывал:

«О благодатной наделенный
силой,

Ведь я не знал! Прости меня!
Помилуй!..»

Ответил дервиш, кровью истекая:

«Мне свыше кара выпала такая.

Я сам разрушил свой былой
покой,

Обет нарушив дерзкою рукой.

За грех свершенный мы страдать
должны.

Вина на мне – нет на тебе вины!»

Украденный баран

Смысл притчи в том, что не преодоленный *мюридом* порок, не исправленное им негативное свойство характера (в данном случае – невнимательность и излишняя доверчивость) не однажды, но раз за разом ввергает его в несчастье («колодец») – до тех пор, пока *мюрид* не исправит свой изъян внутренним усилием...

Д. Ш.

«Пока хозяин плакал о пропаже» – это, можно сказать, архетипическое описание состояния человека в земной жизни. Чем же обусловлено такое состояние? Руми отвечает однозначно: «Пропажей». Чего же лишился человек еще перед приходом в наш мир, какую «пропажу» он оплакивает? Об этом говорится в Библии и Коране: в результате послушания первых людей «змий» («вор» из притчи) «украл» у них вечную жизнь и райское блаженство. И в последующей земной жизни эта ситуация повторяющихся грехов, ведущих к потерям, постоянно воспроизводится – до тех пор, пока сам человек не возненавидит свой греховный недуг и не очистится от него. В данной притче, очевидно, неосмотрительность и жадность горожанина идут рука об руку, причем второй порок

является причиной первого. Жадность, приверженность к материальным удовольствиям («в предвкушение шашлыка барана вел») свойственна горожанину уже в начале притчи. А в конце притчи тот же грех приводит его в буквальном смысле на дно «колодца»...

М. Х.

Украденный баран

Раз некто, в предвкушение
шашлыка,
Барана вел. Тут вор исподтишка

Веревку перерезал – и дал деру.
Видать, в тот день шашлык
достался вору.

Пока хозяин плакал о пропаже,
Сел у колодца совершивший
кражу

И стал кричать: «Увы, мой
кошелек!» –

И этим потерпевшего привлек:

«О чем твой плач?» А вор: «Да ты
едва ли

Поможешь мне! Сто золотых
упали

В колодец. Если ты достанешь их,
То дам тебе я двадцать золотых!»

А тот: «Коль деньги извлеку
оттуда,

Взамен барана я куплю
верблюда!»

И он разделся, и в колодец – прыг!
А вор унес одежду в тот же миг...

...Кто бдительность утратил, тем
придется

Сидеть, пока не вытащат, в
колодце!..

Поучение аскета

В то время как большинство людей страдает из-за

недорода, отшельник наблюдает вокруг себя одно лишь изобилие. Внешнее служит здесь выражением внутреннего: одни ощущают себя «словно в аду», другие – «собирают большой урожай» духовных свершений. Как ропот, так и довольство обусловлены отношениями человека с Богом: мучается тот, кто «перед Богом чело... не склонил». Согласно как Библии, так и Корану, во времена Моисея «кара свершилась» над Египтом за противление Богу фараона, не желавшего отпустить на свободу израильтян. Только повиновение Божьей воле способно вернуть душе мир и довольство: пророк Моисей, который обратил воду Нила в кровь, может сотворить и противоположное чудо.

Д. Щ.

В данной притче «телу» уподоблено единство людей, связанных общей социокультурной жизнью (ср. христианское определение Церкви как «Тела Христова»). Не принадлежа к этому «телу», т. е. став отшельником и выйдя из круга как деяний данного социума, так и постигающих его воздаяний («народ голодал, и стонала земля»), человек обретает способность смотреть на происходящее со стороны и указывать на причины гнева Божьего («от Божьего вы отступили завета»). Таким преодолевшим обычные «рамки» человеческого существования наставником-обличителем и призван быть, по мысли Руми, суфийский *шейх*.

М. Х.

Поучение аскета

Нешадное солнце спалило поля,
Народ голодал, и стенала земля,

А некий аскет, как ни в чем не
бывало,
Был весел, и сердце его ликовало.

Корили его: «В этот год мудрецу
Веселье и радость совсем не к
лицу:

Ведь сколько вокруг наших
братьев страдает –
Один разорился, другой голодает,

А кто-то и гибнет, еды не найдя:
За долгое время – ни капли дождя!

Лишь глянешь вокруг – и
покатятся слезы:

Сухие поля, почернелые лозы!

Мы – словно в аду, вопиют наши
души,

Мы бьемся о землю, как рыбы на
суше!

Неужто тебе одному все равно?
Ведь все мусульмане – как тело
одно,

А если все тело постигла напасть,
Вкушает ли радость одна его
часть?!»

На эти укоры ответил аскет:
«А все ль голодают? Я вижу, что
нет!

Гляжу я вокруг – и не лгут мне
глаза,
Что где-то и гроздь приносит
лоза!

Смотрю, наблюдаю – и мне ведь
не снится:

На чьих-то полях колосится
пшеница,

И льются над ними дожди в своей
черед,
И кто-то большой урожай соберет!

От Божьего вы отступили завета –
И голод пришел в наказание за
это:

Пред Богом чело фараон не
склонил –
И кара свершилась, и кровью стал
Нил!

Но кто Моисею покорен всегда,
Для тех в том же Ниле – не кровь,
а вода!»

Три рыбы

Три рыбы символизируют три различных отношения к суфийскому Пути. Мудрый человек избирает этот Путь, как

только узнает о нем, и, следуя Истине, избавляется от угрозы духовной смерти. Переплыв из «заводи» (символ земного мира) в «пучину морскую» (символ мира Божественной реальности), «умная рыба» (душа суфия) находит свое спасение. Рыба «поглупей» – это душа, которая решается избрать суфийский Путь, лишь оказавшись в горниле страданий. Она тоже обретает спасение, «умерев» для мира сего («притворюсь, что мертва»; ср. с притчей «Просьба попугая», где попугай, чтобы спастись из клетки, также притворился мертвым). Третья рыба («тупица») означает душу, настолько привязанную к земным благам, что она лишь мечтает о суфийском Пути, но неспособна вступить на него даже перед лицом близкой смерти («и вот уж варилась она в котелке...»).

Д. Щ.

Три рыбы

«Калила и Димна» – есть книга у
нас,

И вам из нее приведу я рассказ.

Была одна заводь с травой густой,

И жили три рыбы средь заводи

той.

Одна была умной, одна поглупей,
А третья – и вовсе тупого тупей.

Вот к заводи этой, с восходом
зари,
С огромною сетью пришли
рыбари,

И поняли рыбы, заметив ту сеть,
Что трудно им будет теперь
уцелеть.

И умная рыба решила: «Уйду,
И новое место для жизни найду!»

И вот, ничего не сказав
остальным,
Она устремилась к просторам
иным –

Так мчится кабан, словно ветром
несом,
Почти настигаемый яростным
псом,

В то время как заяц, беспечный
лентяй,

Заснул под кустом и во сне
слышит лай...

И умная рыба туда уплыла,
Где нет ни тревоги, ни страха, ни
зла,

И, путь одолев, среди пучины
морской

Блаженство нашла и вкусила
покой.

Сестрица же спасшейся – та, что
глупей, –

Пыталась спастись из рыбачьих
сетей:

«Ах, если бы я поумнее была,
Я б сразу за старшей сестрой
уплыла!

Но поздно, к чему сожаленья

слова?

Застыну теперь – притворюсь, что
мертва!»

Задумано – сделано: пред рыбаком
Всплыла она, хитрая, кверху
брюшком!

Рыбак же схватил ее, еле взглянул,
Решил, что мертва, – и на берег
швырнул,

Но ей удалось доползти до воды
И в море уплыть от смертельной
беды...

А третья, тупица, забила в сети:
Спасенья ей было никак не найти,

И вот уж варилась она в котелке!
Но ей все казалось: по быстрой
реке

Плывет она гордо счастливой
порой

К широкому морю за старшей
сестрой!..

Жаба и хомяк

Сюжет этой истории известен еще с античных времен (например, он встречается в «Баснях» Эзопа). Суфийский подтекст притчи сформулирован самим Руми: «Лишь с тем дружи, с кем дружба по плечу!..» Истинная связь между душами предопределена их «добытийным» единением в Боге, а не преходящим чувством приязни. В этом, согласно суфийскому учению, наглядно проявляется духовный закон: «Подобное соединяется с подобным». При нарушении его происходит неблагоприятный «сдвиг» в судьбах, и наказание, предназначенное одному («гордый сокол»), может постичь и другого.

Д. Щ.

Жаба и хомяк

Сошлись по жизни жаба и хомяк.
Хоть вместе быть им и нельзя
никак:

Одна живет в воде, другой – на
суше, –

Но все же как-то сблизилась их
души.

И жаба из болота выходила
И с другом время часто
проводила,

И давняя приязнь к ней хомяка
Всегда была сердечна и крепка.

Единство душ, конечно, – дар
чудесный,

Знак благодати, милости
небесной,

И наслаждались милые вдвоем,
Как роза с восхищенным
соловьем.

Признался раз хомяк своей
подруге:

«Нередко пребываю я в испуге,

Когда, на шатком стоя берегу,
Зову тебя – дозваться не могу!

Тогда немое, темное болото
Мне доставляет горькую заботу:

Ведь я к тебе всегда душой
стремлюсь,
И словно бы весь день тебе
молюсь,

Меж тем как мусульманин
аккуратный
Творит молитву только
пятикратно.

Мне без тебя не мил и белый свет,
Мне без тебя отрады в жизни нет,

И сердце погружается в рыдания,
Коль мне не назначаешь ты
свиданья.

И, хоть несхожи суша и вода,
С тобою быть хотел бы я всегда!

Но я уже придумал способ ловкий,
Как этого достичь! Давай
веревкой

С тобою свяжемся, чтоб в миг
любой

Сумел бы я заговорить с тобой:

Я потяну – и ты в ответ потянешь,
И мне доступна, как дыханье,
станешь!»

Не восхитилась жаба этим планом,
Но, чтобы с другом милым и
желанным

Не разойтись, – позволила, чтоб
нить

Их навсегда смогла соединить.

Так дружбы нить их души
сопрягла,

Веревка же связала их тела...

...Но как-то гордый сокол
свысока,
С высот небес, взглянул на
хомяка,

Прицелился – и камнем рухнул
вниз,
Схватил – и оба к облакам
взвились.

И вместе с хомяком на бечеве
Забилась жаба в светлой синеве!

Глядели люди, понимая слабо,
Как сокол смог поймать веревкой
жабу!

Она же, воспаряя в облака,
Кляла и проклинала хомяка,

Теперь, когда ничто уж не
поможет,
Твердя в слезах: «С ним дружбы
быть не может!..»

...И я тебе напомнить вновь хочу:
Лишь с тем дружи, с кем дружба
по плечу!..

Мулла и медведь

Мулла здесь символизирует человека, прежде «жившего духом», но соблазнившегося материальной корыстью («шубой теплой»). Притча предупреждает о том, что Божьего избранника, предназначенного для духовного служения, но погрузившегося в «бурные воды» погони за выгодой (вода – символ материи), ожидают тяжкие страдания («среди ручья барахтался он с плачем»).

Д. Щ.

Мулла и медведь

Мулле-бедняге приходилось
тяжко:

Одну и ту же тонкую рубашку

Носил всегда – и летом, и в мороз.

Сельчанам было жаль его до слез.

И вот медведя с гор снесло
потоком:

Крутясь, вертясь, он плыл в ручье
глубоком,

А всем стоявшим возле бурных
вод

Казалось – шкура черная плышет.

И тут сельчане предложили сдуру:
«Плыви, мулла, лови скорее
шкуру!

Возрадуйся, воздай хвалу судьбе –
Готова шуба теплая тебе!»

Мулла поплыл, но был медведем
схвачен:

Среди ручья барахтался он с
плачем,

А все кричат: «Да брось ее, мулла,
Плыви назад, коль шкура тяжела!»

Мулла в ответ: «Я шкуру отпустил

бы,
И к вам назад я с радостью
приплыл бы:

Останусь я без шубы – ну и пусть,
Да не пускает шкура, как ни
рвусь!..»

Свидание

«Возлюбленный Друг» – одно из наименований Бога в суфизме, поскольку чувство, которое призван испытывать к своему Создателю человек, – это любовь, доходящая до экстатического «растворения» в Боге. Рассказ предостерегает от погружения в материальные заботы, от забвения суфием своей духовной миссии хотя бы на краткий срок. Ведь именно в это время его может посетить откровение («явилась любовь»), невнимательность к которому впоследствии заставит его горько раскаиваться. Символ такого горя – отрезанный «кусочек от рукава»: духовный сон, невнимательность к знамениям, посылаемым свыше, приводит и к физическим потерям.

Д. Щ.

Свидание

Хоть некий влюбленный всем
сердцем любил,
Предметом любви отвергаем он
был.

Но он не сдавался, и снова, как
прежде,
Всё ждал день за днем,
преисполнен надежды.

От цели желанной он не отходил,
И чувство ответное всё ж
пробудил.

Не веря глазам, прочитал он
посланье:

«Сегодня твое я исполню желанье,
Тебя посету я порою ночной,
Дождись меня в полночь – и
будешь со мной!»

Тут свет воссиял для вздыхавшего

тяжко,

И в жертву Аллаху принес он
барашка.

Впервые смеялся он, а не рыдал,
И с сумерек самых свидания ждал.

Но слишком он, видно, душой
утомился:

Сперва головою на ложе
склонился,

Подумал потом: «Подремлю хоть
часок!» –

И, не раздеваясь, на ложе прилег.

А в полночь слышался смех
где-то рядом:

Небрежно окинув заснувшего
взглядом,

Отрезав кусок от его рукава,
Явилась любовь – и была такова:

Мол, вижу, в любви ты поднялся

не выше

Игривой и ветренной страсти
мальчишкой!

Очнулся влюбленный, рукав
увидал,

И долго смотрел на него – и
рыдал...

...Не бодрствуя сердцем, мы с
вами едва ли

Достигнем того, о чем страстно
мечтали!

Старуха и сокол

Настоящий наставник («царь») – только тот, кто понимает особенности души ученика и неповторимость его земной миссии («ведь я-то знаю, что такое – сокол!»). Обучение у того, кто ко всем применяет одни и те же методы воздействия («птичница»), может иметь трагические последствия, поскольку в этом случае из души вытравляются ее важнейшие отличительные свойства и те дарования, которые необходимы для творческих взлетов («где же

крылышки твои?!»). «Забота и доброта» подобного лжеучителя («старушка добрая») не должны вводить в заблуждение искателя Истины. С другой стороны, «царский сокол» означает душу, удалившуюся от Бога («на царя озлился») и подвергшуюся за это страданиям в земном мире.

Д. Щ.

Старуха и сокол

Раз царский сокол на царя озлился
И, улетев, в жилище поселился

У некой птичницы. В избушке сей
Немало было уток и гусей.

Старушка добрая его схватила
И крылышки ему подкоротила:

Мол, так ты больше на гуся
похож! –

И слезы птицы капали на нож...

Потом она сказала: «Клюв твой
крив,

Слегка подрежем – станешь ты

красив!» –

И плакал сокол о былом величье:
Теперь уж не словить ему
добычи!..

...Гулял в том месте царский
казначей,

И птичницу спросил: «А сокол
чей?» –

И выкупил страдальца у старухи,
И сокол вновь к царю вернулся в
руки.

На птицу-бунтаря воззрился царь:
«Да ты, мой милый, не таков, как
встарь!

Ты обитать у птичницы решился –
Вот потому-то клюва и лишился...

В ней было столько доброты,
любви,
Да только где же крылышки

твои?!.

Ну что ж, мой друг, запомни сей
урок!

Теперь хоть понял ты, что
пренебрег

Напрасно дружбою моей высокой?
Ведь я-то знаю, что такое –
сокол!..»

III. Невнимательные ученики

Здесь рассказывается о тех, кто с большим трудом, а порой и со значительными потерями усваивает наставления Всевышнего. Притчи объясняют причины подобных «учебных неудач».

Пахарь и лев

Притча описывает состояние ученика, не имеющего подлинного представления о грозных деструктивных началах («льве»), таящихся в его подсознании («среди

ночи)), и принимающего их за положительные стремления («вола»). Научить *мюрида* властвовать над своими разрушительными страстями и стремлениями – одна из педагогических целей *шейха*.

Д. Щ.

Содержание притчи легко сопоставляется со словами из апокрифического Евангелия от Фомы: «Блажен лев, которого съест человек, и лев станет человеком. И проклят человек, которого съест лев, и лев станет человеком». В человеке – два начала: благородно-человеческое и жестоко-звериное. Одно из них, в конце концов, побеждает – «съедает» другое, подчинив его себе. По внешности человек выглядит, как остальные, но что взяло в нем верх – «человек» или «лев»? Или, как в данной притче, кто находится в «хлеву» (теле) – вол или лев? Истинный учитель видит, с кем имеет дело в лице ученика, и не станет «гладить» затаившегося во мраке «льва», т. е. потворствовать звериным инстинктам воспитанника.

М. Х.

Пахарь и лев

Вола со шкурой и костями съев,
В хлеву воловьем развалился лев.

А пахарь встал средь ночи и
пошел
Проведать – все ль в порядке, как
там вол.

Льва гладил он, а думал, что вола,
И весела душа его была.

А лев молчал и думал: «Вот дела:
Меня сей дурень принял за вола!

Что ж, радуйся, двуногий ты ишак,
Что правду от тебя скрывает
мрак!..»

...О друг, таким, как пахарь сей,
не будь:

Не верь обману чувств, но вникни
в суть!

Парфюмер и попугай

Попугаю уподоблен здесь тот, кто, внешне подражая

обычаям суфиев-дервишей (обритие головы и т. п.), начисто лишен внутренних качеств искателя Истины. Сходство с попугаем усугубляет тот факт, что эта птица подражает человеческой речи.

Д. Щ.

Следует обратить внимание на глубокий образ «осы с пчелой», которые «в одном цветке сидят». Многие вещи и события нашего мира, а также способности, знания и умения человеческие сами по себе этически не окрашены. Добро или зло («мед или яд») творятся нашей свободной волей. От ее направления зависит и использование внешних возможностей («нектара цветка») на благо или во вред людям, причем в широчайшем диапазоне (от целебного «меда» до губительного «яда»). С точки зрения суфизма, прежде чем приступить к обучению, учитель должен быть уверен, что ученик не использует приобретенные знания во зло.

М. Х.

Парфюмер и попугай

Был несказанно счастлив
парфюмер,
Что попугай его – другим пример:

То он воров от входа отгоняет,
То, сев на полку, лавку охраняет,

А то, входящим оказав почет,
К покупке мудрой речью
привлечет.

Но вот однажды вышла незадача:
У двери запах ощутив кошачий,

Взметнулся страж и крыльями
забил,
Смахнул флакон – и вдребезги
разбил!

Тут парфюмер вбежал, не в меру
прыток:

Он аромат вдохнул, узрел убыток,

По луже птицу в гневе проволоком,
И попугаю вырвал хохолок.

Чуть попугай с красою
распростился,

Как впал в печаль, не пил не ел –
постился,

Оплакал облысенье градом слез,
И ничего с тех пор не произнес,

Чем парфюмера и обрек на муку.
«Ах, лучше бы себе сломал я руку,

Что поднял на тебя в тот черный
час!» –

Вопил хозяин, в траур облачась.

И умолял он дервишей, стеная,
Чтоб чудом речь вернули
попугаю,

И сам старался бедного развлечь.
Но, видно, тот навек утратил речь,

Сидел безмолвно, вид его был
жуток...

Так пролетело трое скорбных
суток.

Вдруг, словно пособить в беде
решив,

Явился дервиш, скромн и
плешив:

Ведь тот, кто надевает власяницу,
При этом должен наголо обриться.

Тут попугай вдруг выкрикнул
вопрос:

«Эй, старец, почему ты без волос?

Иль ты, как я, флакончик сбросил
с полки —

Вот и тебя оставили без челки?»

Народ на рынке громко хохотал,
Что попугаю дервиш братом
стал...

...Хоть «лев» и «млеко» пишутся
похоже, —

Но в устной речи путать их
негоже.

Пусть молвил неуч: «Я, как и
мудрец,
Жру, выпиваю, дрыхну, наконец»,
—

Однако только в слепоте духовной
Он смел предаться мысли столь
греховной.

Оса с пчелой в одном цветке
сидят,
Но мед — у пчел, у ос — один лишь
яд.

И есть на свете мускусная серна,
А есть и та, что пахнет очень
скверно.

Два стебля прозываются
«тростник»,
Однако сахар — лишь в одном из
них.

Но мужа учат лишь его седины,
Что́ в нашем мире розно, что —

едино.

Пожар

Неумение ученика подавлять свои дурные наклонности приводит к разжиганию в его душе неумного «пожара» страстей. Поскольку противовесом этому ортодоксальный Ислам считает исполнение заповедей (особенно относящихся к благотворительности – «садака»), у многих мусульман возникал вопрос: почему, ведя достаточно альтруистический образ жизни, они никак не могут избавиться от своих злых наклонностей – «погасить пожар»? Ответ дается в притче: действенность веры зависит от сердечного намерения, сопровождающего исполнение заповедей, в данном случае – от искреннего сострадания к тем, кто нуждается в помощи, одним словом, – от любви к ближним. *Мюрид*, исполненный гордыни («кормили вы свое высокомерье»), не может исполнять заповеди надлежащим образом.

Д. Щ.

Неотзывчивость, себялюбие вызывают бедствие («ужасный... пожар»). В притче подчеркивается важность искренности в делах милосердия. Источник блага – в мысли,

чувстве, сострадании, т. е. в чистом сердце. Небо воздаёт за намерение, которое не может быть от него сокрыто, и наказывает за лицемерие. Важнейшее в воспитании – «взрачивание» искренности в ученике.

М. Х.

Пожар

В те дни, когда царил халиф Омар,
Ужасный вспыхнул в городе
пожар.

Он долго бушевал, не
прекращался,
И даже камень в пепел обращался,

И огненную смертью погибали
И птица в облаках, и мышь в
подвале.

Увы – вода пожара не гасила,
А только выше пламень
возносила,

И жертвам, и свидетелям пожара

Являя знак, что это – Божья кара.

Тогда к халифу люди собрались:
«Чтобы утихнул пламень –
помолись!»

И тут Омар им тайну открывает:
«Сей пламень ваша жадность
раздувает!

Несите хлеб голодным людям в
дар –
Тогда утихнет яростный пожар!»

А те: «Да разве в том вопрос? Едва
ли!

Ведь нищим пищу мы всегда
давали!»

А он: «Кормили бедных вы? Не
верю! –

Кормили вы свое высокомерье!

Когда куском вы с нищими
делились,

То друг пред другом щедростью
хвалились!»

Репейник

Здесь аллегорически представлена ситуация, при которой человек постоянно откладывает борьбу с дурными чертами своего характера, ранящими сердца окружающих («нет счета обидам и ранам»). В образе старейшины представлен *шейх*, многократно предупреждающий *мюрида* о последствиях такого поведения.

Д. Щ.

Чем дольше отказывается человек бороться со своими злыми наклонностями, тем сильнее они в нем укореняются – и тем больнее, переходя в поступки, «язвят» всех, кто с ним соприкасается. В притче злые наклонности уподоблены «колючкам», а окружающие – «проходим». Учитель, выступающий здесь под видом «старейшины», способен только дать хороший совет; последовать же совету или пренебречь им – дело самого ученика...

М. Х.

Репейник

В репей, что глупец на тропе
насадил,
Прохожий босою ногой угодил –

И молвил виновнику: «Вырви
скорей!»
Но тот позабыл. И разросся репей.

Теперь той дорогой любой – стар
и млад –
Пройдет – и поранится, жизни не
рад.

Виновника вызвал старейшина
строгий,
Чтоб злые колючки убрал он с
дороги.

И тот обещал: «Я их завтра же
срежу!»,
Но год миновал, а колючки все те
же

Растут на дороге – конца нет

кустам!

Глупец пред старейшиной снова
предстал,

А тот: «Мы в покое тебя не
оставим,

Мы этот репей тебя вырвать
заставим,

Но знай, что чем больше
проленишься дней,

Тем будет тебе это сделать
трудней.

Ведь силы уйдут, шевелись
поскорей:

Колючек все больше, а ты все
старей!..»

...Покуда ты жив, соберись и
успей

Тобой же посаженный вырвать
репей:

Подумай – нет счета обидам и

ранам,
Которые ты своим односельчанам

Нанес, возрастив среди общей
тропы
Корысти и зависти злые шипы!

Четверо индийцев

Согласно мусульманскому воззрению, отвлечение во время молитвы делает ее недействительной (следует начать ее сначала). Помимо прямого, притча обладает и символическим смыслом, предостерегая от внутреннего разлада в самом человеке, пытающемся совершить духовное восхождение посредством молитвы (*намаза*). Спор четверых индийцев олицетворяет дисгармонию между животной природой, волей, чувством и разумом человека.

Д. Щ.

Слова этой притчи об осуждении свыше тех, кто «в надменье строгом» судит других, близко перекликаются с наставлением Иисуса Христа из Нагорной проповеди: «Не судите, да не судимы будете...» (Матф. 7, 1). На подобных примерах мы видим, насколько совпадают между собой

основные нравственные предписания мировых религий. Сопоставляя этические императивы разных стран и эпох, вновь и вновь убеждаешься в непреходящем общечеловеческом характере истинной мудрости.

М. Х.

Четверо индийцев

Четыре благомыслящих индийца
Пришли в мечеть – Аллаху
помолиться.

«Что ж вы не молитесь? – один
сказал. –

Ведь муэдзин уже пропел азан!»

Другой изрек: «Замолкни! Мы не
можем

Пустые речи слушать в доме
Божьем!»

А третий: «Ты собрата обвинил,
И этим святость места
осквернил!»

Четвертый молвил: «Все вы в
многословье

Ударились – лишь я горю
любовью!..»

...Кто судит ближнего в надменье
строгом,

Тот тяжкий грех свершает перед
Богом,

И зря те четверо пришли в мечеть
–

Не восхотел Аллах их грех
стереть.

Лишь тот прощен и принят свыше
будет,

Кто не другого, а себя осудит.

Ты не познал себя? Как это жаль!
Но что ж другим читаешь ты
мораль?

Ты на молитву поднимайся рано,
Чтоб исправлять своей души

ИЗЪЯНЫ:

Когда поймешь, что сам их не
лишен,
Не будет ближний твой тебе
смешон!

Ответ ювелира

Притча изображает отношения между суфийским наставником и его начинающим учеником. Зная «ветхость» представлений ученика, его неспособность к правильным восприятиям и действиям («Трясутся руки, шаг неверен твой, // И вешать золото – тебе впервой»), мастер не идет у него на поводу, но, предугадывая пагубность его желаний, старается позитивно повлиять на его сознание.

Д. Щ.

Согласно словам: «Мне сразу ясен всех событий ход», перед нами в образе ювелира выступает суфийский мудрец, прозревающий суть вещей. Явно также, что общается он с потенциальным учеником, стараясь наставить его. Почему же в таком случае последний именуется в притче «стариком» и «отцом»? Очевидно, Руми хочет подчеркнуть, что

внутренне учитель «моложе» своего собеседника, поскольку духовный расцвет влечет за собой постоянное внутреннее обновление, дарует непреходящую «молодость». И, напротив, угасание духовной жизни ведет к обветшанию всего человеческого естества, образно говоря, – к «внутреннему старению». Вот почему нередко приходится наблюдать и старцев, юных душою, и не по возрасту «состарившихся» юношей. Возвращаясь к «старикам» из притчи, мы должны констатировать, что в своем «обветшалом» состоянии он не готов стать учеником суфийского мастера (который, кстати, в суфийской образности нередко предстает как «ювелир» – «знаток драгоценностей»), и тот поэтому, отказываясь что-либо «одолжить» ему, отправляет его к своему «соседу». Под «соседом» суфия-ювелира подразумевается, конечно же, «сосед» по роду занятий, т. е. – по духовным наукам, который, в отличие от суфийского наставника, берется обучать каждого: это – ортодоксальный мусульманский учитель. Следовательно, потенциального ученика, не готового ступить на путь *тариката* (суфийского подвижничества), мастер направляет на путь *шариата* (обрядово-догматического образа жизни), на котором возможно хотя бы частичное пробуждение («омоложение») его души. Лишь после этого ученик может оказаться способным не рассыпать свои «крупинки золотые», т. е.

реально воспользоваться своими драгоценными духовными потенциями («взвесить», т. е. познать их, и не «раскатить по земле», т. е. не упустить).

М. Х.

Ответ ювелира

Однажды в полдень с пожеланьем
мира

Старик-сосед явился к ювелиру:

«Возьму на время у тебя весы я –
Хочу крупинки взвесить
золотые!»

А тот: «Увы, я сита не припас,
К тому же нет и веника у нас!»

«Причем тут веник и причем тут
сито?

Прошу весы! Ведь вот они,
весы-то!»

А тот опять: «Послушай, я не лгу,
Ни веник дать, ни сито не могу!»

Старик ему: «Я вижу, слух твой
плох:

Прошу весы! Давно ли ты
оглох?!»

Тут ювелир сказал ему со
вздохом:

«Нет, я не глух, но ты-то видишь
плохо,

Трясутся руки, шаг неверен твой,
И вешать золото – тебе впервой.

Захочешь взвесить – и в вечерней
мгле

Раскатятся крупинки по земле.

Назавтра станешь ты искать весь
день их,

Потом придешь и скажешь:

„Нужен веник:

С земли крупинки я собрал не все
ведь!“

Потом заглянешь снова, чтоб
просеять

Сквозь сито собранный тобою
прах...

Как видишь, я знаток в таких
делах,

Мне сразу ясен всех событий ход,
Едва такой, как ты, ко мне войдет!

Пойди, отец, соседа попроси:
Он веник даст, и сито, и весы...»

Глиняные гирьки

Человек, любящий «лакомиться глиной», т. е. постоянно получать материальные наслаждения (в Библии и Коране описано сотворение человеческого тела «из глины»), наносит ущерб своей истинной сущности: «Как ловко ты себя обворовал!». Он подобен птице, запутавшейся в силках телесной жизни («соблазны плоти нас влекут в силки»). И только истинный суфий («редкостная птица»), избавившись от своей внутренней «ловушки», способен указывать и

другим «узникам в тюрьме» путь к духовной свободе.

Д. Щ.

Если глина символизирует «вкушение» материальных благ, то сахар – принятое в суфийской метафорике обозначение «сладости» благ духовных. Притча учит, что между употреблением тех и других благ в жизни существует равновесие («весы»), поэтому неумеренная тяга к материальному всегда вызывает уменьшение духовного. Однако человек не сразу способен заметить, что из-за чрезмерности вещественных его привязанностей («воровство глины») ему катастрофически не хватает внутренней радости, любви, удовлетворенности своей жизнью, – словом, что он живет, «сахар» своей духовности «все время уменьшая». Согласно притче, в мире, где люди только и делают, что постоянно «лакомятся глиной», они на самом деле всечасно страдают, как «узники в тюрьме».

М. Х.

Глиняные гирьки

Был некто страстью одержим
невинной:

Он, как шербетом, лакомился
глиной.

Зашел он в бакалею как-то днём,
А лавочник, наслышанный о нём,

Сказал – мол, странность у меня
такая:

Я глиняные гирьки применяю!

А тот: «Я к вам за сахаром
пришел.

Из глины гирьки? – Это хорошо!»

Подумал бакалейщик: «Вот
глупец!

Он видит в глине сладость, как
юнец,

Избравший дочь пирожника
невестой,

Словно она – из сахарного теста!»

Кусочки глины бросив на весы,
Провел хозяин целые часы,

Раскалывая сахар где-то рядом,

А сам следил за гостем скрытым
взглядом

И наблюдал, как этот хитрый кот,
Отщипывая глину, в рот кладет,

Своей души отрады не лишая
И гирек вес все время уменьшая.

Гость торопился, думая: вот-вот
Купец наколет сахар – и войдёт,

И подглядит, как хитро он пирует,
И обвинит – мол, глину он ворует.

Хозяин же следил – не горевал:
«Как ловко ты себя обворовал!

Давясь от смеха, мог бы пожелать
я,

Чтоб ты до ночи длил свое
занятье:

Чем дольше эту глину ты сосешь,
Тем меньше сахара ты унесешь,

А кто из нас остался в дураках –
Тебе, любезный, не понять
никак!..»

...И мы порой умом недалеки,
Соблазны плоти нас влекут в
силки.

Да, плоть сильна! Лишь
редкостная птица
Влеченьем чувственным не
обольстится –

И станет жить, смиряя страсти в
теле,
Чтобы достичь духовной, высшей
цели.

Но не спасет и мудрый Соломон
От той ловушки, что в тебе самом!

Ты мнишь себя судьбы своей
владыкой,
А сам – в рабах у страсти злой и

дикой.

Но настоящий властелин – лишь
тот,
Кто над своим желаньем власть
берет:

Сверкает Божий луч в его уме!
А остальные – узники в тюрьме...

Подражание

Притча учит о вреде внешнего подражания (таклид), объектом которого может быть даже прославленный *шейх*. Внимание *мюрида* должно быть постоянно сосредоточено на его собственных внутренних переживаниях – движениях сердца, дабы он не стремился к формальному копированию, а научился достигать подлинного экстатического озарения (ваджд).

Д. Щ.

Как известно, процесс обучения, особенно на ранних стадиях, во многом основан на подражании. Но где же проходит грань между подражанием творческим, полезным,

необходимым – и подражанием бездумным и бесплодным? В данной притче Руми приводит пример прямо-таки кошунственного подражания, вызвавшего прямой упрек опечаленного собственным горем учителя. Дело в том, что, в отличие от знаний и умений, чувства – это та сфера, в которой подражание по определению невозможно. Подобные действия способны породить лишь неискренность и неестественность, а ведь одно из главных условий суфийского воспитания – это «взрачивание» в ученике искренности.

М. Х.

Подражание

Однажды, представ перед шейхом,
мюрид
Увидел, что плачет учитель
навзрыд, –

И, вторя наставнику, сам застонал,
Хотя о причине рыданий не знал.

Так плакали оба, и шейх, и мюрид.
Вдруг, плач прерывая, мудрец
говорит:

«Хоть сам-то себе ты отчет
отдавал,
О чем ты скорбел, почему
горевал?»

Когда ты стезей подражания
идешь –
Свой собственный путь у себя ты
крадешь!

Воистину скорбным того назови,
Кто плачет от боли, чье сердце в
крови.

Но если не сердцем печаль
рождена,
То слезы – ничтожны, и грош им
цена!»

Суфий, осел и прислужник

Рассказ осуждает чисто теоретическое изучение суфизма («всё из Корана он шептал цитаты») и учит, что

только сам человек в состоянии исполнить свой долг. Большой ошибкой является всякая попытка препоручить свои обязанности другому («все делай сам – другим не доверяй!»).

Д. Щ.

Суфий, осел и прислужник

Раз некий суфий, дальний путь
свершая,

Остановился в караван-сарае

И попросил, чтобы один из слуг
Питье и пищу дал его ослу,

А сам свершил одну из медитаций,
Пред тем как жирным пловом
напитаться.

Призвав слугу в преддверии еды,
Он вновь напомнил: «Дай ослу
воды!»

Слуга сказал: «Да я на то и здесь,
Чтоб мог осел напиться и поесть!»

«Он стар, он целый день возил
меня,
Ему не пожалей ты ячменя!»

А тот: «Я угодить считаю честью
Тебе, ему и вам обоим вместе!»

Но суфий продолжал: «Чтобы в
пыли
Не спать ослу, ты коврик
подстели!»

Слуга сказал, скрывая
раздражение:
«Готов я сделать это одолжение!»

«Чтоб ночью не простыл мой
ослик сонный,
Его прикрой ты перед сном
попоной!»

Слуга: «Зачем твердить мне сорок
раз?
Нет, я осла не упущу из глаз,

Как никогда не упустил,
признаться,
Того, что служит к пользе
постояльца!»

Откланялся слуга, собравшись с
духом,
И в тот же миг, забыв о
длинноухом,

Пошел к друзьям и вместе с ними
ржал:
Мол, гость ему все уши
прожужжал

И наставлял его полночи в том,
Как нужно обращаться со скотом.

А суфию все время не спалось,
Он волновался: что с ослом
стряслось?

В предчувствии беды, как
виноватый,

Всё из Корана он шептал цитаты.

Но все же на минуту он забылся –
И сон узрел: осел упал, разбился,

В грязи лежал и долго не вставал,
И волк его на части разорвал.

Тут пробудился суфий: «Что за
диво?

Ужель слуга попался нерадивый

Настолько, что, не вспомнив про
осла,

Душе моей доставил столько зла?

Но нет, одни лишь дьяволы и змеи
Способны на такое. Я не смею

Подумать, что мой ближний –
хуже всех,

И этим взять на душу тяжкий
грех».

...А ослик старенький всю ночь

томился,

Поскольку к пище и воде
стремился,

И плакал: «Почему же для меня
Здесь не нашлось питья и ячменя?

Зачем лежу я в этой грязной луже?
Еще нигде мне не бывало хуже...»

Слуга явился, чуть заря взошла,
Одним ударом поднял он осла,

Пинок-другой – и тот как будто
ожил.

И суфий на осле свой путь
продолжил.

Но, словно бы в мечети на
моленье,

Осел вдруг опустился на колени –

Как видно, белый свет ему
постыл:

Уткнулся мордой в землю – и

застыл.

Тут к суфию попутчик обратился:
«Да ты ж всегда ослом своим
гордился,

Что может он весь день вперед
идти,
И никогда не подведет в пути?!»

А тот: «Сей ночью, как мы думать
можем,
Он выжил только попеченьем
Божьим,

Иначе б жизнь его пришла к
концу:
Вот он теперь и молится
Творцу!..»

...Посулам недостойного не верь,
Когда клянется он – захлопни
дверь.

Ведь, прибыль извлекая из игры,

Мошенники, как женщины, хитры.

И сам шайтан, чтоб впали мы в
угар,
Клянется, говоря: «Аллах акбар!»

О человек, ты сам понять сумей,
Кто пред тобой – Иблис иль
просто змей.

Поймай врага, раскрой его обман,
Покуда сам не угодил в капкан.

И чтоб, как предок, не утратить
рай,
Все делай сам – другим не
доверяй!

Новолуние

Рассказ подчеркивает влияние внутреннего состояния человека на его восприятие внешней реальности и передает суфийское учение о необходимости «выправления» души и очищения сердца. Здесь просматривается также скрытая

полемика с религиозными рационалистами – последователями Аристотеля, утверждавшими, что духовный мир недоступен для восприятия, в то время как мир физический отражается человеческими чувствами адекватно («Конечно, к раю Божьему пробиться // Не смог бы сквозь созвездия мой взор, // Но серп – как видел, вижу до сих пор!»). По мнению суфиев, «искривленность» души («ресница, что загнулась») как раз и мешает правильно воспринимать явления зримого мира.

Д. Щ.

Новолуние

В былые дни, в правление Омара,
Когда заканчивался месяц старый,

А новый наступал, и, глядя ввысь,
Все мусульмане вместе собрались

(Ведь сроков по Луне определенье
Есть ясное Корана повеленье,

И все того приветствовать
должны,
Кто первый узрит новый серп

Луны), –

Вдруг некий юноша воскликнул:
«Вот он!» Но посмотрел Омар – и,
ничего там

Не видя в небе, полном темноты,
Сказал: «О юноша, ошибся ты!»

А тот: «Не мог я в этом
ошибиться!

Конечно, к раю Божьему
пробиться

Бессилен сквозь созвездия мой
взор,
Но серп – как видел, вижу до сих
пор!»

Омар в ответ: «Он мог тебе
примниться:

Ты плюнь на палец и протри
ресницы!»

Когда ж послушно поступил он

так,
То стерся месяц, и сомкнулся
мрак.

Изрек халиф: «Ресница, что
загнулась,
Серпом в твоём виденье
обернулась,

Ресница луком для тебя была,
И устремилась ввысь мечты
стрела!

Но, коль ресницы малое движенье
Такое вызывает искаженье,
То что ж тогда способен видеть
взор
Сквозь более внушительный
засор?!.»

Покупка дома

Рассказ осуждает «прожектёрство» чисто теоретических

последователей суфизма, не желающих в действительности следовать духовному пути (*тарикату*) для самоисправления. Разрушенный дом («развалины») – образ хаотического состояния внутреннего мира таких людей, в то время как благоустроенный («настоящий») дом – символ души человека, ставшей обителью Божественного Света.

Д. Щ.

Покупка дома

Раз некий человек узнал о том,
Что друг его купить задумал дом,

И молвил, с ним гуляя средь
развалин:

«Когда бы не был этот дом
развален,

Да если б здесь пристрочка была,
Да по соседству роза бы цвела,

Да сбоку красовалась бы терраска,
Тогда бы это был не дом, а сказка!

И если бы хозяин голодал,

То он бы этот дом тебе продал!»

А друг: «Ну нет, уж лучше я пойду
И настоящий дом себе найду!

Как хорошо, что я еще не раб
Хозяина по имени „когда б“!»

Проданный осел

Притча обличает лжесуфиев («свирепых псов», «воров»), слепое подражание обычаям и обрядам которых («и пил и пел за праздничным столом») наносит ущерб чересчур доверчивому «искателю духовности». О лжесуфиях Саади писал: «Раньше суфий был внешне распушен, а внутренне сосредоточен, а сейчас он внешне сосредоточен, а внутренне порочен!» («Гулистан», глава «О нравах дервишей», перевод Рустама Алиева).

Д. Щ.

Проданный осел

Пусть притча скажет твоему уму:
Не подражай бездумно никому!..

...В обитель к суфиям в вечерней
мгле

Заехал как-то дервиш на осле,

И тотчас, не подозревая зла,
Служителю препоручил осла.

Мы слепы, и о будущем не знаем –
Оно предстанет адом, или раем...

А в том приюте обитали те,
Что проводили дни свои в посте –

Не понуждаемые благочестьем,
А потому, что не давали есть им.

Ведь нищий обретает избавленье
В том, в чем богатый видит
преступленье:

Пусть тот, кто сам ни разу не
страдал,
Не судит тех, кто долго голодал.

Те люди с голодухи – не со зла –
Ворвавшись в стойло, увели осла,

Притом крича: «Раскаиваться надо
ль?

Пророк голодным разрешил и
падать!..»

...Был продан наш осёл без
лишних слов.

И вот на всех готов горячий плов,

Горят огни, веселья слышен глас,
В обители настал счастливый час:

«Постились мы, но больше нам
невмочь –

Гуляем и пируем в эту ночь!..»

...Меж ними дервиш, что владел
ослом,

И пил и пел за праздничным
столом,

Там лучшие куски ему давали,

Припав с поклоном, руки
целовали.

И молвил он: «Сколь чудное
виденье

Любви и братства! Пусть теперь
раденье

Во имя Божье завершит наш пир,
Чтоб в каждом сердце воцарился
мир!»

И тут-то все пустились в пляску
сразу

Под аккомпанемент зурны и саза,

И каждый старец, сердцем
молодой,

Пел, с пола пыль взметая
бородой...

...Зов плоти многих суфиев
прельщает:

Свет знания живота не насыщает.

Один в молитву душу погружает,
Ну, а другой всего лишь
подражает

Тому, в чьем сердце слышен
Божий глас, –
И без молитв готов пуститься в
пляс!..

...Суть – глубь морская,
видимость – волна.

Под маской притчи – скрыта
глубина.

Коль ты и притчу понял не
вполне,
Прямая речь дозволена ли мне?

Не постигая замыслов Творца,
Ты сказку слушаешь и ждешь
конца,

Как просит мальчик: «Подари
орех!»

Что ж, слушать сказку тоже ведь

не грех.

Лишь отдели орех от скорлупы,
Чтоб очи сердца не были слепы!..

...Вот кто-то из плясавших в раж
вошёл

И начал песню: «Ах! Исчез осёл!»

И круг танцоров вострепнулся
весь,

И хором вторил: «Ах! Осёл
исчез!»

Столь песня заразительна была,
Что и хозяин нашего осла

В ладони хлопал, бил ногами пол
И пел со всеми: «Ах! Исчез
осёл!..»

...Вот кончен пир, заря уже
взошла,

Идет наш дервиш навестить осла:

Он смотрит – а конюшня-то пуста,
Как брюхо после долгого поста.

«Где ж ослик?» – вопрошает он
слугу,
А тот в ответ: «Откуда знать могу?

Не ты ль, когда был продан твой
осёл,
С друзьями вместе пел, садясь за
стол?»

«Ну нет, слуга, я на тебя найду
Управу! Я предам тебя суду!

Кто не вернет доверенное в срок –
Тех покарать нам повелел
Пророк!»

А тот: «Орава нищих без числа,
Ворвавшись в стойло, увела осла:

Что мог я сделать, посуди ты сам?
Что скажет кот в ответ свирепым
псам?..»

Заплакал суфий: «Ты бы пир
прервал,
И закричал бы, и меня позвал, –

И мне б хоть возместили часть
урона,
И от осла б осталась хоть попона!»

Слуга в ответ: «Да как бы я
посмел
Скандалить там, где ты всех
громче пел,

Где с хором возносился до небес
Твой вопль счастливый: «Ах! Осёл
исчез!»

Я и решил, что продал ты осла,
Чтоб накормить голодных без
числа».

Ответил суфий: «Ах, мне стыд и
срам
За то, что спьяну вторил я ворам.

Теперь, прозрев, я понял навсегда,
Что подражанье – страшная беда!»

Женитьба шута

Поговорка «шут женился на блуднице» популярна на Среднем Востоке (ср. русск. «рыбак рыбака видит издалека»). В данной притче шут – символ человеческого духа, который напрасно ищет Истину в рациональном постижении мира. Девятикратная попытка шута удачно жениться намекает на поиски Истины в тварном мире: число «девять» в суфизме означает разрозненность и множество. В то же время это – число человека, Адама, стоящего на грани Мира Единства и Мира Разделенности. Таким образом, девятка – символ недостаточности чисто человеческих средств познания. Лишь обратившись к иррациональному, экстатическому, способу восприятия действительности («женившись на блуднице», т. е. перевернув все прежние ценности), дух человека обретает Истину. Блудница – десятая жена шута; число «десять» в суфизме означает приобщение тварного мира, множественного и расщепленного, а также человеческого разума – «девятки» – к Единству Божьему – *Таухид*.

Д. Щ.

Женитьба шута

Спросил правитель: «Для чего
жениться

Тебе, о шут мой, на такой
блуднице?

Да я тебя, едва лишь захочу,
С девицей непорочной обручу!»

А тот: «Я девять раз успел
жениться,

Брал за себя девицу за девицей, —

Но каждая девица, в свой черед,
В блудницу превращалась через
год!

Теперь задумал я остепениться:
Быть может, будет мне верна
блудница?

С умом я пропадаю, судьбу

кляня...

Быть может, глупость выручит
меня?»»

Пес и слепец

Слепец в суфийской традиции обычно символизирует слепца духовного, на которого непрестанно сыплются всевозможные беды, в данной притче олицетворенные в образе собаки (ср. библейское: «...Не знаешь, что ты несчастен и жалок, и нищ, и слеп, и наг» – Откр. 3, 17). Старание «урезонить» неблагоприятные внешние обстоятельства столь же бессмысленно, как попытка умиловить злую собаку. Для исправления обстоятельств своей жизни духовному слепцу необходимо одно: прозреть.

Д. Щ.

Пес и слепец

Пес на слепца бросался, с визгом
лая,

Как видно, искусать его желая.

Бежал слепец и палкой

защищался,

Но лай надрывный всё не
прекращался:

Пес нападал, победу торжествуя.
Решил слепец пойти на мировую –

И бросил палку, чтобы
подольститься

К врагу: «О ты, султан в глазах
лисицы,

О ты, великий лев в глазах оленя,
Я ль – цель твоих насытых
вожделений?

Иль мало на земле зверья любого,
Что ты напал на странника
слепого?

И горный тур, и серый заяц рад,
Что на меня упал твой хищный
взгляд!»

Ужасный наездник

Всадник – образ греховной природы человека, внушающей страх и вызывающей отчаяние, на первый взгляд – непреодолимой. Однако стоит лишь «вооружиться» против греха и противостоять ему, как он на поверку оказывается весьма слабым: «Хоть внешне я страшен, но внутренне слаб». Эта история – как бы наставление *мюриду*, вступающему в борьбу со своим *нафсом*.

Д. Щ.

Ужасный наездник

Какой-то наездник народ ужасал,
Повсюду свирепые взгляды
бросал,

Размахивал грозно мечом, и
притом

И латами страшно гремел, и
щитом.

Но с вызовом юноша некий
взглянул

И, встав пред наездником, лук

натянул.

И тот вдруг сказал: «Я покорный
твой раб,

Хоть внешне я страшен, но
внутренне слаб.

Пусть меч я ношу, и копье, и
пращу, –

Пред силой, как женщина, я
трепещу!»

А юноша храбрый в ответ
говорит:

«Едва тебе жизни не стоил твой
вид,

Ведь я, опасаясь подобных верзил,
Едва тебя насмерть стрелой не
сразил.

Но если ты молишь: „Помилуй, не
тронь“, –

Зачем этот меч и к чему этот
конь?!»

Горный козел

В этой притче горный козел символизирует разум (находящийся «на вершинах» бытия – «среди уступов и скал»). Однако, когда разум затмевается животной страстью, его носитель подвергается риску пасть жертвой собственных злых инстинктов, которые подстерегают его, как «лучник коварный».

Д. Щ.

Горный козел

Жил горный козел среди уступов и
скал,

Он с камня на камень над бездной
скакал.

Так ловко он прыгал, что лучший
стрелок

Настичь его острой стрелой не
мог.

Но вдруг он заметил козу меж

камней,

И взором тотчас приковался он к
ней.

Опасности все заслонила коза –
И разум ослеп, и не видят глаза.

Вот он за козой устремиться готов,
А лучник коварный уж чует улов:

Он зорко следит за смятеньем
козла,
И вот уж рука его лук напрягла...

...Кто разум теряет, тот в миг этот
злой

Бывает настигнут смертельной
стрелой.

На внешние страхи спокойно
смотри:

Опаснее то, что грозит изнутри.

Верблюд и мул

Притча может рассматриваться как аллегорический диалог между суфийским учителем (*муришидом*), который достиг высокой степени духовного совершенства («Мой взор возвысил всемогущий Бог, // Чтоб я препятствия предвидеть мог»), – и учеником, только еще вступающим на мистический путь познания (*тарикат*) и удивляющимся прозорливости своего наставника.

Д. Щ.

Верблюд и мул

Мул жаловался рослому
верблюду:

«Куда я ни пойду – везде мне
худо:

То я на шип наткнушь среди
дороги,

То я споткнушь, то подкосятся
ноги,

И упаду я, и ударюсь больно,
Меж тем как ты везде шагаешь
вольно,

И ноги у тебя не устают.
Но почему? Поведай мне,
верблюду!»

Верблюду ему ответствовал: «О
мул!

Я вдаль гляжу, тебя же рок согнул.

Дано мне зреть конец своей стези,
А ты не видишь камушек вблизи.

Мой взор возвысил всемогущий
Бог,
Чтоб я препятствия предвидеть
мог.

А ты своим понурым, сонным
взглядом

И яму не заметишь, встав с ней
рядом,

Как птицы, что зерно клевать
готовы,

Не замечая сети птицелова...»

Гостеприимство

Странник в рассказе символизирует носителя высшего благословения (барака), которое при определенных условиях может снизойти на гостеприимного хозяина. Однако пронизательный гость-суфий распознаёт истинное отношение к себе: об этом под покровом ночи (символ духовной темноты, невежества) сообщает ему *нафс* (эгоистическая природа) хозяина, выведенный в образе его жены. Высшее благословение (в образе таинственного Божьего посланника – *Хызра*) минует обитель показного гостеприимства.

Д. Щ.

Гостеприимство

К хозяину в дом некий странник
пришел,

Он был обогрет и усажен за стол.

Хозяин шепнул потихоньку жене:

«Ему постели ты поближе к стене,

А мы разместимся с тобой у
дверей,

Но ты из гостей возвращайся
скорей!»

Хозяйка к соседке на праздник
ушла

И там до полуночи ела-пила,

А странник, нелегкий
проделавший путь,

На ложе у двери прилег
отдохнуть:

Хозяин ему постеснялся сказать,
Чтоб он перелег на другую
кровать.

Жена же в гостях напилась и
наелась,

Во тьме возвратилась и сразу
разделась,

И, не различая, кто где, – вот дела!

—

На ложе не к мужу, а к гостю
легла.

Прижалась и в ухо ему зашептала:
«Был ливень такой, что дороги не
стало,

Которой бы с первой зарей, в
добрый час,

Наш гость-надоеда ушел бы от
нас!

Над нами, как тень неоплатного
долга,

Его пребыванье нависло надолго!»

Тут гость, как ошпаренный, с ложа
вскочил:

«Да чем огорчил я вас, чем
удручил?!

Уж лучше бродить мне без сна и
покоя

В ночи под грозою, чем слушать
такое!»

И, как ни взывали те люди к нему,

—

Он тотчас собрался и канул во
тьму...

...А те, свою жизнь доживая в
печали,

Всех странников в доме своем
привечали,

Всечасно у Бога прощенья прося
И скорбь о грехе своем в сердце
нося.

Обрушится ливень, гроза ли
случится,

Им мнится – тот странник у двери
стучится:

«Я – Хызр, посетивший однажды
ваш кров,

Неся благодать от Владыки
миров!...»

Стихи о любви

Притча учит, что путь к настоящей любви лежит через преодоление всепоглощающего эгоизма, свойственного духовно не возрожденному человеку («ты любишь себя, восхищенный собой»). Даже для того, чтобы по-настоящему «увидеть» другого человека и понять, что он настолько же реален, как и ты сам («я рядом, очнись»), необходимо разрушить «крепкую стену» своей агрессивно-неприступной самости. В еще большей мере сказанное относится ко взаимоотношениям между человеком и Богом («ты сам – та преграда»).

Д. Щ.

Стихи о любви

Один воздыхатель любовью
кипел,
Прекрасную пэри в стихах он
воспел,

И к ней он явился, и свиток
достал,
И целую ночь ей поэму читал.

Она ему молвит: «Я рядом,
очнись,
Взгляни мне в глаза, поцелуй,
улыбнись,

К душе от души протяни же хоть
нить!»

Но он продолжал вдохновенно
бубнить.

Сказала она: «Не в меня ты
влюблен,
Ты собственной страстью своей
умилен.

Ничто для тебя – мои радость и
боль:

Ты любишь себя, восхищенный
собой!

Ты крепкой стеной от меня
отделен:

Ты сам – та преграда, ты сам – тот
заслон!..»

IV. Лжеучители

Большинство лжеучителей, сбивающих людей с прямого пути, на самом деле сами являются неспособными, нерадивыми или невнимательными «учениками в школе Бога». О проблемах таких лженаставников и их последователей повествуется в этом разделе.

Большая чалма

В данной притче под видом судьи выведен проповедник, кичащийся своими познаниями и якобы духовным пониманием религии («большая чалма» символизирует развитый ум), в то время как в действительности «чалма» (т. е. голова) судьи набита обрывками бессмысленных, бессвязных сведений, заимствованных им у других («ключья»). Обманутый в своих надеждах, духовно обобранный последователь этого «хитреца лицемерного» представлен в образе вора. Ведь попытка «присвоить» себе чужие знания, чтобы потом корыстно воспользоваться ими («я думал, что мне обеспечен обед»), – сродни воровству.

Д. Щ.

В наше время особенно распространенным стал такой подход к знаниям, который описан в данной притче под видом «большой чалмы», набитой «истлевшей рванью». Голова современного человека напичкана отрывочными знаниями из самых разных областей, которые, во-первых, не складываются в общую картину бытия, помогающую духовному росту; а во-вторых, в большинстве своем, непригодны для практического использования. Человек, приобретший подобные «знания» (порой ценой немалых усилий), в конце концов может оказаться совершенно не готовым к жизненным испытаниям – или же «потерянным», лишенным духовных ориентиров. Винить такой человек станет, конечно же, своих горе-наставников, «вооруживших» его той самой «большой чалмой», какую и сами носили (вор из притчи украл чалму – это служит указанием на усилия ученика уподобиться своему учителю, стать таким же, как он).

М. Х.

Большая чалма

Жил некий судья. И казалось ему,
Что должен носить он большую

чалму,

Чтоб думали люди: большая чалма

—

Воистину признак большого ума!

Чтоб сделать чалму, чтоб
расширить ее,

Собрал он обрезки, собрал он
тряпье,

И ваты куски, и истлевшую рвань,
И все запихал под красивую ткань.

Снаружи посмотришь — чалма
всем чалмам,

И только внутри обнаружишь
обман.

А встречный пройдет — обернется
назад,

И скажет: «Судья сей и мудр, и
богат!»

Раз вышел в чалме наш судья за

порог, –

А вор на дороге его подстерег,

Сорвал с головы ту большую
чалму –

И дёру! Но крикнул судья наш
ему:

«Эй ты, столь проворный и
быстрый в ходьбе,
Сперва посмотри, что́ досталось
тебе,

Что́ спрятал в чалме я – проверь,
поищи,

И если понравится, дальше тащи!»

И вор размотал ту чалму: из нее
Посыпались вата, обрезки, тряпье,

И рвань закружилась, и пыль
поднялась,

И клочья упали в дорожную грязь.

Не сразу ворюга опомниться смог:

В руках у него – только ткани
кусок!

Топтать эту ткань стал обиженный
вор:

«Хитрец лицемерный! Меня ты
провел!

Ты сам хуже вора, хоть стар ты и
сед:

Я думал, что мне обеспечен обед!»

То слыша, в ответ рассмеялся
судья:

«Пустое ты мелешь, неправда твоя
–

Для многих других я обманщиком
был,

Тебе одному я всю правду
открыл!»

Воющий муэдзин

Муэдзин, провозглашающий с минарета призыв к молитве, символизирует проповедника, а голос – внутренние, душевные, качества этого учителя веры. Рассказ подчеркивает, что нередко основное впечатление на ученика оказывает та форма, в которой преподносится поучение («не пел он, а выл»). Свойства души самого наставника обязательно отражаются в его наставлениях, поэтому оскверненность его сердца («вой, содрогающий ночь») может произвести на слушателей воздействие, полностью обратное ожидаемому.

Д. Щ.

Воющий муэдзин

Дурной муэдзин в некоем городе

жил:

Зовя на молитву, не пел он, а выл.

Так дико звучал с минарета

призыв,

Что всяк содрогался, ни мертв и

ни жив.

Под вечер слышав тот голос

вдали,

Всю ночь горожане уснуть не
могли,

И сами уж взвыли от жизни такой!
Призвав муэдзина, совет
городской

Вручил ему полный кошель
серебра:

«Наш друг, тебе в путь
отправляться пора!

Нельзя, чтобы пеньем прекрасным
таким

Лишь мы наслаждались! Ты край
наш покинь,

Пусть люди услышат и в прочих
местах,

Сколь громко тобой прославляем
Аллах!

Призывы твои, предварив
Страшный суд,

Пусть их ужаснут и от ада

спасут!»

И наш муэдзин к каравану
пристал,

Чтоб в Мекку податься, к
священным местам.

Случилось, что ночь проводил
караван

В краю иноверцев, в земле
христиан.

И вот муэдзин преисполнился сил
—

К молитве ночной призывая,
завыл!

Корили его: «Зря распелся ты тут
—

Вдруг толпы неверных на нас
нападут?!»

Но утром явился к ним в стан
лишь один,

Веселый и радостный,

христианин.

Он кланялся всем, был он
счастлив до слез,
С собой дорогие подарки он нес:

«Где ваш муэдзин, где тот
славный герой,
Что спас мою дочку ночью
порой?»

Сказали ему: «Это, верно, обман,
Ведь за ночь никто не покинул
наш стан!»

А он: «Я всю правду поведаю вам:
Давно моя дочь полюбила Ислам,

И клятву ее повторяли уста:
«В Ислам перейду, отступлюсь от
Христа!»

Скорбел я и слезы пред Господом
лил,
Ее возвратить к вере предков

молил.

И вот среди ночи знак свыше нам
был –

К молитве зовя, муэдзин ваш
завыл!

И в страхе спросила меня моя
дочь:

«Что это за вой, содрогающий
ночь?»

А я отвечал ей: «Всегда так ревут,
Когда мусульман на молитву
зовут!»

Она же вскричала: «О ужас и
страх!

Насколько прекраснее пенье в
церквах!»

Под вой этот дикий я сладко
заснул,

Хоть долго еще он призыв свой
тянул:

Ведь ваш муэдзин, проревев,
словно мул,
Строптивую дочь мою в церковь
вернул!»

Суфий, судья и сейид

Притча аллегорически повествует о разладе между тремя подходами к религии, которые в действительности призваны взаимно дополнять друг друга: суфий олицетворяет мистическое познание, судья (*факих*– мусульманский законовед) – теоретическое богословие, а *сейид* (потомок пророка Мухаммада) – практическое наставление в праведности. Помимо этого здесь присутствует скрытое указание на совместную ответственность духа (*рух*), разума (*акл*) и животной души (*нафс*) в прегрешениях человека. Очередность наказаний свидетельствует о причастности ко греху в первую очередь духа («суфий»), во вторую – разума («сейид») и лишь напоследок – плотского начала («факих»). Только действуя вместе, они могут «похитить запретные плоды» из мира («сада»), принадлежащего Творцу («садоводу»), т. е. – совершить грех.

Д. Ш.

Здесь Руми особенно поэтично выражает ту идею воздаяния, которая, в той или иной форме, утверждается каждой из великих религий человечества. Достаточно сравнить евангельское: «...Какой мерою мерите, такой и вам будут мерить» (Матф. 7, 2) – с индуистскими и буддийскими представлениями о кармическом воздаянии. Та же идея находит отражение в фольклоре всех народов (ср., например, русскую народную пословицу: «Как аукнется, так и откликнется»). В наше время, когда идет активный процесс расслоения общества на богатых и бедных и богатство зачастую наживается бесчестным путем, молодое поколение, как никогда прежде, поставлено перед выбором: преступить ли моральные нормы из соображений корыстолюбия или воздержаться от этого, памятуя о законе Божественного воздаяния? Поэтому сейчас особенно важно на многочисленных примерах из Священных Книг, а также окружающего мира, собственного опыта, мировой литературы и т. п. наставлять подрастающее поколение именно в этом духовном законе. Как видно из притчи Руми, воздаяние настигло ее героев уже при жизни. Как мы знаем, бывает и иначе...

М. Х.

Суфий, судья и сейид

Один садовод, заглянув за ограду,
Увидел, как бегают воры по саду.

Его удивил необычный их вид:
Да это же суфий, судья и сейид!

Подумал он: «Я не тяну на героя:
Ведь я-то один, а воров – целых
трое!

Чем мне одному затевать с ними
бой,
Не лучше ль поссорить их между
собой?»

Сказал он: «Салям! Сколько лет
мы знакомы!»

И суфию молвил: «Дражайший, из
дома –

Вот тут, по соседству – нам
коврик возьми:

Я рад пообщаться с такими

людьми!»

Чуть суфий ушел – он судье и
сейиду

Сказал: «Вам не кажется: он
только с виду

Воздержанный малый и строгий
аскет?

А так – ничего в нем суфийского
нет!

Я прямо скажу вам: сей лжец и
пройдоха

В порядочном обществе выглядит
плохо!

Я думаю, вам и самим ни к чему
Общаться с мерзавцем, что метит
в тюрьму?

Вас все уважают – судью и сейида,
Поскольку вы люди почтенного
вида,

И слово Корана у вас на устах!
Зачем рядом с вами такой
вертопрах?!

Когда он придет – вы меня
извините, –
Вы коврик возьмите, его же –
гоните:

Такие ханжи никогда не в чести!
И будем мы с вами беседу вести».

И вот, когда с ковриком суфий
вернулся,
То фыркнул судья, а сейид
отвернулся...

Отправился тот восвояси, но вот
Его нагоняет в пути садовод,

И палкою – бац по спине и
пониже:

«Я слышал, любезный, ты –
суфий? Скажи же,

Какой это дервиш, наставник
души,
Тебе воровать по садам разрешил?

Тебе подсказала подобную тему
Джунайда или Байзида
система?!»

И суфий, от боли на землю упав,
Сказал садоводу: «Почтенный, ты
прав!

Но теми двумя, кем так подло я
предан,
Да будет и ими вкус палки
отведан!

То зло, что излили они на меня,
Пусть к ним возвратится в течение
дня!..»

...К гостям садовод, спрятав
палку, вернулся,
Лукаво-почтительно им
улыбнулся

И молвил сейиду: «Поблизости
тут
Служанка готовит нам несколько
блюд,

Скажи – мы заждались!..» –
Сейида уславши,
Судью спросил он: «Светило ты
наше,

Ответь мне – я прав, иль мне
кажется, все ж,
Что вовсе с Пророком сейид сей
не схож?

Скажи – ведь такое случается
редко?
А разве не сходство потомка и
предка

О родственной близости их
говорит?
Ну, сам ты подумай: какой он
сейид?

С Пророком в родстве – а такой
оборванец?

Я точно уверен, что он –
самозванец!

Кто ж скажет, к примеру, что ты –
не судья?

Порукой тому – вся ученость
твоя!»

Почтительной речью судья
обольстился,

Во всем с садоводом тотчас
согласился,

А тот возле дома сейида настиг
И палкой ударил его в тот же миг:

«Скажи мне, о ветвь самого
Мухаммада:

Дозволено ль красть тебе фрукты
из сада?

Давно иль недавно Небес

благодать

Тебя научила плоды воровать?

Так в чем, поясни, ты подобен
Пророку?!» –

И так напоследок огрел его сбоку,

Как вряд ли сумел бы и
враг-хариджит.

Сейид, весь в слезах, на тропинке
лежит

И молвит: «Судьей беззаконным я
предан,

Но радуюсь я, что получит он
следом

Такую же долю заслуженных мук,
–

Ведь хуже собаки забывчивый
друг!»

И вправду, к судье садовод
возвратился

И с палкой тотчас на него

напустился:

«Не ты ль наш судья, что
судебный устав
Весь вызубрил, тысячу раз
пролистав?

А раз ты законник, узнать тебе
в пору,
Что руку рубить полагается вору!

А ну-ка, ответь мне: какие суды
Срывать разрешают чужие
плоды?!.»

Судья отвечал: «Я друзей своих
предал,
За это и вкус твоей палки отведал.

Так будет проучен любой, в свой
черед,
Кто, лестью прельщенный, друзей
предает!»

Предопределение

Притча иллюстрирует богословский спор о взаимоотношении между Божественным предопределением и свободной волей человека. В Исламе сторонниками доктрины полного предопределения являются джабариты. Суфии же, в противоположность им, подчеркивают необходимость усилий со стороны человека на пути просветления и спасения души. В притче джабарит представлен сатирически в образе вора.

Д. Щ.

В виде вора, орудующего в чужом саду, здесь выведен сторонник идеи абсолютного предопределения. Если внимательно взглядеться в историю религий, можно убедиться, что идея фатализма нередко служила прикрытием для злодеяний (в данной притче – «воровства»). «Сад» символизирует общину верующих (араб. умма – исламское сообщество; ср. с образом «Божьего виноградника» как народа Господня или общины верующих у библейских пророков и в Евангелии). Служитель религии, недостойный своего призвания и прикрывающий корыстолюбие «благочестивыми» рассуждениями, чужд по духу тому «саду», в котором пытается столь ловко орудовать. Ему противостоит «садовник» – хранитель «сада», т. е.

суфийский *шейх*, чье призвание – защита и приумножение в земном мире истинной духовности. «Связав» и «избивая» чужака (т. е. обезоружив его аргументами и одолевая в богословском споре), «садовник» обрушивает на его голову слова: «Каждый мой удар есть воля Божья!»

М. Х.

Предопределение

Вор был спокоен и не ждал беды,
Когда в чужом саду срывал плоды.

«Ты кто такой?» – садовник
закричал

Но вор ему бесстрашно отвечал,

Поскольку в богословье был не
слаб:

«Бог – мой кормилец, я –
Господень раб!»

В Его саду я скромно пировал,
Вкушая то, что Он мне даровал!»

«Ты прав, мой друг, – садовник

подтвердил. –

И наказать тебя сам Бог судил!»

И тут он вора крепко обхватил
И к дереву веревкой прикрутил,

И палкой стал охаживать, да так,
Что начал умолять его бедняк:

«Помилуй! Чем тебя я разъярил?
Я Божью волю, не свою, творил!»

А тот в ответ: «Коль мыслью ты
не слаб,

Пойми, что я ведь тоже – Божий
раб!

Ты – Божий, но и палка – Божья
тоже,

И каждый мой удар есть воля
Божья!»

Горожанин и сельчанин

В образе горожанина выведен человек, постоянно ублажающий других, потворствуя эгоизму их *нафса* и ожидая себе от этого доброго воздаяния. Сам *нафс* изображен в виде близкого к природе сельчанина. Однако животное начало человеческой природы не способно сострадать людям: оно может сочувствовать только другому «животному», сродному ему самому («родной ослице»). Настоящая дружба с тем, в ком господствует эгоизм, – невозможна.

Д. Щ.

Очень сложный вопрос о взаимоотношении между предопределением свыше и свободной волей человека всегда волновал богословов. Здесь Руми кратко излагает суфийский взгляд на эту проблему: человек, постоянно занятый размышлениями о сфере Божественного («именем Божьим твой разум пленен»), может оказаться глухим и невосприимчивым к исходящим от Бога заповедям человеколюбия. От самого человека зависит, как он направит свою волю – в соответствии с волей Творца или против нее. Таким образом, от фаталистов (прежде всего исламских) суфии отличаются тем, что уделяют значительное место свободе воли и человеческим усилиям. А уж от того, следует ли человек заповедям Божьим или служит лишь собственной выгоде, зависят и все его

жизненные проявления. Притча иллюстрирует «несимметричные» отношения, возникающие между щедрым даятелем, стремящимся доставлять благо, и эгоистом, который, привыкая к даяниям, требует все больше. Настоящая дружба предполагает взаимообмен между душами. Когда же один из друзей предпочитает только получать, ничего не отдавая, отношения между душами приобретают оттенок вампиризма, который приносит вред обоим: у дающего убывает, а принимающему даяние не идет впрок, поскольку без взаимности оно лишь умножает эгоизм и усиливает отчужденность неблагодарной души от Бога и людей. С другой стороны, чтобы стать проводником благ, исходящих, в конечном счете, от Создателя, нужно уметь хорошо выбирать точку приложения своих усилий. Горожанин в разбираемой притче «около лет десяти» проявлял «сколько угодно» щедрости, расточая гостеприимство впустую и так до конца и не поняв, какими свойствами обладает его гость. Итак, согласно суфийской концепции, чтобы по-настоящему творить добро, человек должен стать мудрым и прозорливым. В противном случае ему, «слепому сердцем», помогут прозреть лишь те «научающие страдания», которые перенес незадачливый горожанин.

Что же касается «внутреннего зрения», – по отношению к нему Руми различает три разновидности людей. Первая –

это те, чья душа обладает «ясным взглядом». Речь идет о духовно видящих – мудрецах, суфийских *шейхах*, которые интуитивно воспринимают внутренний мир своих собеседников. Вторая – те, которым помогает «разум, как посох». Такие люди опираются на рациональные методы постижения и не должны обольщаться внешними признаками радушия и человеколюбия. Наконец, третья разновидность – те, кто руководствуется в отношениях с людьми эмоциями («посох в бессилье роняет рука» – т. е. разум перестает быть опорой). Последним легче всего ошибиться, и таковым Руми предлагает найти себе «проводника» – человека «зрячего». Очевидно, обычный человек находится где-то между вторым и третьим из описанных состояний. Горожанин же, герой данной притчи, как бы «уронил посох», целиком доверившись своим эмоциям, – и поэтому потерпел полный крах. В то же время его «друг», сельчанин, как видно, полагает, что твердо опирается на «посох» своего разума, постоянно «имя Аллаха в сознание храня». Однако, считая себя богословски образованным и праведным человеком, он находит возможным оставить голодной на улице целую семью, возлагающую на него надежду. Это, как мы видим, перечеркивает всю его «праведность». Последняя ведь как раз и состоит в том, чтобы любовь к Богу проявлялась в любви к ближнему (ср. в Новом Завете: «Мы знаем, что мы

перешли из смерти в жизнь, потому что любим братьев; не любящий брата пребывает в смерти» – I Иоан. 3, 14).

М. Х.

Горожанин и сельчанин

Известный ремесленник в городе
жил,

И с неким сельчанином крепко
дружил:

Сельчанин к нему приезжал
ежегодно

И мог оставаться на сколько
угодно.

Когда ж уезжал, повторял всякий
год:

«Надеюсь, друзья, что придет мой
черед

Однажды вас вывезти к нам, на
природу,

Где дети веселье вдохнут и
свободу,

Где что ни увидишь – одно
любованье:

Цветов пестрота да хлебов
созреванье!»

И думал хозяин, себе в утешенье:
«Что ж, время придет, я приму
приглашенье».

А тот умолял все теплей и
душевней,
Чтоб друг к нему выбрался летом
в деревню...

...Прошло где-то около лет
десяти,

И бывшие дети, успев подрасти,

К отцу подступили: «Твой друг
нам обязан,

Ведь он многолетними клятвами
связан,

Что примет в деревне всю нашу

семью, –

Так пусть же покажет нам
щедрость свою!..»

...О друг мой! Душе, кроме ясного
взгляда,

Другого помощника в жизни не
надо.

Слепому же сердцем, чтоб мирно
пройти,

Пусть разум, как посох, послужит
в пути.

Коль посох в бессилье роняет
рука, –

Куда ж ты, незрячий, без
проводника?!

...И вот уж отец запрягает волов:
Он лучшего друга проведать
готов,

Порадовать душу в саду и на поле.

А дети его веселятся тем боле:

Ведь издали даже колючек кусты

—

Как россыпи роз для крылатой
мечты!..

...И вот, наконец, на последнем
ночлеге

Доев те припасы, что были в
телеге,

Семья подъезжает и смотрит
вокруг, —

Но к ним не выходит любимый их
друг!

Гостей долгожданных он встретил
обманом,

Он так поступил, как нельзя
мусульманам,

Была лицемерьем его доброта:

Он спрятался, скрылся и запер
врата!

Приезжий, вкусив от подобных
щедрот,
Пять суток провел у злосчастных
ворот:

Не мог он домой повернуть свои
дрожки,
Поскольку еды не осталось ни
крошки.

Когда ж приоткрылись ворота на
миг,
Он друга увидел, и поднял он
крик:

«Как можешь ты взглядом
смотреть столь суровым
На тех, в чьем жилище питался ты
пловом?!

Вот – дети мои, здесь я бедствую с
ними!

Давно ли успел ты забыть мое
имя?»

Сельчанин в ответ: «В мире
каждый умен

И может назваться любым из
имен.

А мне ведь ни имя твое, ни
прозванье

Не может прибавить ни веры, ни
знанья.

Ведь я позабыл, как зовут и меня,
Лишь имя Аллаха в сознание
храня!

Уйди поскорей и меня не морочь!»

—

И запер ворота. И новая ночь

Дожди на бездомных обрушила с
силой,

И ярость и гнев в их душе
погасила —

Остались лишь слезы. И снова у
врат

Стучался приезжий, как сутки
назад.

Сельчанин врата отворил с
неохотой,

А тот: «Я охвачен одной лишь
заботой –

О детях! Прошу – отведи нам
сторожку,

Чтоб в ней пообсохнуть, погреться
немножко,

Тогда на тебя я не буду сердит
За дни, что тянулись, как годы
обид!»

А тот: «Есть в саду моем ветхий
шалаш,

Живал в нем когда-то плодов моих
страж.

Туда я пустить вас на время готов,
И будешь ты сад мой стеречь от
волков!..»

...Взял стрелы приезжий и лук
натянул,
Ходил он по саду и глаз не
сомкнул, –

И зверя заметил! И меткой была
Во мраке пронзившая зверя
стрела.

И зверь, испуская свой дух где-то
рядом,
Наполнил окрестность и громом и
смердом.

Сельчанин на грохот раздавшийся
мчится,
Крича: «О преступник! Убийца
ослицы!

Обласканный мною, ты жизни
лишил
Родную ослицу – отраду души!»

Ответил приезжий: «Не мешкая

долго,

Я волка заметил – и выстрелил в
волка!

Что делала ночью ослица в саду,
И стражу на страх, и себе на
беду?»

Но тот повторял, и вопя и стеная:
«О сердца подруга! Ослица
родная!

Что мне ни тверди, – я ослицу
свою

По тяжкому духу всегда узнаю!»

И тут-то приезжий, расширив
зрачки,

Неверного друга схватил за
грудки:

«Я вижу, тебе, лицемерная рожа,
Ослица – старинного друга
дороже?!

А ты-то твердил, что не помнишь
имен, —

Мол, именем Божьим твой разум
пленен,

Мол, Бог твое сердце величием
полнит,

Людских же прозваний оно не
упомнит...

Так как же ты вспомнил, ответь
поскорей,

Столь быстро зловонье ослицы
своей?!

Спасибо ослице: вдохнув ее
смад,

Мы чуем обманов твоих аромат!..»

...Мой друг, не хвались, что ты
лучший портной,

Покуда рубахи не сшил ни одной!

Не мни: «Я герой!», не вопи: «Я
Рустам!»:»:

Всё в жизни расставит Аллах по
местам...

Шакал, ставший павлином

Шакал в восточном фольклоре – образ лукавства и вероломства, а павлин – бессмертия. Шакал символизирует в этой притче шарлатана, притворяющегося великим духовным наставником (*кутбом* – «полюсом притяжения» для ищущих Истину, руководителем поколения). Однако шакал, который «расцветку изменил», не озарен «светом свыше», т. е. не имеет благословения (барака), связанного с особыми духовными дарами; он также не умеет «кричать по-павлиньи», т. е. из уст его не слышатся поучения, внушаемые Богом. Ряд сопоставлений завершается упоминанием о человеке, выдающем себя за паломника, но в Мекке не бывавшем – таков и лжесуфий, не имеющий внутреннего опыта общения с Богом, а лишь имитирующий состояние вдохновения. Ср. евангельское уподобление лицемеров от религии «окрашенным гробам» (Матф. 23, 27–28), а также прозвище «крашеные», которое Талмуд прилагает к носителям напускного благочестия (трактат Сота 22б). К подобному случаю приложимы слова Корана: «Они тщатся обмануть Аллаха и уверовавших, но

обманывают только самих себя, не ведая [этого]» (Коран 2, 9).

Д. Щ.

Шакал, ставший павлином

Шакал в красильню забежал
случайно

И искупался там в красильном
чане.

При этом он расцветку изменил
И сам себя павлином возомнил,

Крича везде: «Я новое творенье!
Взгляните на павлинье оперенье:

На мне сверкают радуги цвета,
И я другим шакалам не чета!»

Но отвечали прочие шакалы:
«Пойми, что, как бы шкура ни
сверкала,

Лишь тот, кто светом свыше

озарен,

Назваться может райских птиц
царем!

Иль думаешь и впрямь, что краски
эти

Тебе позволят выступать в мечети

И проповедь премудрую читать?

Нет, лицемер, тебе святым не
стать!

Кто нравом отличается звериным,

Тому не быть сиятельным
павлином!»

Но наш шакал в своем
высокомерье

Сказал: «Смотрите, вот –
павлиньи перья!

Они – избранья непреложный
знак,

Султанства моего высокий флаг!

Они – с небес, иначе же – откуда?
Я – веры доказательство, я – чудо,

Я – свыше утвержденный
властелин,
Я – райского величия павлин!»

А те ему: «Но вотчину свою
Ты зрел хоть раз? Ты сам бывал в
раю?»

«Нет, не бывал пока...» – «А
благодать
Свою другим ты можешь
передать?»

«Пока что нет...» – «Но, мудрости
печать,
Хоть по-павлиньи можешь ты
кричать?»

«Нет, не могу...» – «Какой же ты
павлин?
Лишь сам собой ты признан и
хвалим!

Что ж ты про Мекку напеваешь
нам,
Коль хаджа не свершал и не был
там?!

Ты красками измазался в
красильне,
Павлину же величье дал
Всесильный!»

Посол Луны

Сюжет заимствован из «Калилы и Димны». Притча, переосмысленная на суфийский лад, сатирически рисует представителей официальной духовной иерархии («заяц»), которые с помощью запугиваний и ловко подстроженных «знамений» оказывают влияние на светскую власть («царя слонов») и получают посредством этого доступ ко благам мира сего («питьевой воде»). Заяц, не получавшему, в действительности, никаких «указаний» от Луны, Руми уподобляет тех проповедников, которые берутся толковать волю Бога, не имея с Ним прямого общения.

Д. Щ.

Посол Луны

Слоны близ ручья поселились
однажды,
И местные звери изныли от
жажды:

От места, где расположились
слоны,
Животные прочие оттеснены!

Тут лживый зайчишка ко
главному в стаде
Возвал горделиво, спасения ради:

«О царь, хоть тебе и подвластны
слоны,
Я послан доставить приказ от
Луны!

Сегодня же ночью вы прочь
уходите,
Луну не гневите, воде не вредите,

Иначе Луна в полнолуния час
Отнимет и зренье, и разум у вас!

И будет для вас указанием и
знаком,

Что, как только местность
покроется мраком,

И вновь вы напиться сойдете к
ручью, —

Луна вам покажет всю ярость
свою:

Едва только вы прикоснетесь к
водице —

Луны отраженье в ручье
искажится!..»

...Вот царь, убедиться в той вести
готов,

Во мраке повел к водопою слонов:

Едва лишь он хоботом влаги
коснулся,

Лик лунный в волне задрожал,

встрепенулся,

И в панике прочь побежали слоны
От злобы и гнева ужасной Луны!..

...Но мы – не слоны, а потомство
Адама,
Должны проверять предсказания
всегда мы,

Чтоб с помощью трюка любой
лжепророк
За правду нам выдумку выдать не
смог!

Поэт и визирь

Поэт, воспевающий царя, символизирует здесь мусульманина, восхваляющего Бога. Первый визирь Хасан (араб. «сострадательный», «благочестивый») означает суфийского *шейха*, «близкого» к Богу и могущего поэтому спрашивать у Него благодать для верующих. Второй же визирь, злой и жадный, – образ *шейха*, не обладающего благими качествами, но вводящего людей в обман своим

именем. Не будучи заступником за них перед Богом, такой *шейх* способствует лишь уменьшению потока благодати («золота»), изливаемой свыше на земной мир.

Д. Щ.

Поэт и визирь

Поэт в поэме восхвалил царя –
И вдохновенье не потратил зря.

Воскликнул царь: «За столь
достойный труд
Пусть тысячу монет певцу дадут!»

Но возразил царю визирь Хасан:
«Владыка, ты признать изволил
сам,

Что столь великолепное творенье
Особого достойно поощренья,

И ты певцу за яркий, смелый стих
Пожалуй десять тысяч золотых!»

Но царь, хоть и большой казной

владел,

Все ж золото транжирить не
хотел...

Сказал визирь: «О царь!
Наверняка,
Сей звонкий стих переживет века.

Поэт строка́ми мудрыми своими
Из рода в род твое прославил имя.

Теперь уже забвенью не дано
Твоих деяний славных скрывать
зерно!..»

...И десять мулов принял в дар
поэт,
И десять тысяч вез в мешках
монет,

И, Бога всей душой благодаря,
Молился он скорей не за царя,

Но за визиря царского – Хасана –
Молился горячо и неустанно!..

.....
.....

...Истратив золото, с течением
дней

Поэт наш становился все бедней,

И он сказал себе: «Что мешкать
зря?

Пора вторично восхвалить царя!

Вновь жемчуг слов пред ним
рассыпать надо,

Чтоб дорогую обрести награду,

Светильник рифмы перед ним
возжечь,

Чтоб золотом оплачивалась речь!

Кто выскажет в поэме больше
лести,

Тот от царя добьется высшей
чести:

Почетным званьем, звоном

ЗОЛОТЫХ

Оценит властелин хвалебный
стих,

Поскольку хочет, чтоб его
правление

В поэме получило восхваленье,

Чтобы из века в век его дела
Вещала стихотворная хвала!

Что делать – таковы уставы неба:
Кто голоден – тот ищет только
хлеба,

А кто насытился – того влечет
Власть над людьми, богатство и
почет.

Ну, а кому судьба дала всё это,
К себе зовет умелого поэта,

Чтоб тот ему заслуг придумал
тьму,

Чтоб знатных предков приписал

ему,

Чтоб на базаре, в бане и в мечети
О нем заговорили все на свете!...»

...И вот, нужду свою в расчет
беря,
Поэт вторично восхвалил царя,

И, словно слыша звон и видя
злато,
Шел во дворец за прибылью
богатой:

Там, как он думал, сохранял свой
сан
Ценитель звонких строк – визирь
Хасан.

Но был Хасан с земли отозван
Богом,
И царь его другим – скупым и
строгим –

В правленье государством

заменял.

Визирь же новый песен не
ценил...

...Царь выслушал поэму: «Спору
нет –

Стихи прекрасны! Тысячу монет

Велю я выдать из казны поэту!»

Но возразил визирь ему на это:

«У нас таких запасов нет в казне!
Притом стихи, позволь заметить
мне,

Не так уж хороши, чтоб столько
тратить...

Динаров сто дадим ему – и
хватит!»

Вскричал поэт: «Но мне за
прежний стих

Владыка десять тысяч золотых

Пожаловал! Тому, кто ел халву,

Не предлагают горькую ботву!»

Визирь подумал: «Алчная душа!
Ну, что ж, ты не получишь ни
гроша,

Покуда сам ко мне ты на коленях
Не приползешь, возжаждав этих
денег,

И будешь счастлив, жалкий
рифмоплет,
Что сто монет визирь тебе дает!»

«О царь, – сказал визирь, –
казной-то вроде
Я управляю! Деньги – на исходе,

И разреши решать мне самому,
Когда платить, и сколько, и
кому!»

А царь в ответ: «Уж больно пел он
складно!..

А впрочем, как ты скажешь – так и

ладно!...»

.....

.....

...С тех пор награды царской ждал
поэт.

Немало зим прошло, немало лет,

Он обнищал, скрутил его недуг,

Он поседел, согнулся, словно лук,

И беды худшие ему грозили...

Вот, не стерпев, явился он к
визирю:

«Визирь почтенный, хоть пуста
казна,

Но есть же у стихов моих цена,

Подай мне помощь средь
несчетных бед!»

– И тот швырнул поэту сто
монет...

И шел поэт, вздыхая: «Ах, как

рано

Забрал Создатель щедрого Хасана!

С ним вместе добродетель умерла,
Вокруг творятся подлые дела...»

Спросил поэт: «О вы, придворный
люди!

А нового визиря как зовут?»

И с изумленьем выслушал ответ:
«Тот – жить давал! При этом –
жизни нет!

Второй из них корыстью обуян,
Но носит имя прежнего – Хасан!»

Поэт воскликнул: «Что за
наваждение!

Ужасная ошибка, заблуждение,

Чтоб глупого и злого звали так,
Как прозывался умник и добряк!

Бывало, тот Хасан приказ

подпишет –

И оживет мертвец, и снова дышит!

А сей Хасан постылый, в свой
черед,

Приказ подпишет – и живой
умрет!

Скупой визирь, приставленный к
делам,

Царю – позор, а государству –
срам!»

Молитва лицемера

Притча иллюстрирует ту истину, что благоговение перед Богом должно выражаться в милосердии к людям, иначе оно превращается в богопротивное лицемерие (ср. в Новом Завете: «Кто говорит: „я люблю Бога“, а брата своего ненавидит, тот лжец: ибо не любящий брата своего, которого видит, как может любить Бога, Которого не видит?» – I Иоан. 4, 20; также в Коране: «...Зову лишь любить ближнего. Тому, кто вершит добро, Мы воздадим добром вдвойне...» – 42, 23).

Д. Щ.

Молитва лицемера

Когда эмир сквозь рынок шел к
мечети,

Его солдаты в ход пускали плети,

И многих били, и бросали в грязь,

И стон стоял, и даже кровь лилась.

И некий суфий, претерпев удары,

Спросил: «Эмир, ты не боишься
кары?»

Пророк молиться в чистоте велел,

А ты приходишь с грузом грязных
дел:

Жестокость, крик страдания и
страха –

Вот всё, что ты приносишь в дом
Аллаха!»

Сообщник вора

В притче противопоставляются два способа познания («улавливания») Истины: путь непосредственного мистического переживания («почти что держал я в руках») – и путь рационального исследования, когда в вещественном мире наблюдаются «следы» Высшего Разума («я видел следы»). Руми предостерегает суфия, воспринимающего Истину посредством прямого духовно-интуитивного контакта с ней, от следования путем интеллектуальных поисков, который только отдаляет ищущего от искомого – Бога: «Того, кто прошел здесь, мы сразу нашли, – // А ты нам следы указуешь в пыли!».

Д. Щ.

Сообщник вора

Хозяин вернулся на собственный
двор,
Глядит – из ворот его выбежал
вор!

Пустился хозяин его догонять.
Уж было до вора рукою подать,

Уже он пройдоху хватал за халат!
Вдруг слышит: «Почтенный,
вернись-ка назад:

Хочу я тебя от несчастья спасти,
Большую беду от тебя отвести!»

Помыслил хозяин: «Как быть мне
теперь?

Грабитель другой мог войти в мою
дверь!

Прерву я погоню, пойду-ка
взгляну, –

Не взял ли он вещи, не бьет ли
жену?

Ах, сколько напастей в течение
дня!

Спасибо тому, кто окликнул
меня...»

Тут, вора оставив, прервал он свой
бег

И молвил: «Что скажешь мне, мил

человек?»

А тот: «У ворот на твой
собственный двор

Я видел следы – в твоём доме был
вор!

Скорее за тем нечестивцем гонись,
А мне за удачный совет
поклонись!»

Хозяин ему: «Не пойму я никак –
Ведь вора почти что держал я в
руках,

Хватал за халат – так зачем мне
следы?

Теперь же пройдоха ушел от
беды!»

А тот отвечает: «Улики узрев,
На вора хотел обратить я твой
гнев:

Кто видит улики и не говорит,

Тот словно бы сам злодеянье
творит».

Тут крепко хозяин схватил его
вдруг
И крикнул: «Ты вора сообщник и
друг!

Того, кто прошел здесь, мы сразу
нашли, –
А ты нам следы указуешь в
пыли!».

Болезнь учителя

Учитель олицетворяет силу разума, постоянно ослабляемую плотскими помыслами и страстями («учениками-заговорщиками») – вплоть до «тяжкого недуга» мыслительных способностей. При этом «заговорщикам» удастся внести во внутренний мир человека тяжелую смуту – «рассорить» разум с эмоциональной сферой (душой), символизируемой женой учителя.

Д. Щ.

Болезнь учителя

Один учитель нравом был таков,
Что постоянно бил учеников,

И мальчики мечтали: как бы
роздых

Хоть на недельку получить от
розог?

Вот было б счастье для их бедных
тел,

Когда б учитель строгий заболел!

Известный заводила в их среде
Сказал: «Я знаю, как помочь беде!

Ему шепну я завтра со слезами:
„У вас круги, учитель, под
глазами!“

И пусть он промолчит иль
огрызнется,

Но все ж в груди сомненье
шевельнется.

Потом другой из нас канючить
станет:

„Учитель! Да на Вас совсем лица
нет!“

Тот оборвет его и взглянет строго,
Но в сердце вновь пробудится
тревога.

И нужно, чтоб и третий тут запел:
„Учитель! Вы с утра бледны, как
мел!“

Уж трем-то он поверит голосам,
И ощутит себя недужным сам.

Когда ж все хором это подтвердят,
Он станет охать, словно принял
яд:

Ведь корень многих бед –
самовнушенье!»

Сказали все: «Прекрасное
решенье,

Пусть он сам поверит в свой
недуг,
Лишь в этом – прекращенье наших
мук!

А кто ему наш замысел раскроет,
Того друзей презренье пусть
покроет!»

...И утром заводила со слезами
Шепнул: «Учитель! Что у Вас с
глазами?

Откуда эти черные круги?...»
Учитель крикнул: «Я здоров! Не
лги!» –

Но мальчики твердили: «В самом
деле,
Осунулись Вы за ночь,
похудели...»

Учитель все сильнее сомневался
И, наконец, совсем разволновался:

Растерянный, понурый, весь
больной,
Он, книги взяв, отправился
домой...

...В дороге он казался дряхлым
дедом,
Ученики плелись, вздыхая,
следом.

И думал он: «Бесстыжую жену
Я обличу при всех и прокляну:

Все ждет она подарков да
поблажек,
Ей дела нет, что мой недуг так
тяжек,

Она плюет на мой несчастный вид
—
Лишь прихорашиваться
норовит!..»

...Жена выходит мужу

поклониться,

А он ей: «Дрянь! Презренная
блудница!

Всем жаль меня – лишь ты одна,
змея,

Не хочешь знать, что к смерти
близок я!»

Тут зеркало жена ему приносит –
Мол, ты здоров, – и поглядеться
просит.

А он в ответ: «Ты мне всю жизнь
лгала:

Как жены лгут, так лгут и зеркала!

Пока душа еще, отчасти, в теле,
Дай перед смертью отдохнуть в
постели!..»

...Все так случилось, как сказал
Пророк:

«Кто счел себя больным – тот
занемог!..»

...Когда ж в постель страдалец
наш улегся,
Он ненадолго от скорбей отвлекся:

Учеников заметив караван,
Он повелел им вслух читать
Коран.

И те шептались: «Да, теперь нам
мнится,
Что мы в тюрьму попали из
темницы!»

Тут заводила тихо попросил:
«Читая вслух, из всех кричите
сил!» –

И каждый заорал и завизжал,
Да так, что дом от шума задрожал.

Тут заводила крикнул: «Замолчите
ль
Вы, наконец? Ведь болен наш
учитель!»

А тот в ответ: «Отменим наш
урок:

От ваших криков заболел висок!..»

...Ученики отвесили поклон –
И, радостные, выпорхнули вон,

Звучало всюду пение детей,
Как птиц, освобожденных из
сетей.

Но матери спросили их: «Доколе
Резвиться вам? Вы почему не в
школе?»

Они в ответ: «Так, видно, Бог
велел:

Учитель наш опасно заболел!»

А матери: «Ну, что нам делать с
вами?

Учителя проведаем мы сами,

И, коль окажется, что врете вы, –

Смотрите, не сносить вам
головы!..»

...К учителю они явились в дом,
А он, болезный, их узнал с
трудом:

Глаза слезятся, говорит едва,
Тугой повязкой сжата голова.

Тогда вскричали женщины: «О,
горе!

Не знали мы досель о Вашей
хвори!»

А он в ответ: «Помилуйте!
Меня-то

Больным признали ваши же
щенята!

Я и не знал, что болен я, покуда
Об этом не сказали дети блуда!..»

...Тому, кем вдохновенье
овладело, —

Плевать на боль: он продолжает
дело!

Так воин, руку потеряв в бою,
Не сразу боль почувствует свою:

Пока не кончится смертельный
бой, –
Он на ногах, он не покинет
строй!..

Сокол и утки

Притча иллюстрирует одну из любимых тем Руми – о вреде бессмысленного подражания. Только сообразуясь с врожденными способностями ученика, которые ему «от Бога предназначены», *шейх* может достичь успехов в воспитании. Надо заметить, что, в противоположность известному горьковскому (и весьма горькому) высказыванию: «Рожденный ползать – летать не может», здесь ударение ставится не на предрасположенности к учению вообще (в этом смысле, согласно Руми, возможности каждого ученика поистине безграничны), но именно на обстоятельствах, наиболее пригодных для развития каждой

индивидуальности. «Жить и добывать пищу» (т. е. по-настоящему духовно развиваться) «соколы» и «утки» призваны в совершенно разных условиях...

Д. Щ.

Люди различаются по своей природе: одни созданы так, что «ввысь взлетают без усилия», другим же предопределено развиваться в «огражденном доме». Заметим, что Руми не «унижает» уток и не «возвышает» сокола, а просто констатирует: «Каждому жилью от Бога предназначено свое». Это означает, что самим Богом разные «породы» учеников созданы для разной деятельности. Сокол в данной притче символизирует того лженаставника, который ко всем подходит с одной меркой и судит обо всех по себе. Не надо требовать от ученика невозможного, а потом сокрушаться, что он не оправдал надежд. Заметим также, что сокол – «учитель жизни» не только ложный, но и корыстный: ведь он, очевидно, хочет «позвать в полет» уток лишь для того, чтобы сделать их своей добычей...

М. Х.

Сокол и утки

Раз подлетел к болоту хитрый

сокол

И стаю уток звал в полет высокий:

«Как тускло и ничтожно вы
живете!

Не надоест вам обитать в болоте,

Когда вокруг – и степи и поля,
И так пестра и широка земля?»

А утки отвечали: «Сокол, что ты?
Как нерушимый вал – для нас
болото,

Вода для нас – как огражденный
дом!

И то сказать, летаем мы с трудом.

Совсем не каждый, кто имеет
крылья,

Как сокол, ввысь взлетает без
усилья,

А потому и каждому жилью
От Бога предназначено свое.

Не искушай нас бросить то
жилище,
Где мы живём и добываем пищу:

Кто пред тобой открыл небесный
свод –
Тот поселил и нас среди болот!»

Борода

Помимо традиционного для суфийской литературы обличения показной набожности, притча содержит скрытый призыв использовать отпущенное время жизни для исправления своего «сердца черного», а не для внешнеобрядового поклонения. Особенно это относится к людям, успевшим приобрести немалый жизненный опыт («белобородым»). Ср. призыв Саади: «Ты, пятьдесят проживший лет! Быть может, // Тебя пять дней оставшихся встревожат?..» («Гулистан», перевод Анатолия Старостина).

Д. Щ.

Борода

Спросили прихожане: «О мулла,

Всегда ль была брада твоя бела?»

Он отвечал: «Она была черна,
Но побелела с возрастом она».

А те ему: «Коль многие года
Тебя сопровождала борода,

Что ж не белело, глядя на нее,
С ней вместе сердце черное
твое?!»

Муха-капитан

Данная притча – карикатура на ограниченного «ученого», который мнит, будто достиг познания Истины (в суфизме море – метафора Высшей Реальности, а волны – отдельных феноменов бытия). На самом же деле такой «ученый» замкнут в «нечистом пространстве» своих ложных концепций.

Д. Щ.

Дабы учение не сводилось на нет «безудержной гордыней» и было духовно плодотворным, необходимо,

чтобы оно проходило сквозь сердце ученика, а не только постигалось интеллектуально. Но для этого и сам учитель должен сообщать передаваемым знаниям эмоциональный импульс. То, что постигнуто в момент, связанный с высоким или ярким переживанием, запечатлевается совсем иначе, нежели воспринятое в обыденном или, тем более, подавленном состоянии души («сходственно... ученье с лужей»). Ведь в момент вдохновения, восторга, удивления – открываются каналы интуитивного, «эвристического», постижения мира, каковое особенно свойственно детям (в этом – один их смыслов евангельского изречения: «...Если не обратитесь и не будете, как дети, не войдете в Царство Небесное» – Матф. 18, 3).

М. Х.

Муха-капитан

Решила муха: «Я ведь – капитан,
А предо мною – море-океан!»

Тут, ощутив невиданную власть,
Она на лист опавший поднялась,

Который лучшим кораблем
отныне

Стал для ее безудержной гордыни,

Поскольку слышала она на свалке
О моряках и их морской закалке.

Однако ж океан тот появился
С тех пор, как здесь осел
остановился,

И муха совершала путь свой
длинный

Не по морю, а по моче ослиной.

...Порою тот, кто мнит, что он —
святой,

Своей гордыней равен мухе той,

И сходственно, увы, его ученье
С той лужей по размерам и
значенью!..

V. Достойные мюриды

Лишь некоторые мюриды, полностью преданные Богу и готовые от всего сердца следовать Его поучениям, обретают настоящую мудрость – и благодаря ей быстро продвигаются по пути к Вечной Жизни...

Разрушение башни

Притча сопоставляет между собой три основные реалии суфийского учения: «влагу живительную» – благодатный «поток Аллаха» («ненаглядного Друга»), способный насытить духовную жажду; самого человека – искателя Истины, который «от жажды страдал»; и, наконец, «каменную башню» эгоизма, стоящую преградой на пути верующего ко «влаге живительной». «Камнями», отрываемыми от «башни» и бросаемыми в «волну», являются побежденные страсти и эгоистические желания, а средством такого постоянного «уменьшения башни» – «смиренье, молитва, полночное бдение». Притча учит не отчаиваться в достижении цели: каждый «камень», сброшенный адептом суфизма с «башни», приближает его к «волне».

Д. Щ.

Здесь описаны четыре состояния духа, каждое из которых соответствует высоте «башни» эгоизма,

отделяющей человека от Источника жизни («реки»). Первое из этих состояний – духовная смерть («он мертвому – Дня Воскресенья труба»). Второе – ощущение огромной жажды, внутренней «иссушенности», когда человек уподобляется «ниве» в ожидании «ливня». Находящийся в третьем состоянии – уже «живой человек», но постоянно нуждающийся в посторонней помощи, «нищий», мечтающий о «дожде золотом». Наконец, в четвертом состоянии находятся те, кому уже немного осталось до «цели» – освобождения из-под власти эгоистического начала («весть о свободе для слуха раба»). Также и призыв Истины («всплеск») по-разному воспринимается людьми, пребывающими в описанных состояниях. Для «мертвых» призыв свыше звучит как «труба» Ангела перед Страшным судом, резко пробуждающая от смертного сна. Для «внутренне иссушенных» Голос Божий подобен отдаленному грому («радует слух»), предвещаая обильный «ливень» благодати. Для «нищих» этот небесный Зов есть утоление их «духовного голода». Для тех же, чей «срок порабощенья» (зависимость от низшего эго) подходит к концу, вышняя Весть звучит как обещание скорого духовного освобождения.

М. Х.

Разрушение башни

На каменной башне у самой реки
Муж некий от жажды страдал и
тоски.

С той башни высокой не мог он
спуститься,
Чтоб влаги живительной вдоволь
напиться.

Вдруг камешек в реку он сбросил
ногой –
И всплеск он услышал, душе
дорогой:

То отклик взошел от волнистого
круга,
Как будто призыв ненаглядного
Друга.

Чтоб снова услышать ту ноту
одну,
Он камень побольше обрушил в
волну, –

И слышит вопрос: «Как ты сам
полагаешь,
Зачем эти камни ты с башни
свергаешь?»

Ответил он: «Звук этот радует
слух,
От плеска воды оживает мой дух:

Он мертвому – Дня Воскресенья
труба,
Он – весть о свободе для слуха
раба.

Я им, словно нива низвергшимся
ливнем
Иль нищий дождем золотым –
осчастливлен.

Едва только камень я с башни
швырну,
Как делаю ближе речную волну:

Все ниже и ниже становится
башня,

Я ближусь к воде – моей цели
всегдашней!..»

...Как башня, до туч ты вознесся
гордыней –

По камню начни разрушать ее
ныне:

Едва ли дотянешься ты головой
Из выси надменной до влаги
живой.

Смиренье, молитва, полночное
бдение –

Грехов разрушенье, камней тех
паденье:

Ломай же преграду, что нам не
дает

Коснуться потока Божественных
вод.

Блажен, кто последние выломал
камни –

И черпает Вечность своими

руками!..

Просьба попугая

Один из смыслов этой многогранной истории таков: чтобы избавиться от рабства («клетки золотой»), в которой нас держит материальный мир, следует «при жизни умереть» для мира дольного – и «воскреснуть духом» для мира горнего, чему и обучаются *мюриды* посредством различных суфийских практик.

Д. Щ.

Попугай в восточной традиции – птица не только говорящая, но и чудесно поющая (этот образ не является, в отличие от европейского, символом глупости и механического повторения чужих слов). В данной притче попугай означает личность весьма одаренную, однако именно талант привлек к ней собственнические притязания торговца – олицетворения бездуховности и своекорыстия «мира сего». Талант певца, предназначенный для свободного служения Богу, оказался поработанным и поставленным на службу вещественным началам. Тот же процесс может совершаться и внутри человека: плотский разум, связанный с эгоистической чувственностью («торговец») держит «в

клетке золотой» высшие способности человека, не давая им «встряхнуться» и «воспарить». Однако, будучи выпущен на волю, «попугай» получает возможность наставлять и облагораживать самого «торговца»: высшая сущность (высшее «Я») человека начинает оказывать благотворное влияние на всю его жизнь, выводя ее за рамки чисто эгоистического прозябания («я нечто понимать здесь начинаю»; «он жизни смысл постигнул, наконец»).

М. Х.

Просьба попугая

Торговец некий мог весьма
гордиться,
Что он – хозяин говорящей птицы.

Плыть в Индию с товаром
полагая,
Он попросил родных и попугая,

Чтобы они поведали ему:
Что́ нужно им, что́ привезти кому?

И попугай сказал: «Хозяин,
внемли!

Давно покинул я родные земли,

Похищен я из Индии святой,
И здесь горюю в клетке золотой.

Коль, по садам земли моей гуляя,
Ты меж ветвей увидишь попугая,

Скажи ему – пусть знает обо мне,
Несчастном пленнике в чужой
стране.

И пусть услышат прочие собратья,
Как вынужден здесь биться и
рыдать я!

Есть у меня сердечный друг вдали,
С кем узами Меджнуна и Лейли

Мы связаны: из сердца кровь
сочится,

Как только вспомню я об этой
птице.

Пусть друг, услышав мой

молящий зов,
Заплачет кровью среди родных
садов,

И пусть подаст мне чрез тебя
совет,
Как выжить мне среди этих
горьких бед!..»

...И вот купец, по Индии гуляя,
В саду заметил ближних попугая,

И в точности им все пересказал,
Что попугай поведать наказал.

Услышав сей рассказ, одна из
птиц
Вдруг испустила вопль – и пала
ниц:

Взглянул купец – увы, она
мертва...

«Ах, для чего я скорбные слова

Произносил, чужую жизнь круша?

У этих двух была одна душа, –

Когда б я знал, кого я повстречал,
Я б перед этой птицей
промолчал...»

.....

.....

...Глагол – кремень, язык –
металл, мой друг,

От искры загорится все вокруг!

Себя и ближних от огня спаси,
И слов облыжных не произноси.

На поле хлопков пожалей в ночи,
Залей костер свой, искр не
размечи!

Лишь деспот злой, не сдерживая
речь,
Весь мир готов случайным словом
сжечь.

Да, слово всей Земли меняет вид,

Оно и умертвит, и оживит.

Поберегись! Несет словесный дар
Одним – спасенье, а другим –
удар...

.....

.....

...Торговец возвращается домой,
А попугай ему: «Хозяин мой,

Ты встретил ли в пути моих
родных,
И если да, что слышал ты от них?»

Купец в ответ: «Ах, как я виноват!
Мне повстречался, видимо, твой
брат

По духу, да, возлюбленный твой
друг:

Он, о тебе услышав, вскрикнул
вдруг –

И тотчас умер... В том моя вина,

Да поздним сожаленьям грош
цена!..»

.....
.....

...Стреле подобно слово: полетит

—

Раскаянье его не возвратит!

Речь — как плотина: коль прорвет
ее —

Никчемно сожаление твое!..

.....
.....

...Наш попугай все выслушал — и
вдруг

Он вскрикнул, как его далекий
друг,

И мертвым пал... Купец
запричитал,

Чалму свою в печали размотал —

И бросил наземь, разорвал халат:

«Опять в беде язык мой виноват!

Увы, о птица, сердцу дорогая!

Как своего оплачу попугая?!

Как сохранить тебя я ни хотел –

Умолк твой голос, рай мой

опустел.

К тебе я мог в беседе обратиться,

Как мудрый Соломон к

придворной птице.

Как мало я ценил тебя, пока

Грудь не пронзила смертная

тоска!...»

.....

.....

...Кто думать перед речью не
привык,

Тому, конечно, главный враг –
язык.

Свободен мыслью – ходит он в

рабах

У быстрых слов на собственных
губах.

Твои уста наполнят твой амбар,
Твои ж уста в нем разожгут
пожар...

.....
.....

...Вот так торговец сетовал,
стенал,

Потом замок он с птичьей клетки
снял

И с плачем дверцу настежь
растворил...

И вдруг мертвец встряхнулся,
воспарил –

И, вылетев, на дереве уселся!

Тут у купца похолодело сердце,

Затмились очи – но, как солнца
свет,

Той смерти озарил его секрет!

Тогда он обратился к попугаю:

«Я нечто понимать здесь начинаю,

И все же напоследок мне скажи:

Ты сам додумался до этой лжи

Или твой друг ближайший и
любимый

Тебе со мной прислал совет
незримый?»

«Ты догадался, – попугай в ответ,

–

И вот в чем состоял его совет:

„Коль перестанешь говорить и
петь –

Замок ослабнет, отворится клеть,

В которой потому ты заключен,

Что слишком сладкогласен и учен.

Недвижен будь, не пой, не говори,

И, чтоб воскреснуть, – временно
умри!“

Теперь же, одолев неволи тьму,
Я улетаю к другу моему!..»

Когда услышал это всё купец,
Он жизни смысл постигнул,
наконец,

И плакал, глядя: улетаёт птица,
Чтоб с милым другом вновь
соединиться...

Кольчуга Давида

В данной притче Лукман выступает в качестве ученика, а царь Давид – суфийского наставника. Предмет обучения – терпение: начатки его Лукман проявляет уже при первом знакомстве с занятием царя, что намекает на суфийский принцип, согласно которому обучать следует только того, кто внутренне предрасположен к постижению Истины. Терпение приобретает шаг за шагом – через отдельные мысли, слова и поступки, подобные кольцам в кольчуге. В

конце обучения адепт может, как и его учитель, целиком «облачиться» в это важнейшее для мудреца качество.

Д. Ш.

На пути духовного ученичества наставляемый (Лукман) должен проявлять полное доверие к наставнику в целом и во всех частностях, смиренно относясь к тому факту, что он, в данном своем состоянии, не может понять целей и методов обучения. И лишь когда «кольчуга» готова, ученик обретает ретроспективное постижение своего пути, пройденного под руководством мудреца. Подобно тому, как кольчуга состоит из множества одинаковых колец, так и обучение складывается из множества однообразных и даже рутинных упражнений. И, если ученик не проявит терпения на данном этапе, то он не увидит и «кольчуги» в целом. Поэтому важен вывод притчи: «Спасается лишь тот, кто терпелив». Таким образом, сам процесс обучения не менее важен, чем его результаты: ведь он формирует именно те качества души, которые впоследствии позволят сохранить и развить полученные знания. «Кольчуга» – образ того «духовного одеяния» (совокупности внутренних качеств), в которое необходимо «облачиться» адепту, вступающему на путь «духовных битв». Заметим, что Лукман – не начинающий ученик, но мудрец, которому предстоит взойти на новую ступень.

М. Х.

Кольчуга Давида

Лукман узрел: великий царь Давид
Из крепкой стали что-то мастерит,

Связуя сотни маленьких колец.
Лукман молчал, как истинный
мудрец:

При встрече с неизведанным
философ
Лишь смотрит и не задает
вопросов.

К тому, чтобы понять хоть
что-нибудь,
Терпенье сердца – наилучший
путь.

Прошли недели. Труд закончив
свой,
Явился царь в одежде боевой –

Он в новую кольчугу облачился
И к мудрецу Лукману обратился:

«Теперь ты видишь то, что я
сковал:

Сия одежда выше всех похвал –

Спасет кольчуга чудная моя
В бою и от стрелы, и от копья!»

Лукман ему ответил: «О владыка,
За эти дни и я секрет великий

Познал, твое искусство изучив:
Спасается лишь тот, кто
терпелив!»

Охота

Три животных символизируют тройственный состав человека: волк – животную душу (*нафс*), лиса – разум (акл), лев – дух (рух). Для успешного продвижения ученика по суфийскому Пути «царствующее», высшее начало в человеке – дух («лев») – должно лишиться самости («убить»)

эгоистические порывы животной души («волка»), а со стороны разума («лисы») принимать только те советы, которые способствуют духовному развитию («насыщению льва»).

Д. Щ.

Охота

Однажды лев, не размышляя
долго,
Охотиться позвал лису и волка:

Мол, свита государю пригодится,
Чтоб перед ней отвагой
погордиться.

Ведь даже месяц в небе в полный
рост
Выходит только в окруженье
звезд.

При этом лев, охоту зная тонко,
Словил оленя, зайца и козленка,

А спутники, скрывая аппетит,

Надеялись что он их угостит.

Когда на плоть и кровь они
воззрились,
Их мысли алчные от льва не
скрылись.

А он царем нелицемерным был,
И лишь правдивость в подданных
любил.

И лев подумал: «Вы, как погляжу,
Юлите! Ну, так я вас накажу!» –

И с грозным ревом обратился к
волку:
«В делах житейских не лишен ты
толка,

А потому, бесхитростный судья,
Ловитву пусть поделит речь
твоя!»

Ответил волк, показывая зубы:
«Тебе, я знаю, оленина любя,

Козленок, как визирю, мне пойдет,
Ну, а лису сегодня заяц ждет!»

Лев заревел в ответ: «О жалкий
пёс,
Какую чушь ты пред владыкой
нёс!

Как ты посмел столь глупый дать
ответ?!»

Удар – и волка среди живущих
нет...

Затем лису властитель вопрошает:
«Как мясо делим? Пусть твой ум
решает!»

Лиса в ответ: «О царь, тебе олень
Пойдет на завтрак – будешь сыт
весь день,

Козленком, повелитель, отобедай,
И пусть тебя навек минуют беды,

А зайцем ты отужинай – и вот
Задремлешь сладко, ублажив
живот!»

Лев удивился: «Говорят не зря,
Что ты, лиса, – опора для царя,

Ты так меня сумела умирить!
Но где ж ты научилась так
делить?»

А та: «Властитель, волк мне дал
урок,
И тот урок пошел мне сразу
впрок!..»

...Коль Бог захочет, коль позволит
рок,

Из бед чужих ты извлечешь урок.

Здесь рок сказался в том, что лев
сперва

Услышал волка жадного слова...

...Помилowana благостной

судьбой,

Ушла лиса, довольная собой.

Юный полководец

Рассказ намекает на суфийское положение о том, что разные люди минуют «стоянки» и «переходы» духовного Пути с неодинаковой скоростью. Успешность каждого здесь зависит от свойств его души, и некоторые могут за короткий срок значительно продвинуться в духовной иерархии («неужто возраст – мудрости причина?»).

Д. Щ.

Юный полководец

Пророк созвал сподвижников
ретивых,

Чтоб покорить державу
нечестивых,

А полководцем не бойца седого,
Но воина назначил молодого,

Чем в войске пересуды породил

И в ветеранах ревность возбудил.

Один из них вскричал: «Нам не к
лицу

Повиноваться этому юнцу!»

В ответ Пророк нахмурил гневно
брови

И молвил, прикусив губу до
крови:

«Ответь, кричавший громко и
бесчинно:

Неужто возраст – мудрости
причина?

Неужто борода твоя мудра,
Коль в ней сверкают нити серебра,

А у другого голова черна,
И оттого не может быть умна?

Сей юноша не раз уже в бою
Являл мне пронизательность
свою.

Коль ищешь суть, на внешность не
смотри,
Но разгадать старайся, что
внутри!»

Раб Сонкур

В образах эмира и раба явлены два разряда людей: одни пекутся о мирском (хозяин, обладающий и кичащийся властью), а другие заботятся о духовном (раб, не имеющий ничего своего, т. е. уповающий только на Бога). Рассказ двояким образом отвечает на вопрос: почему конкретный человек принадлежит к тому или иному из этих разрядов? Первый ответ – традиционный: такова воля Создателя («Мне дал упражняться в молитве и вере // Тот Самый, Кто держит тебя возле двери»). Более глубокий пласт понимания приоткрывается через сравнение духовного человека с рыбой, а плотского – со зверем, который по своей природе не может обитать в воде (вода – распространенный суфийский образ единения со Всевышним): «Пойми же, так было всегда и везде, // Что звери – на суше, а рыбы – в воде». Следовательно, предрасположение каждой души к тому или иному образу жизни определено тем состоянием, в котором

она вступила в наш мир.

Д. Щ.

Раб Сонкур

Сонкуру хозяин промолвил: «Мой
раб,
Отправиться в баню с тобой нам
пора б!»»

Неся притирания, щелок, лохани,
Сонкур за хозяином двинулся к
бане.

Молитвы полуденной срок
наставал,
В мечеть муэдзин мусульман
созывал.

Раб молвил: «Хозяин! Душа
жаждет света,
И вот уже слышен призыв с
минарета.

Позволь мне в мечеть на молитву

зайти,

Хвалу Господину миров вознести,

Пасть ниц средь хранящего веру
народа.

А ты подожди, если хочешь, у
входа!»

Хозяин остался у двери. Вот срок
Молитвы полуденной вскоре
истек,

Уж вышли наружу и старцы и
дети,

И только Сонкур оставался в
мечети.

Хозяин Сонкура позвал, осердясь,
А тот ему: «С Богом сокрытая
связь,

Хозяин, сильней твоего повеленья:
Он держит меня в состоянье
моленья!

Немного еще ты у двери побудь,
Я выйду – и сразу продолжим наш
путь!»

Но, сколько хозяин ни звал, ни
кричал,
Все тот же ответ он опять получал.

Спросил он: «К чему препирания
эти?
Зачем ты один остаешься в
мечети?»

А раб: «Уж давно бы я вышел, да
вот –
Создатель отсюда уйти не дает:

Мне дал упражняться в молитве и
вере
Тот Самый, Кто держит тебя возле
двери!..»

...Не пустит на сушу морская
волна
Того, кому глубь в обладанье дана,

И в бездну морскую не выпустит
суша
С рожденья на ней поселенные
души.

Пойми же, так было всегда и
езде,
Что звери – на суше, а рыбы – в
воде!

Царь и мудрец

Под покровом внешней морали здесь скрывается
иносказание о том, что человек может осознавать себя как на
уровне духа (рух), так и на уровне животной души (*нафс*).
Человек, отождествивший себя с высшим «Я» («мудрец»),
управляет своими страстями («Гневом и Вождельем»), а
находящийся на «плотском» уровне («властитель») – ими
порабощен.

Д. Щ.

Царь и мудрец

Сказал властитель, встретив
мудреца:

«Мы чтим в тебе духовного отца.

О суфиях заботы нам не чужды, –
Скажи, какие ты имеешь нужды?»

А тот: «Я обеспечен всем вполне,
Ведь двое слуг прислуживают
мне,

Из коих каждый в сане столь
великом,
Что сам приказы отдает
владыкам!»

А царь в ответ: «Сколь речь твоя
странна!

Я им служу?! Но как их имена?»

Мудрец ему: «О да, свои веленья
Тебе диктуют Гнев и Вожделенье.

Ты думаешь – над нами ты
царишь,

А сам всечасно волю их творишь,

Лишь царское себе присвоив имя.

Но настоящий царь владеет ими!»

VI. Уроки в медресе

Медресе» (религиозным училищем) для наставляемых душ служит весь мир, а «учебными пособиями» – все его обитатели, все стихии, все события и явления жизни. «Урок», преподаваемый Богом душе, ни на миг не прекращается. Эти положения суфизма иллюстрируются притчами, включенными в данный раздел.

Побег от смерти

Притча как бы иллюстрирует слова Корана: «...Ни один человек не знает, что случится с ним завтра; ни один человек не знает, на какой земле он умрет...» (31, 34) – и содержит скрытый призыв стремиться не к внешним, материальным («чтоб в Индию он был перенесен»), а к внутренним, духовным, переменам.

Д. Щ.

Убежать от самого себя, а следовательно, и от собственной судьбы – невозможно. Единственная альтернатива – достойно встретить ее лицом к лицу. Из притчи следует, что перемена места жительства, работы, брачного партнера и т. п. не решают экзистенциальных проблем человека. Поэтому столь важно объяснить ученику, что же именно может реально повлиять на его судьбу и решить его внутренние проблемы. То, что герой притчи перед смертью переносится из Святой земли – Иудеи – в языческую Индию, намекает на его греховность. Выходит, что он не прибег к главному средству, позволяющему избежать злой участи, – раскаянию...

М. Х.

Побег от смерти

Однажды некий подданный с
поклоном

Предстал перед мудрейшим
Соломоном:

«Царь, до зари внезапно я
проснулся –

Ко мне Владыка смерти

прикоснулся,

Да, наяву узрел я Азраила,
И дрожь предсмертная меня
пронзила!»

«Чего ж ты хочешь?» – молвил
повелитель.

«О Царь, ты и над духами
правитель,

Так повели же одному из них,
Чтоб в Индию меня умчал он
вмиг!..»

...Царь повелел, решив, что это –
благо,

И очутился в Индии бедняга...

Все это было на заре. А днем
Сам Азраил предстал перед царем.

И царь ему: «О скорбный вестник
выси,

Зачем ты утром смертному явился,

Прервав его покой, нарушив сон?
Чтоб в Индию он был
перенесен?!»

И Азраил в ответ: «Я удивился,
Поскольку за душой его явился,

При этом Бог сказал мне, что она
Расстаться с телом в Индии
должна,

А я его здесь – в Иудее –
встретил...

Но тут же налетел какой-то ветер,

Унес его туда, и там как раз
Я выполнил Божественный
приказ...»

...Мы вечно суетимся, убегаем,
И тем спастись и скрыться
полагаем, –

Но от кого? Задумайся на миг:

От Бога? Или от себя самих?..

Шах и мат

Под видом шаха (царя) в суфийской образной системе нередко выступает человеческий дух, а под видом его слуги (в данном случае шута) – эмоционально-физическая природа человека. Данная притча своеобразно иллюстрирует внутреннюю борьбу в человеке (ср. в Новом Завете: «...Плоть желает противного духу, а дух – противного плоти: они друг другу противятся...» – Гал. 5, 17). Вместо того чтобы стремиться к гармонии между противоположными началами своей природы (к чему призывают суфийские мудрецы), религиозный фанатик, терпя многочисленные «поражения» от своих вышедших из-под контроля страстей, пытается в ответ подавлять в себе естественные потребности – «умерщвлять плоть». Как бы от лица последней – шут и заявляет шаху: «Ведь мне, хоть я ни в чем не виноват, // Ты сам теперь объявишь: „Шах и мат!..“»

Д. Щ.

Если во многих других притчах Руми речь идет о противоборстве «духа и плоти» (олицетворяемых соответственно в образах человека и животного), то в

данном случае конфликт («шахматная партия») происходит между интеллектуально-волевым началом и эмоциональной сферой, которые оба представлены людьми – шахом и его шутом (животное – символ плоти – здесь отсутствует). Иными словами, в сражение вступают рациональное и иррациональное начала в человеке. Заметим, что шах (разум) довел шута (чувство) до отчаяния («а шут, как на ветру бедняк нагой, дрожал пред шахом»), что привело в конце концов к повторному поражению шаха, который снова получил мат (араб. мат – «смерть», т. е. разум отключился и оставил ситуацию вне своего контроля). Смысл притчи в том, что человек должен крайне внимательно прислушиваться к своей эмоциональной сфере («шуту»), не подавляя ее, но стараясь установить в своей жизни равновесие между разумом и желаниями.

Вспомним, что наиболее жестокими тиранами и инквизиторами (в широком смысле) бывали крайние аскеты, т. е. люди, подавлявшие в себе даже естественные желания. Последнее, в конечном счете, приводило их самих к духовной смерти, а бесчисленное множество их жертв – к смерти физической.

М. Х.

Шах и мат

Игра продлилась несколько минут,
И шаха в шахматы обставил шут.

Тут по лбу шах шута огрел доской:
«Пусть впрок тебе пойдет урок
такой,

Фигурами не двигай невпопад,
Не объявляй внезапно: „Шах и
мат!“

Игру придется заново начать –
Тебя азам я стану обучать!»

А шут, как на ветру бедняк нагой,
Дрожал пред шахом – и ни в зуб
ногой.

Но понемногу вновь в игру
включился

И обыграть владыку изловчился.

И тут он, в завершение игры,
Забился под подушки и ковры –

И возопил: «О шах, я сам не рад,
Но снова объявляю: „Шах и
мат!“»

Шах огляделся и спросил: «Ты
где?»

А шут ему: «Я понял – быть беде,

Коль станем правду говорить
владыкам,

Не пряча голову, с открытым
лицом!

Ведь мне, хоть я ни в чем не
виноват,

Ты сам теперь объявишь: „Шах и
мат!..“»

Безнадежный больной

«Безнадежно больным» является *нафс*, которому, согласно суфийскому учению, предстоит погибнуть вместе со смертью тела (в отличие от более высоких уровней личности, бессмертных по своей природе). Зная о своей

смертности, *нафс* крайне эгоистичен и необуздан в своих желаниях. Однако, если разум человека («судья») потворствует *нафс* вместо того чтобы обуздывать его, то самому разуму приходится плохо («И – бац – судье заехал по затылку! // И должен был судья ему платить...»). Рассказ иллюстрирует суфийский призыв к постоянному самоконтролю.

Д. Щ.

Безнадежный больной

Больной явился к лекарю в тоске:

«Ты пульс пощупай на моей руке

–

Я чувствую, пора определиться

С тем, сколько жизнь моя еще

продлится!»

Врач пульс пощупал – и смекнул в
момент,

Что не протянет долго пациент.

Но лекарь мудр и осторожен был

И от больного эту правду скрыл,

Сказав: «Чтоб жизни сохранять
пыланье,
Всечасно исполняй свои желанья,

Не ставь своим хотениям преград,
И этим удалишь из тела яд.

Покорен будь сердечному
велению –
Ведь это путь кратчайший к
исцеленью!»

Больной воспрянул: «Сладок твой
совет,
Об этом дне мечтал я много лет!»
–

И, рад и счастлив, полетел, как
птица,
К прозрачному ручью – воды
напиться.

Он подошел к воде, а в то
мгновенье

Свершал почтенный суфий
омовенье.

Больной взмахнул рукой в азарте
пылком

И суфию заехал по затылку:

Мол, лекарь, чтоб я больше не
болел,

Осуществлять желанья мне велел!

Огретый суфий в гневе обернулся,
Ответно на больного замахнулся,

Но тотчас разглядел, что тот,
бедняга,

И тощ, и еле дышит, доходяга.

И так решил: «В болезненном
угаре

Сей муж! И если я его ударю,

То он в живых останется навряд:

Тогда меня осудят и казнят!

Ну нет, я не безмозглая зверушка,
Ведь за приманкой кроется
ловушка.

Коль дело до конца не решено,
Подумай, чем закончится оно!» –

И, взяв больного за рукав халата,
Повлек его в судебную палату.

Там, оглядев ответчика, судья
Спросил: «Истец! В чем жалоба
твоя?»

А тот: «За наглость мужа накажи!
Пороть плетью публично
прикажи,

Иль пусть его с позором провезут
По городу – да будет скор твой
суд!»

Сказал судья: «Ответчик сей
таков,
Что не хватает подходящих слов,

Чтоб описать, насколько болен он:
Один толчок – и дух из тела вон!

Как стану бледной тени я грозить,
Пороть плетьюми, по городу
возить?

А если б камень на тебя упал,
То ты и с камнем бы судиться
стал?

Чтоб милость у Аллаха обрести,
Ты, суфий, полумертвого прости:

Ведь шариата суд, в конце концов,
Живущих судит, а не мертвецов!»

А тот: «Да как такое может быть:
Суд разрешает людям встречных
бить?!»

Судья ж ему: «Поведай лучше
мне:

Какая сумма есть в твоей суме?»

«Да в ней, судья, почти и денег
нет,
Сам погляди: всего лишь пять
монет!»

«Три мне отдай за справедливый
суд,
А две ему: они его спасут,

Он хлеб вкусит – и просветлеет
взор!»

Тут суфий – в крик: «Сколь
глупый приговор!

Судья, я речь обжалую твою!..»
...Меж тем больной воззрися на
судью:

Мол, лекарь, чтоб я больше не
болел,
Осуществлять желанья мне велел!

Сейчас я и недуг свой подлечу,
И от судьи монеты получу!

И он взмахнул рукой в азарте
пылком,
И – бац – судьбе заехал по затылку!

И должен был судья ему платить:
Что делать – приговор не
воротить!..

...Кто ближнему копает яму – тот
Сам, оступившись, в яму упадет!..

Похороны отца

История содержит суфийскую переоценку обычных житейских представлений о «благости» земной жизни и «ужасе» перехода в мир иной. При внимательном духовном взгляде оказывается, что именно жизнь в вещественном мире обладает качествами предполагаемого «посмертного бытия», являясь средством наказания и исправления грешной человеческой души.

Д. Щ.

Похороны отца

В пути погребальном над телом
отца

Почтительный сын причитал без
конца:

«Родимый, тебя в темном доме
поселят,

Тебе даже коврика там не
подстелят,

Лампадку тебе не засветят во
мгле,

И будешь лежать на холодной
земле!

Там глаз не раскроешь ты в ясное
небо,

Там ты не отведаешь мягкого
хлеба,

Там даже на помощь среди всех
этих бед

К тебе не придет ни родной, ни
сосед.

Родимый! Во мрак гробового
жилья
Уйдет величавая статность твоя!..»

...Джуха, услышав, что твердил
тот юнец,
К отцу подбегает: «Ты слышал,
отец?»

Ведь каждому ясно по этим
словам –
Покойника тащат прямехонько к
нам!»

Отец отвечает: «Ты что, идиот?» А
тот:
«Все приметы подходят! Ведь вот
–

Ни хлеба у нас, ни ковров, ни
лампад,
И прямо во тьму упирается взгляд,
И нечем дышать... Нет сомнения в

том,

Что люди покойника тащат в наш
дом!»

Султан и воры

Мотив ночных путешествий переодетого в простое платье султана Махмуда Газневида (см. притчу «Жемчужина») восходит к старинным фольклорным источникам (ср. странствования царя Соломона в агадических легендах, «переодевание» халифа Гаруна аль-Рашида в «Сказках тысячи и одной ночи» и т. п.). В данном рассказе султан представляет высшее «Я» человека, его духовный разум, а ночные воры – совокупность его чувств: слух («чуткие уши»), зрение («ясные очи»), осязание («необычные руки»), обоняние («недюжинный дар»), интуицию («взбираться... до самых небес»). Земные чувства человека «обкрадывают» его духовный разум («и вот уже воры – пред царской казной»), поскольку они нацелены на восприятие внешнего мира, в то время как цель суфия – самопознание, «внутреннее» восхождение к Истине. Руми показывает, как, поначалу приобщившись к чувствам и завоевав их «доверие» («сошелся с ночными ворами»), дух впоследствии может получить над ними власть («воры пред

шахом простерлись в пыли»). Это происходит «утром» – с рассветом, означающим духовное пробуждение после «ночи» неведения. В это время дух, воссев на трон, возвращает себе то владычество над чувствами, которого был лишен «среди ночи», и чувства начинают обретать в нем настоящий «свет познания» («верни упование лишенным надежды»). На достижение таких взаимоотношений между духом и чувствами направлена многолетняя суфийская практика самосовершенствования.

Д. Щ.

Султан и воры

Приняв горожанина скромного
вид,
Скитался ночами Махмуд
Газневид,

И как-то сошелся с ночными
ворами,
А те похвалялись своими дарами:

«Пусть тот, кто способен на
большой обман,
Над нами и властвует, как

атаман!»

И первый изрек: «О погибшие
души,
Бесценный мой дар – это чуткие
уши,

Мне ясен, я в этом признаться
готов,
Язык всех зверей, но особенно –
псов!»

Второй сообщил: «О исчадия
ночи,
Судьбой мне подарены ясные очи,

Кто мне на глаза попадетсЯ хоть
раз,
Того, снова встретив, узнаю
тотчас!»

А третий сказал: «О сыны адской
муки,
Мне свыше даны необычные руки,

Все воры в округе зовут меня,
чтоб

Под стену иль изгородь сделать
подкоп!»

Четвертый: «О слуги дурного
желанья,

Мой признак – недюжинный дар
обонянья:

Принюхавшись к легкому следу в
пыли,

Меджнун узнавал, где ступала
Лейли,

А я по особенному аромату
Всегда узнаю, где запрятано
злато!»

А пятый: «О вы, мои мрачные
братцы,

Мой дар – на вершины и стены
взбираться,

И даже на башню до самых небес,

Закинув веревку с крюком, я бы
влез!»

Тут воры спросили, взглянув на
Махмуда:

«А ты про какое расскажешь нам
чудо?»

А он: «В трудный миг вам
поможет всегда

Волшебным движеньем моя
борода:

В несчастиях я бородой помаваю
И этим преступника грех
покрываю, —

Едва потрясу бородой и кивну,
Как вору тотчас же прощают
вину!»

«Твой дар представляется самым
желанным,

Отныне ты будешь у нас
атаманом! —

Воскликнули воры. – А наших
сердец

Желанье – ограбить султанский
дворец!..»

...Бесшумно к стене они крались,
однако

Залаяла, запах почуяв, собака,

И, на понимание слов ее скор,
«Меж вами – султан!» – перевел
первый вор.

Но тут посчастливилось пятому
вору

На гладкой стене обнаружить
опору,

И всех переправил он в сад
прямиком

При помощи длинной веревки с
крюком.

Четвертый же вор, виртуоз

аромата,

Принюхавшись, понял, где
спрятано золото,

А третий проделал подкоп под
стеной,

И вот уже воры – пред царской
казной!

Вот именно здесь, возле цели
заветной,

Властитель и скрылся от них
незаметно:

Он выведал всё – их дома,
имена...

А утром – тревога: исчезла казна!

Тут хитрый Махмуд снарядил
свою стражу,

Чтоб всех, совершивших
полночную кражу,

Нашли – и в оковах к нему
привели.

И воры пред шахом простерлись в
пыли.

Взглянув на царя, вор второй –
ясноглазый –

В Махмуде ночного сообщника
сразу

Узнал – и воззрился на край
бороды

Султана, как будто просящий
воды –

На облако, иль на знаменье
Аллаха –

Пророк! И во взгляде том не было
страха:

Чего же бояться, когда приговор
Почти изречен?! И промолвил тот
вор:

«Сиятельный, будь с нами ласков,
как прежде,

Верни упование лишенным

надежды,

Скорей, о султан, потряси бородой

—

И наши грехи милосердьем
покрой!»

Лунное полотно

Под «сиянием луны» в данном случае подразумевается «вдвойне нереальная» сущность нашего мира (Луна сама светит отраженным сиянием Солнца, а ее свет на Земле – есть «отражение отражения»). Пробуждение («утром, чуть пробудится душа») в притче означает кончину, за которой последует осознание тщетности прожитой жизни у тех, кто не обрел реального мистического опыта. Подобные люди не могут быть наставниками на пути приближения к Богу и стяжания истинного Света.

Д. Щ.

Лунное полотно

Сей мир – базар, где мы обведены

Вкруг пальца: нам сияние Луны

Сбывают, как льняное полотно,
И в темноте нам нравится оно.

Лучи волшебник выдает за лён,
И до зари наш разум усыплен.

Ах, сколько денег – драгоценных
лет –
Мы отсчитали за обманный свет!

А утром, чуть пробудится душа, –
Где ж лён? И на ладони – ни
гроша!..

Ядущий и ядомый

Душа, целиком погружившаяся в материальные заботы и отождествившая себя с телесной субстанцией («ищущая и поглощающая пищу»), будет сама «съедена» вещественным миром, поскольку лишилась своей духовной основы, – таков смысл этой притчи.

Д. Щ.

Ядущий и ядомый

Едва лишь птица изловила мошку,
Ту птицу за крыло схватила
кошка.

Так два обеда меж собой совпали:
И птица ела, и ее съедали.

Кто сам себя считает веществом –
Всегда вкушает и всегда ядом!

Судьба

Владелец лавки в этой притче означает разум, спешащий осуществить свои намерения, исполнить свой земной долг («с утра спешивший»). «Нарядные жены» – чувственные желания – мешают ему «пройти», т. е. достичь своей цели, на что он горько сетует («вас слишком много»). Однако эмоции не зря созданы Богом: при их отсутствии теряется сам смысл человеческого существования («вас самих бы не было на свете»). Именно опираясь на сферу чувств, человек постепенно учится любви к Создателю, которая является главным предметом, преподаваемым в

школе земной жизни. На начальных этапах развития душа подготавливается к этой любви путем совершенствования эмоциональной сферы.

Д. Щ.

Судьба

Один купец, с утра спешивший в
лавку,
Попал внезапно в уличную давку.

Протискиваясь меж нарядных
жен,
Он был обильем их так раздражен,

Что крикнул: «Эй, очистите
дорогу,
Бабы! И без того вас слишком
много!»

Одна из женщин кротко отвечала:
«Ты не бранись, а рассуди
сначала,

Не для Адама ль первая жена

Была премудрым Богом создана?

Да и притом, когда б не жены эти,
То вас самих бы не было на
свете!...»

...Судьбою управляя, звездный
круг
Нам посылает столько бед и мук,

Что мы б не вынесли земных
скитаний,
Когда бы Бог не усладил
страданий

И в непроглядной тьме земной
тюрьмы
Не сделал так, чтоб радовались
мы!..

Два барабана

Притча образно противопоставляет духовные
возможности ортодоксального «обрядоверия» (мальчик,

наученный отцом барабанить, – символ духовной незрелости и слепого следования традиции) – и суфийских прозорливцев (могучая рать самого «султана», т. е. Бога, одерживающая «славные победы» в области духа). Присутствие войск султана вызывает у мальчика сильное раздражение: противники суфиев из числа мусульманских улемов (законников) нередко пытались возбудить простой народ против «еретиков», на что намекает барабанный «призыв» мальчика. Последний выбивается из сил, «чтоб не топтал верблюды отцово поле» (под «полем» подразумевается «насажденная» в народе ортодоксальная форма веры). Однако подобные усилия жалки и напрасны, ибо суфийское учение возвещает волю Самого Создателя («бьет в барабан» султана).

Д. Щ.

Два барабана

На отчем поле некий мальчуган
Стоял и бил в свой детский
барабан.

Дробь отбивал он гордо и упорно,
Чтоб птицы в поле не клевали
зерна.

А в этот день как раз
Махмуд-султан
Велел войскам идти на Индостан,

И вот близ поля выросли
нежданно
Бесчисленные полчища султана.

А возглавлял вооруженный люд
Бактрийский разукрашенный
верблюд:

На нем сидел, чтоб в битве
править станом,
Огромный тюрк с мощным
барабаном.

Узрев его, взъярился мальчуган
И стал все чаще бить в свой
барабан –

Он в этот стук вложил всю силу
воли,
Чтоб не топтал верблюды отцово

поле.

Тут некий воин крикнул: «Ты
упрям!

Не трать напрасно сил! Иль ты и
впрямь

Уверен, будто барабанчик твой
Мощней, чем барабан наш
боевой?...»

Суфий и его жена

Жена, изменяющая мужу, – образ души (сферы эмоций), «тайно» от духовно-разумного начала в человеке соединяющейся с низшими страстями. Последние олицетворяет «сосед-сапожник» (поскольку его ремесло – изготовление обуви, т. е. наиболее близкой к земле и поэтому «низшей» части «облачений» человека). Стараясь оправдать перед разумом свою «измену», душа пытается выдать ее за полезную и плодотворную деятельность – «сватовство» (таковы, например, старания ряда современных психоаналитиков представить моральную распущенность в качестве предпосылки для проявления высших человеческих

способностей; в этой связи можно вспомнить также оргиастические, тантрические и т. п. секты в разных религиях).

Д. Щ.

Суфий и его жена

Домой вернулся суфий в час
дневной,
Когда любовник был с его женой.

Не возвращался прежде он так
рано,
Да что-то весь последний месяц
странно

Вела себя жена – он замечал.
И, возвратясь, он в двери
постучал.

Сосед-сапожник в страхе
заметался:
Он ни на миг бы в доме не
остался,

Да как же скрыться? – Дверь всего
одна!

Металась и неверная жена:

Порой черпальщик, даже и
проворный,

Расколет свой кувшин на речке
горной...

Ах, на раздумья времени так
мало...

И тут она хватает покрывало

И накрывает с головы до пят
Любовника... Но даже беглый
взгляд

Верблюда распознает, хоть ковром
Его укрой... Впуская мужа в дом,

Она ему подмигивает: «В оба
Гляди: у нас тут знатная особа,

Ее ты лишним словом не задень!

Она явилась к нам в счастливый

день,

Пришла, чтобы устроить
сватовство –

Взять нашу дочь за сына своего!»

А муж: «Какой там брак? Какие
сваты?

Ведь мы не родовиты, не богатые.

Мы им не ровня. И не вправе медь
Своим супругом золото иметь!»

Жена в ответ: «Что ж, я ей
говорила,

Что нас богатством жизнь не
одарила,

Но не богатство – сватовства
причина:

Она пришла устроить счастье
сына,

А счастье в том, чтоб у него жена
Была честна, стыдлива и

скромна!»

Тут громко муж ответил: «Правда
в том,
Что тесен, пуст и неказист наш
дом,

Без тайн и тайников: все видно
сразу,
Секреты наши все доступны глазу.

У нашей госпожи мечта одна:
Невестка ей достойная нужна!

Чтоб в качествах невестки
убедиться,
Пусть наша гостья в мать ее
вглядится!

Мне ни к чему перечислять
заслуги
Своей стыдливой, преданной
супруги,

А свойства своей матери,

точь-в-точь,

Как правило, воспроизводит
дочь!...»

...От мужа гневного
жена-блудница

Пыталась хитрым словом
заслониться,

Но все слова – напраслина и бред,
Когда поступок громко вопиет!

Халиф Омар и вор

В этой притче лукавый *нафс* предстает в образе вора, а Божий суд над ним олицетворяет халиф Омар. Греховный эгоизм – врожденная и неотъемлемая черта *нафса*, и поэтому его ссылка на то, что он, якобы, «пал впервые», отвергается как неубедительная. Не спасает его и попытка переложить свою вину на «объективное» злое начало мироздания (Иблиса, т. е. дьявола).

Д. Щ.

Халиф Омар и вор

Однажды в краже уличен был вор,
И ждал его суровый приговор

Халифа справедливого – Омара.
Но хитрый вор, не усомнясь
нимало,

Что тот по доброте его простит,
Сказал: «Любого дьявол
обольстит, –

Я пал впервые, по вине Иблиса!»
А тот ему: «Но Божий гнев
излился

И на Адама, и его не спас
Тот факт, что согрешил он в
первый раз!..»

Совет врага

«Искренний враг» в данной притче – собственный
нафс человека: путем изучения его свойств («подай мне

совет») человек начинает осознавать смертельную опасность неограниченного своеволия («когда серый волк твое стадо пасет», т. е. эгоизм господствует над всеми чувствами и стремлениями). Желая одолеть враждебность *нафса*, суфий вступает на путь служения Богу («другу») и получает способность уже в земной жизни испытывать блаженство общения с Ним («в аду хорошо, как в раю»).

Д. Щ.

Совет врага

Просил некий муж: «О мой
добрый сосед,
Не знаю, как быть, ты подай мне
совет!»

А тот ему: «Я никогда не давал
Советов тому, с кем в душе
враждовал.

Признаюсь, что издавна я, как
змею,
К тебе неприязнь в своем сердце
таю.

Неужто же друга вблизи тебя нет,
Который бы дал тебе добрый
совет?

А я – не советчик: при тайной
вражде,
И взгляд мой недобр, и совет мой
– к беде.

Подумай, пребудет ли в целости
скот,
Когда серый волк твоё стадо
пасет?

Коль с другом ты жизнь
разделяешь свою,
Тебе и в аду хорошо, как в раю,

А если врага повстречает твой
взгляд,
То сразу и рай превращается в
ад...

Познав же любви высочайшую
суть,

К любимому ты безразличен не
будь.

Постигнув законы, что правят
людьми,
Всё другу отдай – у себя отними.

Тогда избежишь ты сомнений и
мук,
И в горе советом спасет тебя
друг!»

Ответил сосед: «Не поверю никак,
Что так говорящий – не друг мне,
а враг!

Ведь я узнаю из беседы с тобой,
Что скажет и другу отнюдь не
любой.

Честна твоя речь и исполнена
благ:
Чем друг-лицемер, лучше
искренний враг!»

Жемчужина

Отношения между султаном Махмудом Газневидом и его фаворитом Аязом символизируют в суфийской традиции отношения между Богом и преданным Ему суфием (являющимся, как и Аяз, одновременно и «другом Божьим», и «рабом», совмещая обе эти ступени служения). В отличие от корыстных придворных (образ лицемеров от веры), «любящих» султана лишь за плату, один только Аяз, движимый бескорыстной любовью, способен исполнить повеление своего господина. Драгоценная жемчужина символизирует удовольствия «мира сего», отказаться от которых («разбить жемчужину») под силу лишь подлинному адепту суфизма. Этой «жемчужиной» Бог испытывает верующих, проверяя, предпочтут ли они любовь к Нему – любви к земным благам.

Д. Щ.

Жемчужина

Однажды созвал царедворцев

Махмуд:

«Сегодня хочу вам представить на

суд

Жемчужину, коей гордится казна!
А ну-ка, визирь, какова ей цена?»

«Султан! За жемчужину эту твою
Я сорок мер золота сходу даю!» –

Ответил визирь. «Так разбей же
ее, –
Воскликнул султан. – Вот веленье
мое!»

«Разбить ее? Боже меня сохрани, –
Визирь побледнел. – Нет, уж
лучше казни!

Я вынес бы муку и вытерпел
пытку,
Но царской казне не нанес бы
убытка!»

Ответил султан: «Ты достоин
наград –
С плеча моего ты получишь халат!

Что ж, цену жемчужине вновь
назначайте!

Как ты ее ценишь, хранитель
печати?»

Придворный ответил: «Вот мнение
мое:

Полцарства не жалко отдать за
нее!»

Воскликнул султан: «Исполни
мой приказ:

Жемчужину эту брось оземь
тотчас!»

«Помилуй, владыка! Отыщешь ли
ты

Хотя бы подобье такой красоты?

Казни или милуй, но я никогда
Султанской казне не нанес бы
вреда!»

Хранителя тоже султан похвалил

И царским халатом его одарил...

Был каждый придворный опрошен
Махмудом,
И все восхищались невиданным
чудом:

Мол, лучше нам вовсе на свете не
жить,
Чем эту жемчужину взять и
разбить!..

...Махмуд, наконец, обратился к
Аязу:
«Ответствуй, мой друг, без
раздумий и сразу –

Жемчужине сей велика ли цена?»
А тот: «Мне, мой шах, неизвестна
она!»

«Что ж, – молвил правитель, –
тогда поскорей
Жемчужину эту об камень
разбей!»

Покорен был раб: он об каменный
пол
Жемчужину ценную вмиг
расколол!

И сразу такое вокруг началось!
Вельможи на юноше выместить
злость

Мечтали давно, и он слышал от
всех:

«Неверный! Ты казни достоин за
грех!»

«Ничуть не бывало, – ответил Аяз,
–

Дороже жемчужины царский
приказ!

Веленью царя непокорны вы
были,

Вы жемчуг царёва доверья
разбили!

А я расколол, как велит нам

Коран,

Кумира, который вводил вас в
обман!»

Тут в ужасе свора придворная вся
В пыли распростерлась, прощенья
прося.

Но молвил с презреньем султан
палачу:

«Всех выгони вон! Я их знать не
хочу!»

И тут за вельмож заступился Аяз:
«О шах милосердный! О свет
наших глаз!

Кто жемчуг веленьям твоим
предпочел,

Тот грешен, конечно. Но ты не
учел,

Что люди, которым ты грех не
вменял,

Всечасно прощал и за все извинял,

Из уст твоих слыша лишь мягкую
речь,
Способны и волей твоей
пренебречь!..»

...Лишь тот пред султаном во грех
не впадет,
Кто царскую волю покорно
блюдет!..

Скупец

Душа, лишенная любви и сострадания, не способная ни на какое доброе дело («твой дом – не то, твой дом – не это»), становитсяместилищем зла и ненависти, и в результате – пристанищем нечистых духов («нечистот») – таков смысл этой притчи.

Д. Щ.

Скупец

К скупому в дом вошел голодный:
«Мне бы

Огрызок сухаря иль корку хлеба!»

Тот смотрит на оборванного парня
И говорит ему: «Здесь не
пекарня!»

«А сыра не найдется ли кусок,
Чтоб я в дороге подкрепиться
мог?»

Тот вновь глядит презрительно на
парня

И отвечает: «Здесь не сыроварня!»

«Потребности мои невелики:
Не дашь ли мне хоть горсточку
муки?»

Скупой ему, нахмурясь: «Ты о
чем?

Не видишь – здесь не мельница, а
дом!»

«Ну, если нет еды, то, может быть,
Ты мне хотя бы вынесешь

попить?»

Скупой ответил: «Невиновен я,
Что по соседству даже нет ручья!»

Тут нищий стал развязывать
халат...

Скупой ему: «Ты что задумал,
брат?»

А тот: «Я сопоставил все ответы
Твои: твой дом – не то, твой дом –
не это,

И понял: в этом доме я найду
Лишь место – справить малую
нужду!...»

Воин и портной

Рассказ аллегорически описывает «состяжание» между разумом («тюркский воин») и *нафсом* («портной-вор»). Отвлекая разум различными удовольствиями («потекли слова, // Вкуснее меда, слаще, чем халва»), *нафс*

обворовывает человека, «урезая» его «одеяния» (отпущенное для земной жизни время). В конце концов, тюркский воин «проигрывает лошадь»: в образе лошади представлена «животная часть» человека – его физический организм, с помощью которого он одолевает земной путь. В данном случае потеря лошади означает, что разум не справился со своим предназначением, и человек прожил жизнь зря.

Д. Щ.

Воин и портной

Раз в некоем доме велся разговор,
Что, мол, любой портной – подлец
и вор:

Из них, мол, каждый норовит
украсть

Иль весь отрез, или хотя бы часть!

И тот, кто о портных повествовал,
К себе гостей вниманье приковал,

Заинтересовал седых и юных,
Словно певец, играющий на
струнах.

Один лишь гость – заезжий
тюркский воин –
Рассказом был весьма обеспокоен,

И он вопросом вдруг прервал
рассказ:

«А есть портные-воры и у вас?»

«О да, конечно, – подтвердил
рассказчик, –

Один такого ремесла образчик,

Скажу я Вам, весьма известен тут:
Швец-Надувала – так его зовут!»

Тут воин: «Уж меня воришка тот
Своими трюками не проведет,

Мне не грозят подобные убытки,
Он у меня не украдет и нитки!

Нет, уж меня ему не облапошить!
Бьюсь об заклад, свою я ставлю
лошадь:

Ему не сплутовать на этот раз!
Ну, что? Возьмет моя – так
лошадь с вас!»

Ему сказали: «Спор твой – не во
благо,
И не таких обманывал портняга!»

Но воин спора отменять не стал
И всю ту ночь ворочался – не
спал.

Чуть утро, он, атлас купивши
алый,
Уже стучался в лавку Надувалы.

А тот открыл – и потекли слова,
Вкуснее меда, слаще, чем халва:

Разговорить клиента швец
спешил,
Из мягких слов одежду речи шил,

Чтоб тюрок испытал к нему

доверие.

А посетитель развернул материю,

И говорит: «Вот мой тебе заказ –

Я по соседству приобрел атлас,

Возьми и сшей мне праздничный
мундир,

Чтоб я в нем на парады выходил.

Пусть сверху облегает потесней,

Чтоб я на людях выглядел
стройней,

А снизу он не должен облегать,

Чтоб мог в строю я широко
шагать!»

Портной же, поклонившись сорок
раз,

Сказал: «Я так исполню твой
заказ,

Что будешь ты всю жизнь
благодарить!»

И, не успел наш воин рта
раскрыть,

Как уж портной и мерил, и кроил,
И, не смолкая, быстро говорил.

И расцветали на его губах
Присловья о царях и о рабах,

А сколько он о щедрых и о
жадных

Поведал притч – забавных и
отрадных!

Загадки, басни шли гуртом. Да что́
там –

Он сыпал анекдот за анекдотом.

И вскоре с радостью увидел он:
Его клиент до колик доведен –

Пал тюрок на ковер, подняться
силясь,

От смеха веки узкие прикрылись!

А хитрый швец затем ведь и
шутил:

Он вмиг кусок отреза отхватил –

И, спрятав под ковер, стал дальше
шить

И вновь клиента байками
смешить.

И тюрок, о мундире позабыв,
Весь смехом исходил, ни мертв ни
жив!

Не помня о закладе и о споре,
Он в хохоте купался, словно в
море:

«Рассказывай, давай же!» – А
шутник,

Опять же уловив удобный миг,

Кусок атласа отхватил, как
прежде,

И незаметно спрятал под одеждой,

–

И вновь шутил, вновь жару
поддавал!

А гость глаза от смеха закрывал:

Ведь он не замечал, как с каждым
часом

Все тает ширина его атласа.

От смеха еле открывая рот,
Выпрашивал он новый анекдот!

Но вот портной увидел, что
осталась

От купленной материи лишь
малость.

Тогда он к тюрку жалость ощутил
И сам клиента тешить прекратил:

«Еще б я посмешил тебя часок –
И сам смотри: оставшийся кусок

Тебе бы не сумел прикрыть и
чресел.

Подумай, то-то был бы смех твой
весел!

Хоть забавлять тебя и был я рад,
Но проиграл ты лошадь – свой
заклад!..»

...Скажу я напоследок в
назиданье:

Излишний смех порой ведет к
рыданью!

Спор супругов

Здесь, как и в ряде других притч Руми, «муж» – сфера разума, а «жена» – область чувств. Согласие между ними может наступить только в случае господства мысли над эмоциями и страстями, обуздания их. Для выполнения этой задачи человек порой вынужден прибегать к аскетизму («...от холстины, жесткой как броня, // Вся кожа задубела у меня!»). Если же чувства выйдут из-под контроля разума, то «супругов» ожидает разлад («развод»).

Д. Щ.

Спор супругов

Жена на мужа своего сердилась:
«Гляди, моя одежда прохудилась!

Ах, до какой дошла я нищеты!
Меня совсем не уважаешь ты».

Муж отвечал: «Жена моя, ну что
ты!

Ведь целый день я погружен в
заботы,

Как хлеб насущный для тебя
добыть,

Чтобы тебе всегда довольной
быть!»

А та ему: «Да, хлеб ты добываешь,
Но ты меня так бедно одеваешь,

Что от холстины, жесткой как
броня,

Вся кожа задубела у меня!»

Супруг в ответ: «Жена, моя
кошелка
Бедна – в ней нет ни бархата, ни
шелка.

Но лучше холст, что кожу больно
трет,
Чем злая ссора – и за ней
развод!..»

Сторож и пьяница

«Сторож» в данной притче – это разум (акл), охраняющий «квартал» – внутренний мир человека. Он гневается на животную душу – *нафс* («пьяного»): закон шариата запрещает опьянение, и мусульманин, застигнутый в публичном месте в пьяном виде, может быть подвергнут тюремному заключению. Но опьяненный страстями *нафс* наслаждается своим состоянием; между ним и разумом не прекращается внутренняя борьба («перебранка»). Причина в том, что *нафс*, в отличие от более высоких уровней души, не имеет надежды на вечную жизнь. Поэтому он старается получить максимум удовольствий от земного бытия и сожалеет о временном его характере (слова «когда б имел

я... дом» намекают на то, что *нафс* не обладает «постоянным жилищем»). Поэтому состязание между ним и разумом безрезультатно («застряв... как мул в трясине»). Суфизм предлагает другие способы усмирения эгоизма, которые основаны не на рациональном воздействии, а на мистической практике.

Д. Ш.

Сторож и пьяница

Раз ночью сторож обходил
квартал
И под стеной пьянчужку увидал.

«Эй, просыпайся! – Крикнул он
ему. –

Да объяснись, не то сведу в
тюрьму!»

А тот в ответ: «Иди, куда и шел,
Мне без тебя так было хорошо!»

«Ответь, что́ пил, не то пойдешь
под суд!»

«Я выпил то, чем полон был

сосуд!»

«Скажи, а чем сосуд твой полон
был?»

«Что было в нем, как раз я то и
пил!»

«Так что ж ты пил? Ответь без
лишних слов!»

«То, чем сосуд был полон до
краев!»

И сторож, в перебранке той
напрасной

Застряв, как мул в трясине
непролазной,

Вскричал: «Свинья! Напился ты
вчера,

Покайся!» А хмельной в ответ:
«Ура!»

«Ты что же, вздумал надо мной
глумиться?!

Ну, подожди, вот посидишь в

темнице!»

А пьяный: «Ну, сказал бы сразу
кратко,
Что, мол, отпустишь, если дам я
взятку.

Я б дал ее, отделаться спеша,
Да только жаль – в кармане ни
гроша.

И, если бы не пьяная истома,
Я встал бы и давно дошел до дома,

А там, как царь, забылся б
крепким сном,
Когда б имел я этот самый дом!..»

Верблюд, баран и вол

Баран, как и вол, старается «теологически» обосновать свое первенство. В притче приводятся две традиционные точки отсчета истории человечества: от Авраама – «духовного праотца», проповедника монотеизма (согласно

мусульманскому преданию, Авраам собирался принести в жертву своего сына Исмаила, согласно же Библии – Исаака), и от Адама – физического предка всех людей. Пока баран и вол спорят, верблюд поедает сено, и им ничего не достается. Самое высокое ростом животное, привычное к тяготам пустыни («аскет»), символизирует суфия, «вкушающего» духовный опыт («Я несколько ближе к святым небесам»), в то время как богословы-рационалисты только спорят о нем, не имея доступа к высшим уровням бытия.

Д. Щ.

Верблюд, баран и вол

Шли вместе барашек, верблюд и
бычок,

Нашли на обочине сена клочок,

И молвил баран: «Коль поделим
на всех,

Что каждому выйдет? Не доля, а
смех!

Так пусть это сено жует на
здоровье,

Кто старше других, чье древней

родословье:

Ведь тех, кому много исполнилось
лет,
Нам чтить приказал сам Пророк
Мухаммед!

Одно несомненно: я всех вас
древней!

Ведь я еще помню события тех
дней,

Когда младший брат мой на
жертвенник был
Возложен, и спасся святой
Измаил!»

Ответил бычок: «О мой младший
собрат,
Ты мне старшинство уступить
будешь рад,

Узнав, что я вместе с волом
отдыхал,
На коем Адам свое поле пахал!»

Вдруг оба замолкли – и видят:
верблюды
Молчит, а уста его сено жуют!

И молвил он им, до конца
дожевывая:

«Я очень высок, и поэтому прав!

Я сверху взираю: отсюда видней,
Что я вас длинней, потому и
древней!

Я несколько ближе к святым
небесам,

А значит, и вас много старше я
сам:

Ведь ясно, что небо древнее
земли;

Вы счесть его лет никогда б не
смогли!...»

Мусульманин и зороастриец

В то время как зороастриец (последователь религии, признающей проявление в мире двух борющихся начал – Света и Тьмы) уповает на то, что Бог научит его правильному пути, мусульманин пытается навязать ему свой образ верований и обвиняет его в одержимости злым духом («дьявол в твоём сердце поселился»). Ответ огнепоклонника исполнен сарказма: исходя из утверждений своего оппонента, он доказывает тщетность усилий последнего. Притча учит, во-первых, религиозной терпимости, а во-вторых, умению общаться с человеком, принимая во внимание его собственные убеждения и взгляды.

Д. Щ.

Мусульманин и зороастриец

Изрек мулла, узрев зороастрийца:

«Ты должен в мусульманство
обратиться!»

А гебр в ответ: «Мой друг, один

Аллах

Способен веру пробуждать в
сердцах!»

А тот: «У Бога милость и
прощенье,
Он твоего желает обращенья,

Но, видно, оттого с пути ты
сбился,
Что дьявол в твоём сердце
поселился!»

Тут гебр ему: «Так что ж, они
дерутся
Между собой?! Пусть прежде
разберутся,

Кто более могуществом велик, —
И покорюсь ему я в тот же миг!»

Мулла вскричал: «Сильнее всех —
Аллах!»

А гебр: «Большой резон в твоих
словах!

Но, если б я Аллаху нужен был, —
То Он бы Дух Свой в сердце мне
вложил!..»

Шах и законник

Шах в этой притче символизирует Бога, а опьяневший ревнитель закона – религиозного рационалиста, «хлебнувшего из чаши экстаза» и ставшего мистиком-суфием. Соитие со служанкой шаха – в глазах трезвого законника деяние абсолютно недозволенное – пьяному судье прощается. Оно символизирует соединение с вышней, сокрытой, мудростью, доступное лишь мистiku в особом состоянии близости к Богу (такой же интерпретации подвергается в суфизме кораническое представление о «райских гуриях»). Гнев Божий («шах же...приказал судью сковать») сменяется Его милостью по отношению к законнику, «опьяневшему» от любви и познавшему вышнюю мудрость: «Ты... погасил мой царский гнев».

Д. Щ.

Шах и законник

Шах, гостями окруженный, выпил
крепкого винца,
И глядит – идет законник мимо
царского дворца.

Шах призвал его в собрание и
вскричал в чаду хмельном:

«Кравчий! Знатока закона напои
скорей вином!»

Покраснев, судья на чашу бросил
гневный, злобный взгляд:

«Пить вино в застолье вашем? Я
бы лучше выпил яд!

Винопитье, как нечестье,
запрещает нам Коран,

Я ж – блюститель благочестья, и с
рождения не был пьян!»

Шах, внимая речи гордой,
рассердился на судью:

«Властелина слово твердо,
растопчу я спесь твою!

Ведь пушу я в ход удары, и
перечить мне не смей:

Коль боишься царской кары, пей,
и пей, и снова пей!»

В тот же миг судья смирился:
чтобы шаха не гневить,

Он приказу покорился, стал он
пить и снова пить,

В нем вино огнем горело и текло
по бороде...

Стал он громко петь, но вскоре
встал и вышел по нужде.

Чуть из шахской он светлицы
удалился в полутьму,

Как нарядная девица
повстречалась вдруг ему:

И любви хмельная сила, страсти
огненной игла

Вмиг его воспламенила, дух и
плоть его прожгла.

Тут земных желаний зовы
перестали в нем дремать,

И наложницу цареву стал он
крепко обнимать,

И, хотя она кричала, отбивалась,
как могла,

Но ее насквозь пронзала страсти
огненной игла...

...Ведь к мужчине в неге
страстной, словно тесто, дева льнет,
Он же стан ее прекрасный то
растянет, то сомнет,

Будто пекаря изделие, покоряется
она,
Чтоб достигли общей цели муж и
гибкая жена.

Примешает пекарь влаги и на вкус
добавит соль –

И сольются в высшем благе ритмы
мыслей, чувств и воля...

...Хлóпок девы мигом вспыхнул,
чуть судья огонь поднес,
Всякий звук для них затихнул,
кроме вскриков, стонов, слез.

Если сердце веселится – разум не
идет в расчет:

Голову отрубишь птице – птица
крыльями забьет.

Им утеха и приволье: все
приличия – в былом,

Позабыто вмиг застолье и
вельможи за столом.

Не до шахского им сана: милуй,
жалуй иль казни, –

Ни Хусейна, ни Хасана не
заметили б они...

...Шах спросил, беспокоясь: «Где
ж законник, наш собрат?»,

И отправился на поиск – и узрел
прямой разврат!

Тут судья, от страсти жаркой
грозным криком отвлечен,

Вновь отправился за чаркой: я,
мол, здесь и ни при чем!

Шах же, мрачен и разгневан,
приказал судью сковать,
Чтоб не смел к гаремным девам в
темном месте приставать.

Но судья, беду почуя, крикнул:
«Кравчий, дай вина,
Напоить царя хочу я – пусть
напьется допьяна!

В нем вино погасит ярость и с
чела прогонит тьму,
Чтоб, как мне, заулыбалась
радость светлая ему!»

Шах в ответ: «Ты словом метким
погасил мой царский гнев.

Что ж, гордись подарком редким –
этой лучшею из дев!»

Плод жизни

Притча указывает на ту цель, ради которой бессмертная

человеческая душа связана с телом и окружающим вещественным миром. Эта связь («прикрепленность» плода к ветви) существует ради духовного роста и созревания самой души; когда же цель достигнута – душа покидает телесный мир (плод срывается с дерева).

Д. Щ.

Плод жизни

Наш мир подобен дереву: он дает
Жизнь человека – свой конечный
плод.

Неспелый плод живет, как ветки
часть,
И не боится наземь он упасть.

А сочный плод, налившийся и
спелый,
Качаясь, смотрит вниз оторопело:

То ль путник, проходя, его сорвет,
То ль с ветки сам сорвется он
ВОТ-ВОТ.

И если человек вполне созрел,
То, значит, близок дней земных
предел.

VII. Методы преподавания

Самыми различными, порой совершенно неожиданными и парадоксальными, «приемами обучения» пользуется

Творец, чтобы воздействовать на людей. Здесь приведены образцы таких методов.

Изгнание змеи

Эмир, сидящий на коне и видящий «с высоты» происходящее, символизирует суфийского учителя – *муришда*, а спящий – ученика-*мюрида*, погруженного в духовный сон (приравниваемый мудрецами к смерти). Он слеп и глух по отношению к подстерегающим его опасностям, поэтому учитель вынужден порой прибегать к суровым средствам, дабы избавить своего подопечного от смертельного яда его собственной эгоистической природы (*нафса*).

Д. Щ.

Изгнание змеи

Раз в полдень под яблоней спящий
лежал,

А мимо эмир на коне проезжал.

Вдруг видит: блеснула в лучах
чешуя –

То спящему в рот заползала змея.

Мгновенье – и вот целиком
заползла!

К бедняге эмир подлетел, как
стрела,

И плеткою хватить изо всех его сил!
Ошпаренный болью, несчастный
вскочил,

Пытался бежать, а мучитель – за
ним,

И сыплет удары, один за одним:

«Плоды под ногами! Давай же,
давай –

Гнилыми плодами живот
набивай!»

Когда же наелся тот яблочк гнилых,
То стая ударов и окриков злых

Опять налетела, к болоту гоня:
«Напьешься ты тухлой воды у
меня!»

«Помилуй, за что?! – Бедолага
вскричал. –

В проклятый же час я тебя
повстречал!

Ведь даже поклонники ложных
богов

Не мучают так своих кровных
врагов!

Продай меня в рабство иль сразу
убей,

Но не издевайся и больше не бей!»

А тот его – плетью три раза
подряд:
«Пей тухлую воду, тебе говорят!»

Он пил из болота опять и опять,
И вот его стало безудержно рвать,

И вместе с плодами, что прежде
жевал,
Бедняга змею наконец изблевал!

Тут понял он всё, как змею
увидал,
И ноги эмиру лобзал, и рыдал:

«Твои да продлятся пресветлые
дни!

За грубое слово меня не вини:

Ведь ты для меня – как посланник
Творца,
И стал ты мне ближе родного
отца.

Свист плети твоей и донныне в
ушах...

Прости, что ревел я, как глупый
ишак:

Хозяин ему наминает бока,
Чтоб с тропки опасной вернуть
ишака...

Но что же ты мне не сказал про
змею?

Тогда бы я понял заботу твою,

Приказам твоим не противился б
я,

Но сразу познал бы всю пользу
битья!»

«Когда б рассказал я тебе про
змею,

То так ужаснул бы я душу твою,

Что ты потерял бы сознание, а яд
Не дал бы ему возвратиться
назад!..»

...Ты притчу услышал? Так помни
же впредь:
От смерти спасает нас мудрого
плеть,

Меж тем как дурак добротою
своей
Нас ввергнет в пучину несчетных
скорбей!

Названия винограда

Здесь в образе людей четырех национальностей представлены приверженцы различных религий (возможно, четырех наиболее распространенных в пространстве мусульманского Средневековья – Ислама, Христианства, Иудейства и Зороастризма), которые расходятся в терминологии, догматике и ритуале, постоянно вступая на этой почве в конфликты. Между тем их последователей объединяет общая цель – желание «вкусить виноград», что в суфийской символике означает опытное Богопознание, прямой экстатический контакт со Всевышним (ср. в Библии: «Вкусите, и увидите, как благ Господь!..» – Пс. 33, 9).

Только тот, «кто мыслью прозорлив и делом скор», т. е. мудрец, понимающий различие путей и единство целей разных религий, может принести «неучам» примирение, чтобы между ними «вмиг закончилась война».

Д. Щ.

Заметим, что вначале четверо людей «друзьями оставались», т. е. были взаимно расположены и единомысленны. Далее мы, однако, наблюдаем парадоксальную ситуацию: «прибавление благ» (врученная монетка) вызывает не общую благодарность и радость, но... раздор! Этот раздор возбуждается эгоистическим намерением каждого исполнить именно свое желание – не считаясь с желаниями других. Будь состояние путников более альтруистичным, они бы с самого начала старались угодить друг другу, и раздора бы не возникло. Ссора на пути, таким образом, – прямое следствие их внутреннего состояния. В приведенных строфах мы можем найти ответ на настойчивое вопрошание многих: «Почему так трудно живется людям, отчего так скупно отпускаются свыше те блага, которые Создатель мог бы посылать в избытке?» Ответ таков: люди еще отнюдь не готовы использовать ниспосылаемые им дары для умножения добра. Возможно, здесь же находится и объяснение тому, что после грехопадения первая человеческая чета была изгнана из рая

(мира полного изобилия) в мир, где хлеб добывается «в поте лица», а путь усеян «терниями и волчцами».

М. Х.

Названия винограда

Слова различны – суть у них одна,
Но словом вызывается война.

Разноязыкая способна речь
И меж друзьями ненависть
разжечь.

Грек и иранец, тюрок и араб
Друзьями оставались бы, когда б

Прохожий им монетку не вручил,
И этим их сердец не разлучил.

«Ну что ж, друзья, – иранец всем
сказал, –
Хочу ангур! Пойдемте на базар!»

Араб в ответ: «Ангура – не
терплю!»

Давайте, я на всех айнаб куплю!»

А тюрк: «Что? Какой айнаб?
Зачем?

Уж лучше я тогда узум поем!»

А грек: «Ну вы, собранье
простофиль!

Кончайте свару – поедим
стафиль!»

Вот так друзья, не вникнув, что и
как,

Доходят до раздоров и до драк.

Из них был каждый разуменьем
слаб:

Слова «ангур», «узум», «стафиль»,
«айнаб» –

Суть просто винограда имена,
Но меж друзьями вспыхнула
война!

Ведь неуч не желает понимать –

Ему бы кости ближнему ломать...

О, если б тот вмешался в злобный
спор,
Кто мыслью прозорлив и делом
скор! –

Он бы сказал: «Монету дайте мне,
Поверьте моей честной седине:

Я вам с базара принесу сейчас
То, что желанно каждому из вас,

Всем четверым доставлю то одно,
Что примирить друг с другом вас
должно!»

Тогда бы вмиг закончилась война:
Слова различны – суть у них одна,

Но может только истинный
мудрец
Нелепым спорам положить конец!

Осел и репейник

Здесь содержится намек на умение *шейхарезким*, неожиданным и порой жестким вмешательством в жизнь *мюрида* освободить последнего от тяжелых внутренних состояний и душевных страданий. Подобная практика («упреки-укоризны») применялась и в других системах духовного обучения, в том числе в дзэн-буддизме. В притче можно усмотреть также и намек на благодарность, воздаваемую суфием своему учителю: ведь посредством наказания Сам Бог исцеляет и совершенствует человеческую душу (ср. слова апостола Павла: «Всякое наказание в настоящее время кажется не радостью, а печалью; но после наученным через него доставляет мирный плод праведности» – Евр. 12, 11).

Д. Щ.

Смысл наказания («удара ногой») в суфийской педагогике состоит в том, что оно освобождает от бóльших страданий, исцеляет пороки. Во время наказания ученик избавляется от «шипа» – будь то внутренний изъян, склонность к злу или страдание невежественной души. Полная противоположность суфийскому подходу – взгляд на наказание как на способ избавить общество от нежелательных проявлений человеческой самости, притом

без оглядки на человека как такового.

М. Х.

Осел и репейник

Один осел почувствовал укол,
В репье гуляя. Стал он буен, зол,

Но, сколько ни лягался, ни
брыкался, —

А шип все глубже в зад ему
втыкался.

Всем надоев, ревел он час-другой.
Вдруг кто-то дал ему под зад
ногой,

И этим, как целитель наилучший,
От кожи отодрал репей
колючий...

...Так иногда упреки-укоризны
Способны вернуть нам радость
жизни!

Мышь и верблюд

Притча является иносказанием о взаимоотношениях между мудрецами-суфиями и светскими правителями. Переносящий тяготы странствий по пустыне и довольствующийся малым верблюд – символ мудреца, а ничтожная, но раздувающаяся от спеси мышь, – надменного властелина. Мышь, захватившая часть уздечки, считает, что теперь она возымела над верблюдом власть, может им распоряжаться... Однако при первых же затруднениях в управлении государством («но тут перед ними возникла вода») именно мудрецы своими советами спасают правителей («залезай и на горб мой садись»), являя этим истинную высоту своего духовного положения. Другой аспект притчи – вразумление, даваемое наставником возгордившемуся ученику.

Д. Щ.

Духовные различия между людьми, не видимые глазом, несравненно более выражены, нежели физические. Так, размерами тела один человек не может в сотни, тысячи раз превосходить другого, а на уровне духовном это вполне возможно. Кроме того, как учит данная притча, внутренний облик одного человека («верблюд») может разительно

отличаться от другого («мышь»), в то время как внешне все люди, в основных чертах, похожи. Не случайно как в Библии, так и в Коране некоторые персонажи сравниваются с животными (львами, змеями, агнцами и т. п.). В Священных Писаниях духовное величие посланников Божьих порой изображается очень образно и наглядно (ср. слова Моисея в Торе: «...Разве я носил во чреве весь народ сей, и разве я родил его, что Ты говоришь мне: неси его на руках твоих, как нянька носит ребенка» – Числ. 11, 12). «Гиганты духа» и «карлики духа», конечно же, живут по разным законам («Здесь мало воды, чтоб тебя окропить, // Но хватит ее, чтоб меня утопить!»): их дарования, цели, возможности несопоставимы, как у героев данной притчи.

М. Х.

Мышь и верблюд

Сумела раз мышь откусить и
украсть
Верблюжьей уздечки короткую
часть.

Верблюд вслед за мышкой
отправился в путь,
Чтоб этот кусочек уздечки

вернуть.

«Верблюда я саном и разумом
выше! –

Пришло тут на ум возгордившейся
мышь.–

Он мне покорился теперь
навсегда!»

Но тут перед ними возникла вода.

«Чтоб цели достигнуть, не ждут, а
идут», –

Сказал поспешавший за мышкой
верблюд.

А мышь: «Уж идти, так идти, я не
спорю,

Но как же пройти по безбрежному
морю?»

Верблюд отвечает: «Вода не
страшна,

Всего по колено ее глубина!»

А мышь: «У тебя не колено – утес,
Мое же колено – совсем с гулькин
нос.

Здесь мало воды, чтоб тебя
окропить,
Но хватит ее, чтоб меня утопить!»

А тот: «Почему же тогда твоя
милость
Недавно еще надо мной
возносилась?

Иль думаешь, это и вправду
красиво –
В общенье со старшим держаться
спесиво?»

Покаялась мышка: «Ты спесь мне
прости!

Лишь ты в состоянии перенести
Меня через это ужасное море,
Чтоб в нем не хлебнуть мне
смертельного горя!»

А тот: «Залезай и на горб мой
садись,
Да впредь никогда ни пред кем не
гордись!

Пойми – я ведь мог бы носить на
горбе
И сотни малюток, подобных
тебе!»

Суфии и порожняя сума

На первый взгляд, притча содержит насмешку над лжесуфиями, поклоняющимися одной лишь видимости, внешней форме явлений. В таком случае под «порожней сумой» можно разумеать шарлатана, выдающего себя за духовного наставника. Но парадоксальность притчи – в том, что ее можно истолковать и прямо противоположным образом. Ведь она учит, что всякая внешняя форма и видимое действие для познавших Истину – только предлог для обращения к невидимой сути мира, намек на Высшую Реальность, недоступную для профана. Последний («прохожий») критикует суфиев за их действия, подобно

тому, как и последователей самого Руми мусульманские ортодоксы порицали за практику экстатических танцев – суфийских «радений», которую считали «бессмысленной» или даже «безнравственной». «Порожня сума» служит символом отказа от земных благ, того бескорыстного отношения к жизни, которым отмечены истинные суфии. Кроме того, восхваление «пустоты» этой сумы намекает на поклонение невидимому, неведущему Началу бытия – «Другу».

Д. Щ.

Суфии и порожняя сума

Собрание суфиев, в здоровом уме,
Хвалу воздавало порожней суме.

Один из аскетов восславил суму,
А прочие все подпевали ему:

«Пустая сума, о предел наших
грез,

Ты нас довела до экстаза, до слез!

Ты вождь наш в пути, ты
предстала нам ныне

Спасеньем от жадности и от
гордыни!

От страсти земной ты людей
исцеляешь,
Аскетов желания ты утоляешь!»

Прохожий, услышав такие слова,
Спросил: «Да в порядке ль у вас
голова?

А если вы здоровы, никак не пойму,
Зачем восхвалять вам пустую
суму?!»

В ответ с сожалением суфий
сказал:

«Ты видишь лишь то, что
доступно глазам.

Убогому духом дано ощутить
Лишь то, что возможно рукою
схватить.

О ты, без причины впадающий в

раж!

Своею дорогой иди: ты не наш.

От Друга любимого друг отделен,
Но видит его, если вправду
влюблен!»

Молитва за злых

Здесь описан известный в суфизме метод доказательства от противного, или обучения на отрицательных примерах. Кроме того, притча говорит о необходимости молиться за нечестивых, чтобы те покались и были прощены. Пример такой молитвы дал праотец Авраам (в Исламе – Ибрахим), молясь за грешных жителей Содома (Быт. 18, 23–32). В Коране об Ибрахиме и содомлянах («народе Лута», т. е. библейского Лота – племянника Авраама, жившего в Содоме) сказано так: «...Он вступил с Нами в спор о народе Лута, ибо Ибрахим – кроткий, отзывчивый, сожалеющий...» (Коран 11, 74–75). У Саади есть рассказ о дервише, который молился так: «Господи, будь милостив к дурным, а к добрым Ты милостив уже тем, что сотворил их добрыми!» (Гулистан, глава «О правилах общения», пер. Рустама Алиева).

Д. Щ.

Притча указывает на то, что даже из зла можно извлекать добро: в данном случае – учиться на примерах злодеев тому, как не надо поступать... Смысл этой притчи приложим и к одной из злободневных проблем современной педагогики. В настоящее время появилось много элитарных учебных заведений, в которых ученики составляют в том или ином смысле «рафинированное» сообщество. В результате воспитанники таких заведений лишаются возможности учиться на отрицательных примерах и оказываются в дальнейшем менее приспособленными к реальной жизни, чем их сверстники, не пережившие в годы учебы элитного «отделения пшеницы от плевел».

М. Х.

Молитва за злых

В мечети уважаемый мулла
За тех молился, чьи черны дела:

«Молюсь о том, чтоб
милосердный Бог
К мошеннику и вору не был строг,

К тому, кто любит зло, нечист и
лжив,

К тому, кто оскверняет жен
чужих!»

Сказали посетители мечети:
«Как странно слышать нам
молитвы эти!

Обычно лишь за тех Аллаха
просят,

Кто свет и благо ближнему
приносит!»

Мулла в ответ: «Мне вам сказать
пора –

Я в юности не шел путем добра,

И образцами рассказней пустых
Казались мне деяния святых.

Но видя, сколько бед творимо
злыми,

Расстался я с проступками
былыми:

Лишь мерзость совершаемого зла
Мне возвратиться к благу
помогла.

И я за тех молюсь, чьей злобы
сила
Во мне огонь греховный погасила.

Коль слово друга мимо пролетит –
Пример врага к добру нас
обратит!»

Кусочек сала

Уста – символ речи. В лице героя притчи выведен человек, у которого слова веры – лишь на устах («мазал губы»), но не в сердце, не «внутри» («меж тем живот его страдал немало»). Чтобы встать на путь истины, ему надлежит раскаяться в своей лицемерии – тогда он получит прощение свыше, и внешнее в нем придет в согласие с внутренним: «И, вместе с насыщением живота, // К нему вернулась правда на уста».

Д. Щ.

Кусочек сала

Один бедняк довольствовался
малым,
Но постоянно мазал губы салом,

И, вытирая их, везде твердил:
«Ах, видно, сам себе я навредил!

А мне бы, между прочим, не
мешало
Быть сдержанней и есть поменьше
сала!»

Так вновь и вновь брала его рука
Одну и ту же корку курдюка

И ею рот обильно натирала.
Меж тем живот его страдал
немало,

Шепча: «Когда б хозяин мой
молчал,
Его б сосед богатый привечал

И приглашал бы может быть на
ужин, –

Он, иль другой, с кем мой хозяин
дружен.

Неужто похвальбою животы
Питаются, когда они пусты?!

Зачем здоровым слыть, когда ты
болен?»

Итак, живот был крайне
недоволен...

А тут и кот голодный втихомолку
Прокрался в дом – и утащил ту
корку,

Которой бедолага губы мазал.
И тут пустился сын его чумазый

Вслед за котом: «Отдай,
проклятый кот!

Отец мой этим салом мажет рот!»

Итак, обман при всех
разоблачился,
Чему герой наш крайне огорчился,

Но с той поры уже не делал вид,
Как будто он всегда чрезмерно
сыт.

И, хоть над ним соседи и
смеялись,
Но только Бога и они боялись,

И, боле склонные к добру, чем к
злу,
Соседа стали приглашать к столу.

И, вместе с насыщением живота,
К нему вернулась правда на
уста...

...И ты отбрось обман, отвергни
ложь —

И тем свои мученья уничтожь!

Изумление

Притча противопоставляет парадоксальность мистического познания – рациональному опыту: суфийский наставник («цирюльник») обладает способностью внезапно явить своему ученику единство бытия, как бы устраняя разделение реальности на «белое и черное», «добро и зло» («отрезать бороду»). В то же время, удаление бороды намекает на избавление от прежнего, «ветхого», образа жизни, на внутреннее обновление адепта.

Д. Щ.

Изумление

Цирюльника клиент полуседой
Просил: «Займись моею бородой,

Чтоб из нее исчезла седина,
И чтобы стала вновь она черна:

Ведь я жену сосватал молодую,
И завтра свадьба – речь к тому
веду я!»

И тут цирюльник, крайне удивясь,

С реальностью на миг утратил
связь –

И, ножницы направив, прямым
Всю бороду отрезал целиком

И в руки посетителю вложил:
«Ты цель свою так странно
изложил,

Что сам теперь мозгами шевели –
На белое и черное дели!..»

Пощечина

Как и в предыдущей притче, внезапность мистического постижения ввергает ученика в изумление, прерывает прежний ход его мыслей, основанный на логических умозаключениях («я вовсе с толку сбит»). Для достижения подобного эффекта *шейх* («встречный человек») порой прибегает к особым способам обращения с посвящаемым, которые сходны по методике с практикой дзэн-буддизма.

Д. Щ.

Пощечина

...А вот рассказ, как встречный
человек

Однажды Зайда в изумленье вверг:

Он Зайду по щеке с размаху дал,
А тот, готовясь отразить удар,

Вдруг слышит: «Друг! От щек,
или от рук

Пощечины берут свой звонкий
звук?»

Ответил Зайд: «Я вовсе с толку
сбит,

Свело дыханье, и в глазах рябит,

И менее всего я озабочен

Твоими мыслями насчет
пощечин!»

Побой

В образе хозяина представлен *шейх* (который является «хозяином положения», поскольку владеет тайнами обучения суфийской науке). Под видом сироты выведен *мюрид*, целиком зависящий от учителя, согласно изречению: «*Мюрид* в руках своего *шейха*да уподобится трупу в руках обмывальщика трупов» (т. е. во-первых, да будет целиком покорен, а во-вторых, пусть постоянно осознает, что его учитель – человек духовно живой, сам же он еще «мертв» для Истины). *Шейх* нередко вынужден прибегать к суровым воспитательным мерам, чтобы исправить те черты характера *мюрیدا*, которые несовместимы с дальнейшим духовным ростом: «...Не ставь мне в вину // Побои мои: я секу сатану». Учитель заботится об исцелении души своего подопечного так же, как мать заботилась бы о его телесном здоровье: «Я с ним поступаю не хуже, чем мать».

Д. Щ.

Побои

Хозяин сек розгой слугу-сироту.
Прохожий, расправу увидевший
ту,

Воскликнул: «Ужель не боишься
ты Бога,

С мальчишкой-служгой обращаясь
так строго?»

Ответил хозяин: «Не ставь мне в
вину

Побои мои: я секу сатану,

Который упорно засел в этом
малом

И жалит меня непокорности
жалом.

И должен бы мальчик уже
понимать:

Я с ним поступаю не хуже, чем
мать,

Чьи розги целительны, а не
жестоки,

Поскольку не сына секут, а
пороки!»

Дикобраз

Угроза жизни («удар») вызывает у дикобраза рост защитного жирового слоя («Чем больше этот зверь бывает бит, // Тем он приобретает лучший вид»). Символически это соответствует умножению веры и смирения у верующих в периоды гонений и страданий. Яркий пример тому – пророки Божьи, о преследовании которых повествуют Библия и Коран. В этой короткой притче Руми как бы суммирует свои взгляды на роль «внешнего» зла в совершенствовании человеческой души.

Д. Щ.

Дикобраз

От пилигримов слышал я не раз
О звере по прозванию дикобраз:

Чем больше этот зверь бывает бит,
Тем он приобретает лучший вид,

Тем здоровее он. Итак, удар –
Для дикобраза наилучший дар!

А наши души – каковы они?
Не дикобразу ль странному
сродни?

Лишь обретая пользу от битья,
Они идут к вершинам бытия:

Так, принимая муки от людей,
Пророки становились всё святей.

И вновь дано страдать нам и
болеть,
Чтоб новые ступени одолеть...

Осел и кони

Притча иллюстрирует бессилие человеческого разума в выборе наиболее предпочтительного образа жизни. Осел (изображающий, как и в других притчах, недалекого и нестойкого в вере человека) перестает роптать, как только видит плачевную судьбу тех, кому до этого завидовал. Человек, по мысли Руми, должен быть довольным и благодарным, полагаясь во всем на волю Создателя.

Д. Щ.

Осел и кони

В арбу запряжен, на судьбу свою
зол,
Служил водовозу несчастный
осел.

Все тоще он делался день ото дня,
Мечтая отведать хоть раз ячменя.

Но снова и снова побои вкушал,
И сеном питался, и еле дышал.

Раз царский конюший, взглянув на
осла,
Посетовал: «Как его жизнь
тяжела!

Мне жаль его, видеть без слез не
могу,
Как он, словно месяц, согнулся в
дугу!

Уныло ответил ему водовоз:
«Где ж денег мне взять на ячмень?
Вот вопрос!»

А тот: «Я в конюшне на несколько
дней

Его поместил бы меж царских
коней:

Там ждет его счастье – ячмень и
овес!»

И рад был осла подкормить
водовоз.

Вот в конском раю очутился осел:
Там вдоволь еды, чисто выметен
пол,

Коням обеспечен покой и уют,
Их холят и моют, скребками
скребут...

Едва их блаженство осел увидал,
Как волю обиде и ропоту дал:

«Создатель! Ты их и меня
сотворил,
Но благом великим ты их одарил,

А я лишь страдаю и воду вожу,
Удары вкушаю и в землю гляжу.

На тяжкие муки обрек ты меня,
А их осыпашь дождем ячменя!»

Но в ту же минуту, заслышав
трубу,
Коней оседлали с врагом на
борьбу.

И многие кони последний удел
Нашли среди копий, и сабель, и
стрел.

А те, что едва уцелели в бою,
Страдали, вернувшись в конюшню
свою:

Их крепко связали, чтоб резать,
колоть,
И долго терзали их бедную плоть.

Из них наконечники стрел
извлекли,

Каленым железом им раны
прижгли,

И, связанных бросив, надолго
ушли,

И плакали кони, и встать не могли.

«Прости меня, Боже, – промолвил
осел, –

Я вижу, мой жребий совсем не
тяжел:

Не стану я больше роптать на
судьбу,

Согласен возить я до смерти арбу,

Тепла не прошу, ячменя мне не
надо,

Но только избавь от подобного
ада!»

Мясо и кот

Указания «почтенного мужа» – высшего «Я»

(человеческого духа, проявляющего свою волю через интуицию, разум, совесть) нарушает «жена» – душа человека (сфера эмоций и себялюбивых желаний), которая не в меру притязательна – «неслыханная обжора». Однако «жена» пытается свалить вину на «кота» – естественные потребности плоти, животные инстинкты. Обман раскрывается путем «взвешивания» (рассуждения): функции и свойства плоти («вес кота») остаются одними и теми же, и она для поддержания своей жизни не нуждается в совершении грехов.

Д. Щ.

Мясо и кот

Один почтенный муж, себе на
горе,
Женился на неслыханной обжоре,

Чей мощный аппетит не знал
предела:

Она, едва насытись, снова ела.

Вот как-то муж приносит мясо ей:
«Сегодня в дом я приведу друзей,

К приходу их баранину сготовь,
И пусть у нас на ужин будет
плов!»

Но, плов сготовив, не смогла жена
Гостей дождаться: съела все до
дна!

И вот под вечер муж друзей
привел:

«Жена, где плов? Скорее ставь на
стол!»

«Увы, – супруга в слезы, – мяса
нет,

Оно коту досталось на обед.–

Гляди, как он гуляет, сыт и весел!»

«Что ж, – молвил муж, – сейчас
его мы взвесим!»

И не успела та раскрыть и рта,
Как на весах увидела кота.

Вот взвешен кот: «А нет ли здесь

обмана? –

Вскричал супруг, – ведь весит кот
полмана,

Но мясо тоже весило полмана,
И потому, жена, мне знать
желанно:

Коль мясо на весах, то где же кот?
А если кот – где ж мясо, в свой
черед?..»

Украденная змея

В данной притче «заклинатель змей» – это суфий, смиливший свой *нафс*, но сожалеющий о таком последствии аскетической практики, как утрата полноты земных чувств («потеря змеи»): «А я молился, чтоб змея нашлась». Однако, став свидетелем судьбы человека, духовно не возрожденного («вора»), который «лишился жизни» из-за своих страстей, суфий перестает сожалеть о потере («теперь я рад, что жизнь сберег свою»).

Д. Щ.

Украденная змея

Однажды вор, вмешавшись в
толчею,

У заклинателя украл змею:

Видать, хотел продать ее, да жаль,
он

Лишился жизни, той змеей
ужален.

Узнал об этом заклинатель змей
И молвил: «Бог, по милости
Своей,

Меня избавил, жив остался я:
Как видно, обезумела змея!

А я молился, чтоб змея нашлась,
И горько сетовал, что не сбылась

Моя мечта – вновь обрести
змею...

Теперь я рад, что жизнь сберег
свою!...»

...О, как мы часто молимся о том,
Что обернется болью и вредом,

И с плачем к небу простираем
руки,
Самим себе вымаливая муки!..

Клад

Сюжет данной притчи широко распространен в фольклоре разных народов. У гностиков первых веков н. э. Египет был символом материального мира, а «пребывание в Египте» означало ниспадение души с небес на землю и забвение ею своей бессмертной сущности (ср., например, гностическую сирийскую «Песнь о жемчужине»). Суфийский вариант притчи несколько иной: ради познания самого себя («все нужное нам скрыто близко от нас») *мюрид* обращается к «внешнему» свидетельству *шейха* («стража»), который вначале обращается с ним сурово («преграждает дорогу ему»), и лишь затем дает жизненно важное наставление. Самому шейху способность направлять *мюрида* дана свыше – посредством видений («снится мне часто»). Но притча имеет и другой смысл: душа должна пережить

превратности земной жизни («в Египет иди»), поскольку провинилась в своем предбытии, в вышнем мире («наследство свое человек промотал»). Только очистившись через страдания, она возвращается «домой» – на небеса – и обретает блаженство («счастья источник, всех благ водоем»).

Д. Щ.

Клад

Наследство свое человек
промотал:

Приученный к роскоши – нищим
он стал.

Пусть ты и по праву чужим
завладел –

Не радуйся, твой не завиден
удел!..

Он каялся много, и слезы он лил,
И Вышнего Бога вседневно молил:

«О Боже, богатство мне снова
верни –

Хочу наслаждаться, как в прежние

дни!»

Заснул он – и слышит: «Не медли,
не жди,

Вставай, собирайся, в Египет иди

–

И там обретешь ты желаемый
клад,

Источник богатства, колодец
услад!»

Услышав во сне про запрятанный
клад,

Бедняга тотчас же покинул Багдад.

И вот уж в Египте, далекой стране,
Вкруг места, что названо было во
сне,

Он бродит, истратив последний
медяк.

Но полон Египет воров и бродяг,

И страж преграждает дорогу ему:

«Что бродишь в ночи? Захотелось
в тюрьму?»

А тот ему: «Я не бродяга, не вор,
Меня вещей сон в этот город
привел!» –

И все рассказал ему – так, мол, и
так...

А страж: «Ну какой, погляжу, ты
чудак!

Всему ль, что приснится, мы
верить должны?

Вот я же не верю в подобные сны,

А снится мне часто – мол, топай в
Багдад,

Отыщешь там в доме закопанный
клад,

Мол, сразу за рынком, в проулке
глухом,

Ты возле пекарни найдешь этот
дом!..

И все ж, – заключил
наставительно страж, –
В Багдад не иду я, не верю в
мираж!..»

...Багдадец сдержал свою радость
с трудом –
Ведь страж описал его
собственный дом!..

«...Вот счастье, что землю я здесь
не копал! –
Подумал бедняк. – Я в Египет
попал

Затем, чтоб узнать: вожаденный
мой клад –
Он дома!» – И тотчас пошел он
назад.

Твердил он: «Я нищим себя
почитал
И клад откопать на чужбине
мечтал,

Но счастья источник, всех благ
водоём
Был с первых же дней спрятан в
доме моем!..»

...Особую тайну хранит мой
рассказ:
Все нужное нам скрыто близко от
нас,

Но, чтобы его опознать и найти,
Нам Голос велит до Египта
дойти!..

Царь и рабыня

Чтобы исцелить человеческую душу («рабыню») от пагубных духовных недугов («стенает она, в лихорадке горя»), Бог («царь») разрешает ей на время увлечься земными страстями, которые в притче изображены как любовь рабыни к молодому ювелиру (золотых дел мастер символизирует богатство, свадебный пир – телесные наслаждения). Пройдя определенную «тренировку» на

вещественных объектах и созрев для восприятия духовных истин, душа, наконец, обращает свою любовь к Богу, а прежние желания теряют для нее свою привлекательность («погасла в ней страсть»). В «переориентации» любви с преходящих явлений на их духовную Первопричину и состоит «важная тайна» притчи.

Д. Ш.

Царь и рабыня

Послушай-ка притчу, как некогда
встарь

К рабыне душой воспылал некий
царь.

И вот во дворце очутилась она,
Но вдруг оказалось: рабыня
больна,

Стенает она, в лихорадке горя...
Один за другим к ней идут лекаря,

Совсем забывая, что только Аллах
Дарует удачу в лечебных делах.

Они же надеялись на вещество,
И было напрасным всё их
врачевство...

...Но вот некий дервиш явился к
царю:

«Позволь, я рабыню твою
осмотрю!»

И прежде, чем к делу сей врач
приступил,

К Аллаху о помощи он возопил.

И зелье такое велел он сварить,
Что тайну души помогает
открыть:

В уста человеку вольется оно –
И выскажет каждый, чем сердце
полно.

Что ж с помощью зелья целитель
узнал? –

Что дух нашей девы от горя
стенал,

Что сердце рабыни давно покорил
Один самаркандец – молодой
ювелир.

Тут просит целитель: «Пусть
юноша сей

В наш город прибудет как можно
скорей!»

Вскричал государь: «Я рабыню
люблю,

В любви к ней соперника не
потерплю!»

А лекарь: «Доверься мне,
действуй смелей,

И дело устроится к пользе
твоей!..»

...Прибыв в Самарканд, государев
посол

Того ювелира на рынке нашел:

Посулами почестей разных

прельщен,

С послом к государю отправился
он.

Узрела его наша дева – и вдруг
Стал таять, как лед, ее тяжкий
недуг.

А царь посылал ювелиру дары,
Его, что ни день, приглашал на
пиры,

Пока не устроили свадебный пир:
Невеста – рабыня, жених –
ювелир!

Вот вместе живут они месяцев
шесть,
И врач получает счастливую
весть:

Болезнь у рабыни прошла без
следа!..

И новое зелье сварил он тогда,

И юноше в пищу его подмешал:
Напиток сей воли и мощи лишал!..

Чуть муж над женой потерял свою
власть,
Исчезла в ней нежность, погасла в
ней страсть.

И этим был так ювелир огорчен,
Что вскорости умер, бедой
удручен.

Но царь огорчен этим не был
совсем,
И тут же рабыню забрал он в
гарем!..

...Друг, пусть для тебя эта притча
странна,
Но важную тайну содержит она.

Глядишь ты вокруг, но где правда,
где ложь, —
Лишь в душу свою углубившись,
поймешь!..

Зу-Н-Нун

Притча иллюстрирует тезис о раздвоенности восприятия и связанной с этим нетвердости веры у тех, кто усвоил только внешние формы суфизма, но не его суть. Напряженно ожидая от *шейха* «особого урока», эти люди оказываются не в состоянии понять, что «урок» уже преподан, поскольку в любом событии они воспринимают лишь его «внешний сюжет».

Д. Щ.

Зу-Н-Нун

Лишился рассудка учитель
Зу-Н-Нун.

С тех пор промелькнуло уж
несколько лун,

И суфии группой явились в
обитель

Безумцев, где был заточен их
учитель,

И так рассуждали: «Подобен
пророкам

Наш шейх: он здоров, обезуметь
не мог он!

Для виду безумствует мудрый
пророк,
Желая дать людям особый урок!»

Зу-Н-Нун, их узрев, с ними стал
препираться:

Мол, кто вы такие? Вам лучше
убраться,

Не знаю, мол, вас и на вас не
взгляну,

Уйдите, не то я в вас камень
швырну!

«Учитель, ты в ярость впадаешь
напрасно,

Что ты не безумен – мы знаем
прекрасно,

Для виду юродствуешь ты, как

пророк,

Чтоб нам преподать свой особый
урок!»

Зу-Н-Нун зарычал и безумно
взглянул,

И в суфиев камень с размаху
швырнул!

И суфии еле успели пригнуться,
Потом распрямились – и прочь от
безумца

Пустились, вопя: «Точно, спятил
наш шейх!

Немедля бежим! Перебьет он нас
всех!»

Зу-Н-Нун рассмеялся: «Что делать
мне с вами?

Что я притворяюсь – сказали вы
сами.

Но, если мое поведение – вранье,
Что ж вас так пугает притворство

мое?!...»

Халва

Способность посредством земных слов и поступков воздействовать на высшие миры – привилегия особо одаренных *шейхов*-чудотворцев. Их щедрость по отношению к нуждающимся («тратил не глядя») – только отражение тех сверхъестественных дарований, с помощью которых они могут «задеть Небеса за живое» и даже для своих хулителей и обидчиков вымолить у Бога милосердие.

Д. Щ.

Халва

Суфийский подвижник, хоть мало
имел,
Но многим несчастным помочь он
сумел,

Поскольку, той помощи ради,
Брал в долг он и тратил не глядя.

Так жил он, и многим за жизнь

задолжал.

Теперь, умирая, он дома лежал,

А все, кому суфий был должен,
Сошлись и склонились над ложем.

И в уши тому, кто дышал уж едва,
Вопили они, предъявляя права

На книги его и на вещи,
И крик стоял в доме зловещий.

Вдруг – с улицы голос: «Шербет и
халва!»

И суфий, услышав такие слова,

Сказал: «Пригласите торговца –
Товару здесь место найдется!

Скажите – мальчонку затем я зову,
Чтоб роздал он всем вам шербет и
халву:

Дай Бог, чтоб вы горя не знали
И душу мою поминали!»

Когда же все гости поели халвы,
То мальчику суфий промолвил:
«Увы!

Мне нечем платить тебе – каюсь,
Притом я и с жизнью прощаюсь!»

Услышав такое, заплакал юнец,
А все остальные вскричали:
«Подлец

Бессовестный! Это уж слишком –
И нас обобрал, и мальчишку!»

Но к вечеру вестник меж ними
возник:

«Эмир, наш правитель и твой
ученик,

Приветствует шейха, и рад он
Осла, нагруженного золотом,

С великим почтеньем тебе
передать!»

Тут все закричали: «О шейх,
благодать

Аллаха с тобою повсюду!
Свершил ты великое чудо!»

А тот: «Лишь в ответ на мольбу
бедняка

Содеяла чудо Господня рука –

Лишь плачущий мальчик с халвою
Задел Небеса за живое!..»

VIII. Экзамены

Жизненные переломы и испытания нередко становятся, с точки зрения Божественной педагогики, «экзаменами на зрелость». Здесь собраны образцы таких ситуаций.

Фасолина

Искушения и страдания, переносимые *мюридом* в период ученичества, подобны «адским мукам» варимой в

чугунке фасолины. Воздействие «огненной стихии» Духа, просвещающего и возгревающего внутренний мир суфия, вызывает мучения до тех пор, пока душа не достигнет должного взаимодействия с духовным началом («Страдай достойно и собой владей, // Пока не растворись ты в воде»). Вся предшествующая жизнь человека, все, что удалось ему до этого узнать и пережить, – есть подготовка ко вступлению в суфийское братство («Росла ты вольно на холме высоком... Не для того ли, чтоб сюда попасть?..»).

Д. Ш.

Фасолина, в исходном виде твердая, как камень, символизирует эгоистичное состояние души ученика, вступающего на суфийский путь. Далее под воздействием двух стихий – «пламени» (внешние испытания, лишения, страдания) и «воды кипящей» (внутреннее восприятие Учения, которое в Священных Писаниях представлено в виде воды) – фасолина сначала смягчается, а затем и полностью растворяется в однородной субстанции. Это значит, что под воздействием «жара» испытаний душа ученика пропитывается «водой» Слова Божьего и сливается воедино с другими «фасолинами» – душами, помещенными в «чугунок» (суфийское братство). Заметим: ни «пламя» само по себе, ни «вода» не могут довести «фасолину» до требуемого состояния. Только совокупность всех элементов

суфийского обучения преобразует душу ученика.

М. Х.

Фасолина

Фасолина от адских мук страдала:
Взмывала ввысь и в бездну
ниспадала,

Крича и от бессилия ярясь,
В воде кипящей мучась и варясь.

Она молила жалобно кухарку:
«Ужель тебе меня совсем не
жалко?»

Сдвинь чугунок иль пламя погаси,
Меня от мук безжалостных
спаси!»

На этот вопль ответила кухарка:
«Терпенье! Еще долго будет
жарко:

Страдай достойно и собой владей,

Пока не растворись ты в воде.

Росла ты вольно на холме
высоком,
Пила росу, и наливалась соком,

И светом солнца насыщалась
всласть –
Не для того ли, чтоб сюда
попасть?..»

Два невольника

За первым смысловым слоем притчи (призывом судить о человеке не по внешности, а по свойствам души) скрыт второй – иносказание о «достоверном знании» (*илм аймакин*) и «достоверном зрении (или восприятии)» (*айн аймакин*). «Достоверное знание» приобретается с чужих слов. Его символизирует рассказ второго раба, давшего хозяину обманчивые представления о первом. В противоположность этому, «достоверное зрение» позволяет правильно судить о предмете. Оно достигается в результате разговора с первым рабом лицом к лицу, что позволяет хозяину уяснить истинный характер этого человека. «Достоверным знанием»

обладают мусульмане, находящиеся на первом этапе религиозного познания (ступень *шариата*), т. е. выполняющие внешние предписания веры: они знают об Истине с чужих слов – от своих наставников. Суфийские подвижники, вступившие на стезю *тариката* (путь мистического опыта), непосредственно соприкасаются с Высшей Реальностью – и поэтому обладают «достоверным зрением».

Д. Ш.

В суфийской традиции учитель не только наставляет ученика, но и исцеляет его душу. А для этого за внешними словами, за строем и содержанием речи, за мимикой и жестиком мудрец должен ясно видеть состояние души ученика, ее недуги и изъяны. В данной притче вопрошающий («хозяин») прибегает к выработанному за многие столетия суфийской практики приему – побудить испытуемых («рабов») самих рассказать правду о своем внутреннем состоянии. Настоящий наставник, которому безразлична судьба наставляемого, в процессе обучения уделяет внимание не только уровню знаний, но и состоянию души своих подопечных. Духовное, и прежде всего нравственное, обучение в большинстве случаев начинается с постижения Священных Книг («...нас учит слово Божье, // Что истиной является, что – ложью»). Как известно,

Священная Книга (будь то Библия, Коран, Веды, Авеста и др.) лежит в основе каждой культуры, являясь главным и незаменимым источником нравственного просвещения народа (очень жаль, что до сих пор изучение книг Священного Писания, хотя бы как литературных и этических первоисточников, не заняло на начальных этапах обучения, в т. ч. в школьной программе, подобающего места...).

Другой важнейший принцип педагогики – осознание себя частью нравственно ориентированного социума. Человек не создан самодостаточным, и понять себя мы можем, лишь созерцая свое «отражение» в ближних, а также стараясь увидеть самих себя их глазами («...его свидетельства точны, // К тому же смотрит он со стороны»). Сообщество друзей – необходимое условие самосовершенствования каждой личности. Поэтому очень важно заботиться о той нравственной атмосфере, в которую погружены обучаемые. По мере своего нравственного и интеллектуального совершенствования человек начинает осознавать необъятную мощь заложенных в нем мыслительных способностей («А что до мысли – от ее игры // Порой зависят целые миры»). Интересно, какое именно действие мысли подразумевает здесь Руми? Идет ли речь о силе мысли как таковой, пределы которой до сих пор неведомы? Или же – о силе мысли, проявленной в действии, результаты которой (в особенности негативные) столь зримо

воплотились в XX веке («А мысли – клад, но веку испокон //
В соседстве с кладом прячется дракон»)?..

М. Х.

Два невольника

Раз некий муж с невольничьих
торгов
Привел домой двух молодых
рабов.

Но в человеке ум важней, чем
стать,
И он решил их мысли испытать.

Сладка ли речь, горька ли наша
речь,
Она – лишь средство, чтобы
мысль облечь.

А мысли – клад, но веку испокон
В соседстве с кладом прячется
дракон.

Один невольник притчи изрекал,

В парчу и жемчуг мысли облекал,
И речь его подобила волне,
Где чудный жемчуг спрятан в
глубине...

...Способна пронизательная речь
Нас обольстить, сбить с толку и
завлечь,

И потому нас учит слово Божье,
Что истиной является, что –
ложью.

Как часто наши мненья неверны!
Мы зрим нередко в небе две Луны,

Но если исцелится косоглазый,
Одна из этих Лун исчезнет сразу.

Нередко речь приправлена
обманом:

Чтоб долго не блуждать в пути
туманном,

Ты не слова, а смысл в расчет
бери,
Раскрой глаза – не слушай, а
смотри!..

...Хозяин видит: этот раб речист,
Сладкоголос и выговором чист.

Другой невольник слово
произнес...

«Не подходи, – зажал хозяин нос,
–

Я слушал бы, коль у тебя во рту
бы

Не сгнили, не испортились все
зубы:

Нет, замолчи! В лицо мне
перестань

Дышать – и от меня подальше
встань!»

За снedyю первого раба послав,
Второму он сказал: «Неужто прав

Твой друг, сказавший мне, что ты
порочен,

Что, мол, к работе склонен ты не
очень,

И репутация твоя плоха?

Я думаю – он сам не без греха?»

И раб ответил: «Друг мой очень
честен,

Характер мой ему вполне
известен:

Боюсь, его свидетельства точны!

К тому же, смотрит он со стороны,

А всем известно: смертного
судьба –

Всё в мире видеть, только не себя.

Вот почему гордыню я смиряю,

И показаньям друга доверяю.

Но я молюсь, чтоб мне при жизни

Бог

Помог исправить каждый мой
порок!»

Хозяин, этой речью озадачен,
Сказал: «Ну что ж, тогда мы
обозначим

Иную тему: ты мне расскажи
О свойствах друга – лени или лжи,

Дабы потом, как жить мы вместе
станем,
Я мог бы снисходить к его
обманам».

Тот молвил: «Друга моего порок
В том, что солгать он никогда не
мог.

Второй порок: добро – его отрада!
Но вовсе не посмертная награда

Его к творенью блага побуждает:
Само добро его и награждает.

Хотя и сказано в святом Коране,
Что к раю нас ведут благодеянья,

Но, может быть, мой друг отчасти
прав:

Приятней Богу бескорыстный
нрав.

Похоже на торговлю благочестье,
Когда оно живет с корыстью
вместе.

И третий есть порок в твоём рабе:
К другим он мягок, но суров к
себе!»

Сказал хозяин: «Ты начнешь едва
лишь

Речь о грехах – и сразу друга
хвалишь!

Замолкни: мы исследовать
должны,

Насколько похвалы твои верны.

Теперь иди – пройтись тебе пора
б!»

И тут же возвратился первый раб.

Ему хозяин горько улыбнулся:
«Ну, хорошо, ты вовремя
вернулся:

Друг о тебе такое говорил,
Что при тебе бы вряд ли
повторил!»

«Поведай, что же он сказал такое,
Чтоб мог я оправдаться пред
тобою!»

«Во-первых, он сказал, что ты
неверный,
И, во-вторых, что нет привычки
скверной,

Которой бы ты не был заражен;
И, в-третьих, что чужих ты
портишь жен!»

Раб зубы сжал, услышав это слово,
И стало все лицо его багрово,

И крикнул он: «Ах, так! Какой
подлец!

Что ж, на земле он больше не
жилец!

Я думал – он и вправду мне
приятель,

А он – доносчик, жалкий пес,
предатель!

Я знаю: с детских лет и до сих пор
Он – мерзопакостник, и лжец, и
вор!»

Сказал хозяин: «Да, твой друг
неправ!

Ведь я его и твой проверил нрав.

Ты, недостойный всех его похвал,
Сей речью сам себя обрисовал.

Хоть речь твоя чиста и хороша,
Но мерзостью разит твоя душа.

Так отойди! С сегодняшнего дня
Подальше стой и берегись меня!

А он, хоть нечисты его уста, –
Зато душа прекрасна и чиста!..»

...Пусть кубок и красив, но мы-то
пьем

Не красоту его, а то, что в нем.

Исчезнет красота когда-нибудь,
Бессмертна только внутренняя
суть.

Стареет плоть, к небытию спеша,
Но вечно обновляется душа.

С ракушкой схож души сокрытый
дом,

Но не во всякой жемчуг мы
найдем.

Зачем ты внешней мощи
возжелал?

Всегда булыжник тяжелей, чем
лал.

Твоя рука куда сильнее ока,
Но взор твой простирается далеко,

А вот рукой, длине ее под стать,
Лишь то, что близко, можешь ты
достать.

А что до мысли – от ее игры
Порой зависят целые миры!..

Капитан и книжник

Море в данной притче (как нередко и вообще в суфийской метафоре) – символ Бога, Высшей Реальности. Полное упование на Него (*таваккул*), т. е. готовность отречься от своего низшего «я» и погрузиться в море Божественного единства (умение «плавать по волнам»), отличает просветленного суфия («капитана») от ограниченного «книжника». Последний изучал лишь

взаимодействие вещественных феноменов («закон стихосложения»), и потому прожил жизнь напрасно, не поняв ее смысла и цели.

Д. Щ.

В притче на удивление наглядно показано отличие истинной мудрости от ложной. Истинная мудрость – ситуативна, т. е. позволяет своему носителю «быть на высоте» в любой жизненной ситуации. Часто, однако, за мудрость принимают обширную ученость (в данной притче – знание «закона стихосложения»). Но сложность земной жизни (житейского «океана» с его постоянным движением и частыми бурями) требует от мудреца быстрых и правильных решений. Таким образом, учитель призван не только наставлять учеников теоретически, но и учить их жить – «плавать» в бурном житейском «океане».

М. Х.

Капитан и книжник

Ученый книжник, задирая нос,
Раз капитану задал свой вопрос:

«О приводящий наш корабль в
движение,

Познал ли ты закон
стихосложенья?»

«Нет, муж почтенный, честно
говоря...»

«Ну что же, ты провел полжизни
зря!»

И проглотил ту тяжкую обиду
Наш капитан, не подавая виду.

Когда ж разбушевался океан,
То задал свой вопрос и капитан:

«Спасаться с корабля придется
нам!

Учился ли ты плавать по волнам?»

«О нет, добрейший, честно
говоря!»

«Ну что ж, тогда всю жизнь ты
прожил зря!..»

...Кому нужна начитанность твоя?

Ты умертви свое земное «я»,

Забудь законы прежнего житья –
И смело прыгай в Море Бытия!..

Состязание между ромеями и китайцами

Этот сюжет известен из более ранней суфийской литературы (например, он содержится в поэме Низами «Искандернаме»). В то время как ортодоксальные теологи и философы («китайцы») воссоздают дробную картину вещественного мира («сверкает целый мир на стенах»), суфийские мудрецы «полируют» свое сердце, очищая его от низших страстей, дабы оно стало «зеркалом», отражающим Творца и Его творения. Вместив образ Бога в свою душу, человек одновременно «принимает в себя» и весь мир («красок буйство и горенье»), поскольку последний является лишь «преломлением» красоты своего Создателя («солнечного света»). «Рум» – мусульманское наименование Малой Азии (как бывшей части Римской, т. е. Византийской, империи), и от этого названия происходит псевдоним Руми – «румиец», «обитатель Рума». Поэтому под «ромеями» здесь могут подразумеваться суфии – последователи самого Руми.

Д. Щ.

В притче созидательная, внешняя, деятельность (искусство «росписи дворцовой») противопоставляется усилиям по очищению сердец («полировка стен»). Чем более очищаются сердца («стены») от эгоизма и прочих пороков, тем более они способны отражать красоту сотворенного Богом мира – и, в конечном счете, совершенство Самого Создателя, «по образу и подобию» Которого воссоздается, очищаясь, наш внутренний человек. Указанное противопоставление мы видим и в русских народных сказках, когда Иванушкадурачок (мечтатель не от мира сего), презираемый старшими братьями (хваткими хозяйственниками), в результате получает в жены царевну (мудрость) и царство, а братья остаются при том, что имели, а то теряют и это...

М. Х.

Состязание между ромеями и китайцами

«В искусстве красок, – молвили
китайцы, –
Опередить нас лучше не
пытаться!»

Но слово предоставили ромеям:

«Ну что ж, мы тоже рисовать

умеет!»

Китайцам и ромеям приказали,
Чтоб расписали стены в царском
зале:

Тем и другим отдав по половине,
Завесу поместили в середине.

Китайцы краски, кисти закупили
И к росписи дворцовой
приступили,

Да и ромеи тоже не зевали –
До блеска стены отполировали.

Им тайна зеркала была известна:
И круг земной, и даже свод
небесный

Способно зеркало изобразить,
Всю многоцветность мира
отразить,

Поскольку красок буйство и

горенье –

Лишь солнечного света
преломление.

Но вот китайцы завершили труд,
И входит царь произнести свой
суд.

Вошел – и ахнул: в красках
драгоценных
Пред ним сверкает целый мир на
стенах!

Тут занавес убрали поскорее,
Чтобы взглянуть, что сделали
ромей, –

И вот правитель, крайне
пораженный,
Увидел тот же мир, но
отраженный,

Поскольку эта половина зала
Красу другой зеркально
отражала!..

...Чтоб стал твой мир прозрачен и
лучист –
Ты сердце, словно зеркало,
очисти!..

Царь Соломон и угод

Здесь в иносказательной форме разрешается вопрос о том, почему даже мудрейшие суфийские *шейхи* (угод – символ мудрости) порой попадают в «тенёта» ошибок и несчастий. Это происходит по воле Бога, определяющего судьбу каждому творению, которую ни один мудрец не в силах изменить. На более глубоком уровне «ошибки» людей просветленных связаны с чередованием мистических «дня и ночи» – «откровения и сокрытия» Лица Аллаха («Так происходит, если хочет Бог // Затмить мне взор, чтоб видеть я не мог!..»). Ср. развитие той же темы у Саади: «В своей способности к созерцанию Бога не всегда одинаков святой – она у него колеблется между озарением и слепотой. Бог то показывает Себя ему, то скрывается от него» («Гулистан», глава «О нравах дервишей», пер. Рустама Алиева).

Д. Щ.

В притче прекрасно выражена идея единства всех людей, благодаря которому «поймут друг друга тюрки и индусы». Люди, особенно дети, зачастую сближаются и вступают в дружбу, несмотря на социальные, национальные, культурные и т. п. различия. Препятствия для дружбы, искусственно воздвигаемые из соображений элитарных, сословных, вероисповедных, расовых и т. п., приносят вред самой идее общечеловеческого единства – тому, что «...души связывает тесно // Союз не только мысленно-словесный». А разрушение солидарности, единящей всех людей, не только не дает уникальности каждой души («птицы» из притчи) быть востребованной в контексте всечеловеческой цивилизации, но и провоцирует бесчисленные конфликты – вплоть до мировых войн.

М. Х.

Царь Соломон и удад

Царь Соломон, во всем своем
величье,

Уселся принимать посольства
птичьих:

Любому зверю, всякой птице рад,

Царь понимал слова всех стай и

стад,

Поскольку души связывает тесно
Союз не только
мысленно-словесный.

И иногда, я утверждать берусь,
Поймут друг друга тюрк и индус,

Порой же тюрк не поймет и
тюрка,
И выглядят они, как два придурка.

Нас единит не близость
расстоянья,
А цель души и сердца состоянье.

И вот сошлись создания у трона
Премудрого владыки Соломона,

Чтоб каждый мог талант свой
предложить
И Соломону службу сослужить.

Настало время выступить удоду:

«Я, – говорит, – отыскиваю воду,

Могу узреть я прямо с облаков
Подземный ключ. Вот мой талант
каков!

Мне видно сверху: хоть земля
черна,
Но влагу чистую таит она.

В пустыне жаркой вам я
пригожусь,
Во славу Соломона потружусь!»

«Что ж, – молвил царь с улыбкой
благосклонной, –
Коль ляжет путь наш по степи
сожженной,

Мы без тебя не сделаем ни шага,
Поскольку влага есть прямое
благо!»

Но ворон был завистливый
придворный.

Он, воспылав к удоу злобой
черной,

Вскричал: «Того не может быть
никак!

Я видел – бился брат его в силках,

А если б с неба видел он хоть
что-то,

То не попал бы никогда в тенёта.

Удод сей прозорливости лишен,
Убог и в хвастовстве своем
смешон!»

А царь в ответ: «Вот первое
здание

Тебе, удод: себе ты в оправдание

Скажи хоть слово, мудрость
изреки,

Из черной речи – влагу извлеки!»

Сказал удод, негодованья полон:

«О царь, не верь тому, что

крикнул ворон!

Клянусь тебе – чем выше мой
полет,
Тем лучше виден ток подземных
вод.

Когда ж судьба готовит мне силки,
Они невидимы, хоть и близки:

Так происходит, если хочет Бог
Затмить мне взор, чтоб видеть я не
мог!..»

Мотылек и ветер

По-арабски «рух» означает и «ветер», и «дух». В данном рассказе ветер символизирует Дух Божий, встреча и единение с которым – цель усилий суфия. Однако греховное состояние человека заставляет его уклоняться – «убегать» от Бога (ср. слова Адама после грехопадения, приведенные в Библии: «Голос Твой я услышал в раю, и убоялся, потому что я наг, и скрылся» – Быт. 3, 10, а также слова Давида: «Куда пойду от Духа Твоего, и от лица Твоего куда убегу?»

– Пс. 138, 7).

Д. Щ.

Мотылек в этой притче символизирует состояние крайне эгоистичной души, стремящейся в целях самооправдания обвинить всех остальных в беззаконии и злодействе («он мучит безвинно, гоняет нас все»). Такие люди, активно противодействующие вере и духовности (ненавидящие «ветер»), умоляют о «суде» над другими, сами же пускаются в бегство, «лишь явит Свой лик Судия», – и возникает угроза суда над ними самими.

С другой стороны, мотылек, спасающийся от ветра, – образ крайне слабой (обладающей «еле слышным» голосом) души, которая на самом деле не в состоянии перенести соприкосновения с Духом Божьим, устоять в Божественном Присутствии («ветер»). И, всё же, такая душа хочет добиться для себя «суда» – испытаний суфийского Пути...

М. Х.

Мотылек и ветер

Царя Соломона однажды привлек

Призыв еле слышный – шептал

мотылек:

«К суду твоему, о владыка,
взывали

И люди, и джинны, и прочие
твари,

И ты им благой приговор
возвещал,

И слабых от сильных всегда
защищал.

И ныне – слабейшие в мире
создания –

Мы просим, о царь, у тебя
сострадания:

Мудрец, поспеши нам на помощь
прийти,

Могучий – бессильных ты нас
защити,

Поскольку твой суд – повеление
Божье!»

Спросил Соломон: «Защитить? От
кого же?

Преступники все, по суду моему,
Давно уже брошены были в
тюрьму.

Всем слабым со дня, как ношу я
корону,
Защита оказана и оборона.

С тех пор, как я стал над землею
царить,
Обидчики зло перестали творить,

И свет правосудия пролил везде я,
А только во тьме обитают
злодеи!»

Шепнул мотылек: «Умоляю о том,
Чтоб ветер предстал перед
царским судом:

Он мучит безвинно, гоняет нас
всуе:

Едва он подует, как мы
врассыпную!

О царь, ты щадить нас ему повели,
Чтоб мудрость твою мы
прославить могли!»

Сказал Соломон: «Справедливость
мы явим,
Ответчику слово теперь
предоставим:

Коль ветер тобой во грехе
обвинен,
Пред царские очи да явится он!»

Тут ветер явился по царскому
зову:
Едва он повеял, чтоб вымолвить
слово,

Как тотчас без лишних речей
наутек
Пустился почувший страх
мотылек.

А царь ему вслед: «Ну куда же,
куда ты?»

Еще моего не услышал суда ты!»

Но тот прошептал: «Так я ветра
боюсь,
Что лучше из зала суда
удалюсь!..»

...Встречаясь со злом, с
беззаконьем и ложью,
На них ты готов призывать кару
Божью,

Но, только лишь явит Свой лик
Судия, –
Ты в страхе бежишь! Где ж
решимость твоя?..

Набег огузов

Огузы – союз тюркских племен, в середине XII в. жестоко разоривших при своем вторжении Хорасан. В суфийской образности нападение разбойников нередко служит метафорой гнева Божьего, наступающего человека. Данная притча полемична по отношению к ортодоксальному

мусульманскому взгляду, согласно которому Бог карает одних людей для того, чтобы устроить других и привести их к покаянию (ср. в «Гулистане» Саади: «...Так как этот грех совершил не только я один, ты лучше другого подвергни наказанию тому, а я с него пример возьму!» – Глава «О любви и молодости», пер. Рустама Алиева). Суфийское учение о милости и строгости Творца основано на иных, более глубоких, представлениях о духовной реальности.

Д. Ш.

Набег огузов

Однажды в небогатое село
Кочевников-огузов принесло,

И там, прибегнув к методам
скорейшим,
Огузы захватили двух старейшин.

Грабитель одного к стене прижал
И, угрожая, выхватил кинжал.

Вскричал старик: «Властители
пустыни!

Какая вам корысть в моей
кончине?

Ведь я – больной, покинутый и
нищий,

Нет в доме у меня ни крошки
пищи!»

Главарь ему: «Тебя распотрошим
–

И твоего соседа устроим:

Второй старик, что жаден и богат,
Расскажет нам, где прячет он свой
клад!»

А старец им: «Клянусь, мы оба
нищи,

Пошлите наши осмотреть
жилища!»

Но тут второй старик вскричал:
«О нет:

На поле он зарыл пятьсот монет!»

Ответил первый: «Если правда
это,
И я боюсь отдать свои монеты, –

То пусть погибнет нищий мой
собрат,
Чтоб от испуга отдал я свой клад!»

О Лукмане и его сотоварищах

В данном рассказе мудрый Лукман олицетворяет внутреннюю чистоту и упование на Бога («пекся об одном – о Божьей воле»). Верность Лукмана подтверждается в момент «испытания утроб», когда сокрытое выходит наружу (согласно мусульманскому вероучению, подобное испытание постигнет людей в день Последнего суда).

Д. Щ.

О Лукмане и его сотоварищах

Был скорбен и задумчив раб
Лукман:
Хозяин в нем подозревал обман,

Но, преданный хозяину всех боле,
Он пекся об одном – о Божьей
воле.

Всё это видя, прочие рабы
Брыкались и вставали на дыбы,

Составив план – покрыть его
позором:

Ведь он для них служил живым
укором.

И вот, в саду наевшись фруктов
всласть,

Вместо того, чтоб их в корзины
класть,

Они подняли крик: «Плодов не
стало,

Всё съел Лукман – бесстыдный
объедала!»

Лукман в ответ: «Ну нет, я не
согласен,

И ты хозяин, нас проверить

властен:

Ты едкий щелок в воду положи
И нам, рабам, напиться прикажи,

А сам, воссев на быстрого коня,
Хлещи кнутом – как их, так и
меня!..»

...Бегут рабы, спасаясь от кнута,
И пищу извергают их уста.

Так их наветы с правдою не
спелись:

Узрел хозяин, чем они наелись.

Один Лукман тотчас оправдан
был:

Ведь он в тот день одну лишь воду
пил!..

Мудрец Лукман

Смысл притчи в том, что суфий («Лукман»), в течение

всей жизни благодетельствуемый Богом («хозяином»), не должен роптать на испытания и кары, которым Он его время от времени подвергает. Ибо и в эти моменты суфий не лишается радости, связанной с ощущением Божественного Присутствия («блаженствовал всегда я под твоим крылом»). Он постоянно чувствует ту нисходящую свыше любовь (мухабба), которая услаждает для него горечь испытаний («претворяет яд в целительный настой»). Терпение (сабр) – одна из главных суфийских добродетелей.

Д. Щ.

Мудрец Лукман

Хозяина Лукман разумностью
пленил,

И тот его с тех пор так высоко
ценил,

Что вместе с ним всегда садился
он обедать,

И блюдо каждое давал ему
отведать,

И лишь когда Лукман вкус пищи
проверял,

То и хозяин ел и тоже одобрял.

Вот как-то он зовет Лукмана:
«Слушай, ныне
К обеду нам сосед прислать
изволил дыню.

Попробуй поскорей – сладка она,
иль нет?»

Вкушает раб кусок с восторгом,
как шербет,

А тот ему уже дает второй и
третий –

Лукман смакует их, как будто нет
на свете

Вкусней. А господин глядит, как
раб жует:

«Ну что ж, пора и мне наполнить
свой живот!»

Но только он кусок от дыни
откусил,

Как тотчас побледнел, вскричал,

лишился сил, —

Так горечь обожгла и рот, и всю
утробу,

Что час ему пришлось
отлеживаться, чтобы

Прийти опять в себя. И он спросил
раба:

«Как мог ты это есть? Как
понимать тебя?»

Притом ведь на лице твоём сияло
счастье?!»

А тот в ответ: «Во мне ты
принимал участие,

Меня ты одарял сочувствия
теплом,

Блаженствовал всегда я под твоим
крылом.

И, если б от тебя взять горечь
отказался,

Предателем бы я позорным

оказался:

Чтоб языка не жег прогорклой
дыни кус,

Неужто от любви твоей я
отрекусь?!..»

...Любовь из медяка чеканит
золотой

И претворяет яд в целительный
настой,

И силы от любви пробудятся в
больном,

И уксус от любви взиграет, став
вином.

Тому, кто полюбил, тюрьма – как
светлый рай,

Тому, кто разлюбил, как цепи –
вольный край.

Сменив на милость гнев и правду
возлюбив,

Посланником добра предстанет

страшный див.

Скорбь станет от любви
счастливым торжеством,
Храбрея от любви, мышь
обернется львом.

А грозный царь, любви сиянием
влеком,
Вокруг свечи кружит кротчайшим
мотыльком.

И, ведая, что все дает любимый
Друг,
Ты примешь полноту и радостей,
и мук.

IX. Цель обучения

Умножение любви и мудрости, расширение сознания
ученика, одоление им новой духовной ступени –
все это может стать результатом прохождения
очередного отрезка суфийского Пути, который бесконечен...

Слон

Притча иллюстрирует споры и трения, вплоть до взаимного неприятия и ожесточения, между представителями разных религий и философских учений. Между тем, по смыслу притчи, каждый из них воспринимает лишь часть Истины, всю же ее в целом способен обнаружить только свет «лампады», т. е. достоверное, «зрительное», восприятие, осуществляемое с помощью духовной интуиции (*айн айкаин*). Таким образом, светом подлинного знания обладает лишь озарённый мистик, остальные пребывают в «ночном мраке» неведения – и потому односторонни в своих суждениях. Сюжет об ощупывании слона в темноте (или слепыми) был распространен в суфийской литературе и до Руми – например, у Санаи (первая пол. XII века). В русской поэзии похожий образ встречается у А.К. Толстого, изобразившего Правду воспринимаемой каждым по-своему, со своей точки зрения (стихотворение «Правда»):

...И подъехали к правде со семи
концов,
И увидели правду со семи
сторон...

...А вернувшись на свою родину,
Всяк рассказывал правду
по-своему;
Кто горой называл ее высокою,
Кто городом людным торговым,
Кто морем, кто лесом, кто степию.

И поспорили братья промеж
собой,
И вымали мечи булатные,
И рубили друг друга до смерти...

Д. Щ.

Согласно этой притче, именно невежество («ночной ли мрак, или умов затмень») разъединяет людей, поселяя в их душах фанатизм и взаимное недоброжелательство. Достаточно, однако, «лампады», т. е. внесения хотя бы частицы истинной мудрости в проблемы, разделяющие людей, чтобы реальность сделалась видима с разных сторон, а люди, прежде ожесточенно спорившие, пришли к общему мнению. Истинная мудрость, объединяя частные знания, дает узреть общую картину бытия и уничтожает вражду между носителями верных, но односторонних взглядов. Печальную картину «ощупывания слона в темноте» –

фанатичного отстаивания узко понятых великих истин – мы наблюдаем в кровавой истории религиозных войн, взаимных гонений и истреблений между представителями разных вероисповеданий: вспомним Крестовые походы, многовековую деятельность «отцов-инквизиторов», Варфоломеевскую ночь, еврейские погромы, террористические акты, совершаемые современными фанатиками, и т. п. Суфийские наставники всегда старались внушить своим ученикам идею о том, что истина («слон» из притчи) многогранна, и никогда не следует считать себя обладающим ею «в последней инстанции». Пробудить в *мюридах* жажду поиска истинной мудрости («лампады») – еще одна из задач суфийского воспитания.

М. Х.

Слон

Для развлечения люда в край
неблизкий

Однажды был доставлен слон
индийский.

Его в конюшне темной поместили,
А любопытных посмотреть
пустили.

Те вокруг слона кружком
сомкнулись плотным
И ощупью знакомились с
животным.

Один из них нащупал хобот: «Ба!
Слон – это водосточная труба!»

Тот ухо взял: «Ничуть и не
бывало:
Слон – это что-то вроде
покрывала!»

А этот оказался близ ноги:
«Слон – это столб! Пожалуйста, не
лги!»

А кто-то гладил бок: «Скажу я
вам,
Что слон напоминает мне диван!»

«Слон – это вещь прямая, как
алиф!»

«Нет, слон – сплошной наклон,

сплошной извив!»...

...Ночной ли мрак, или умов
затмение
Мешают нам сойтись в едином
мнение?

Когда б в конюшню ту внесли
лампаду,
Тотчас бы истина открылась
взгляду!

Древо Бессмертия

Образы «Древа Жизни» и «Древа Познания» – одни из ключевых не только в Библии (ср. Быт. 2, 9 с Притч. 3, 13–18), но и в традициях самых разных народов. В данной притче «Древо Жизни» отождествляется с «Древом Знания». Притча учит различению между буквальным смыслом (который большинство теологов придают Божественным Книгам) и символическим и мистическим (именно в таком ключе толкуют Коран суфии). Вражда между представителями разных религий объясняется приземленным, буквальным, пониманием их адептами сути

собственных вероучений: «...Когда ж название – как стена, //
То может вспыхнуть среди нас война». См. также притчу
«Названия винограда».

Д. Ш.

Рассказ начинается с описания «Древа Жизни». Однако жизнь, как и смерть, по учению большинства религий, бывает физической и духовной. Поскольку же наш мир традиционно рассматривается суфиями как «мир исправления», то, следовательно, сюда попадают именно духовно мертвые (или больные) души – с целью ожить (или выздороветь). Поэтому «Древо Жизни» приносит духовные, а не физические, плоды, дарующие воскрешение – для вечной жизни.

Где же следует искать это «Древо»? Поскольку оно «светом озаряет» только «познающих», то очевидно, что речь идет о «Древе», находящемся не вне, а внутри человека, и искать его среди феноменов внешнего мира – бесполезно. Это «Древо Знания» обретается только стремлением к Истине (ср. в Торе: «...Она не на небе... и не за морем... Но весьма близко к тебе... в устах твоих и в сердце...» – Втор. 30, 12–14; также в Новом Завете: «Вникай в себя и в учение...» – I Тим. 4, 16).

М. Х.

Древо Бессмертия

Какой-то царь из книг старинных
вызнал,

Что есть в стране индусов Древо
Жизни:

У тех, кто от его вкусил плодов,
Вовеки не прервется счет годов.

И тут же начались приготовления,
И через день по царскому велению

В Индийский край направился
мудрец,

Чтоб чудный плод доставить во
дворец.

«Где мне найти бессмертной
Жизни Древо?» –

Он спрашивал направо и налево,

И многие из тех, кто погубей,
Смеялись – мол, приезжий не в
себе.

А кто потоньше, отвечал без
смеха:

«Дай Бог твоим исканиям успеха,

Чтоб ты и мне о чудном том плоде
Поведал – как сорвать его и где».

А кто-то плел об этом Древе басни

—

Мол, видел сам: плоды его
прекрасны!

И, сбитый с толку, наш мудрец
блуждал

По всей стране – и новой вести
ждал.

Так он страдал и странствовал
годами,

Но не встречался с чудными
плодами.

Дурным слугой боялся он
прослыть,

Но все ж решил домой, к царю,
отплыть.

И вдруг услышал: «Здесь
неподалеку
Шейх обитает, чье отверсто око

И ввысь, и вглубь. К нему ты
поспеш,
Пред ним излей печаль своей
души!»

И наш мудрец пред шейхом
прозорливым
Предстал. А тот: «Каким-то
дивным дивом

Ты с толку сбит. Каким? Поведай
мне!

Что ты искал годами в сей
стране?»

Мудрец ему: «О шейх, ответьте
мне Вы:

Немало лет искал я Жизни Древо,

Но отыскать мне было не дано.
Не знаю – существует ли оно?»

И шейх святой сказал ему с
улыбкой:

«Да, существует, но большой
ошибкой

Является вопрос наивный твой
Насчет простого дерева с листвою.

Представив образ, дерево искал
ты,

Гонясь за формой, в сущность не
вникал ты,

Меж тем в сказаньях, притчах всех
широт

О Древе Знания говорит народ.

Оно повсюду ветви простирает
И познающих светом озаряет,

Да я и сам, насколько было сил,

Узрел его и плод его вкусил.

По-разному то Древо называют,
И многие – плоды его срывают,

Хотя немногие наелись всласть.
Бессмертье и нетленье – только
часть

Его даров. Но взгляд не одинаков
На суть его у всех. Есть много
знаков,

Передающих людям эту суть.
Что одному – тупик, другому –
путь.

И кто ушел от похоти и гнева,
В себе самом находит это Древо.

Тебя же в заблуждение ввело
Названья непрозрачное стекло.

Прекрасно имя, если имя это
Нам открывает существо

предмета,

Как дверь. Когда ж название – как
стена,

То может вспыхнуть среди нас
война,

Поскольку, в звуке видя
господина,

Уходим мы от сущности единой!»

Башмак Пророка

Рассказ имеет двойной смысл. Во-первых, он иллюстрирует известную религиозную идею о «благе, обретаемом через лишения», которая выражена в изречении: «Бог всё совершает к лучшему». Во-вторых, орел в данном случае означает учителя мудрости, действия которого сначала могут показаться ученику неправильными и даже жестокими. Их истинный, спасительный, смысл постигается позже.

Д. Щ.

В рассказе описываются две потери. При этом только

вторая объясняется вмешательством Провидения, которое стало наглядным для Пророка. Однако автор на обе потери распространяет свой вывод: «...Не слишком сетуй, потеряв что-либо, // Ведь без потерь и жить мы не могли бы». Отсюда проистекает назидание: Провидение не обязано всегда иллюстрировать цели своих воздействий на события. От человека, хотя бы однажды убедившегося в спасительности таких воздействий, в дальнейшем требуется вера в постоянное попечение о нем Бога.

М. Х.

Башмак Пророка

Пред тем, как вознести свои
моленья,
Пророк свершил святое омовенье:

Омыл ступни, поставив обувь
рядом,
И занялся молитвенным обрядом.

И тут-то ловкий вор, дождавшись
срока,
Успел схватить один башмак
Пророка.

Пророк свернул своих молитв
шатер

И сразу руку к обуви простер,

Как вдруг орел – о Неба тайный
знак! –

Ниспав, схватил оставшийся
башмак.

Когда ж взлетел он с ним под
облака,

То выпала змея из башмака!

Пророк, узрев, что сотворил орел,
Был изумлен. Когда же речь
обрел,

Сказал: «Орел, я понял лишь
сейчас,

Что ты, как друг, меня от смерти
спас!

Поскольку ж я отвлекся от
моленья,

То на меня напало ослепление:

Я думал, ты мне причинил утрату,

—

А ты ко мне отнесся, словно к
брату!..»

...Не слишком сетуй, потеряв
что-либо,

Ведь без потерь и жить мы не
могли бы.

Подумай – чем ты менее богат,
Тем меньше и грозит тебе утрат.

Немного я встречал таких,
признаться,

Кого б счастливым сделало
богатство!

Сомнения судьи

Духовный разум, вооруженный интуицией, изображен
здесь «судьей» над всеми делами человека. Он боится, что не

справится с таким призванием, поскольку ему придется иметь дело с явлениями физического мира, а для этого более приспособлен плотский разум, пользующийся услугами рациональных доводов – «ответчиков и истцов». Однако, пока очи духовного разума не омрачены земными страстями («сребролюбьем»), именно он остается для человека наилучшим судьей, которого отличают «страх пред Творцом и души прямота».

Д. Щ.

Сомнения судьи

Был муж благородный судьёю
назначен.

Роптал он в тревоге и сетовал с
плачем:

«За промах малейший в судейских
делах

С меня полной мерою взыщет
Аллах!»

Писец возразил: «Но правитель по
праву

Вознес твое имя, воздал тебе

славу:

Твои приговоры несчастных
спасут,
И будет угоден Аллаху твой суд!»

Но тот сомневался: «Учен я не
шибко –
А вдруг на суде допущу я ошибку?»

Начну я оправдывать иль обвинять
–

Но тонкости дел нелегко мне
понять!»

Писец отвечал: «Рассуждение
чисто,
Когда правовед не охвачен
корыстью,

Но если судья сребролюбьем
влеком,
Он суд извратит, хоть прослыл
знатоком!

Не бойся незнания затверженных
истин,
Но сердце очисти и будь
бескорыстен:

Лишь страх пред Творцом и души
прямота
Закону и правде отверзут уста!»

Близость

В этой притче Меджнун, как всегда, символизирует суфийского мистика, в то время как «мастер, в искусстве целительном... известный» – рационалиста. Попытка последнего «кровь отворить» Меджнуну (т. е., опасаясь за его здоровье, посоветовать ему умерить экстаз, отказаться от чрезмерно восторженного поклонения Богу) решительно отвергается, ибо во внутреннем мире мистика проявляется Дух Божий, а не только его собственные эмоции и воля: «...Ведь сущность – одна!».

Д. Щ.

Близость

Меджнуна разлука с любимой
Лейлой

Ввергала в безумье, пронзала
иглой,

Не мог он напиться: «Еще бы
глоток!» –

Ведь кровь в нем вскипала, как
лавы поток.

Как тело с душою в больном
примирить?

И лекарь велел ему кровь
отворить.

Вот мастер, в искусстве
целительном том

Известный, стянул ему руку
жгутом,

Но в гневе болящий сорвал этот
жгут:

«Уйди! Твои методы не
подойдут!»

В ответ ему мастер: «Не ты ли в
былом

В пустыне бродил вместе с барсом
и львом?

Тебя не страшили их когти, клыки,
А тут разве боль? Потерпи,
пустяки!»

Меджнун же ответил: «В пустыне
разлук

Бродя, не боюсь я ни боли, ни мук,
—

Я к ним так привычен! Надрезы
твои

Сравнятся ль по боли с терзаньем
любви?

Другим опасением сердце полно:
С любимой Лейлой мы не двое —
одно,

И пусть между нами пролег целый
свет —

Но четкой границы меж душами
нет!

И вот я боюсь, что раненье мое
Ей боль причинит и поранит ее,

Уж слишком мы связаны – я и она:
Пусть тела и два, но ведь
сущность – одна!»

Меджнун и собака

Знаменитая древнеарабская повесть о любви Меджнуна и Лейли всегда воспринималась суфиями как символ экстатически-страстного стремления к Богу души мистика (Меджнун – «впавший в безумие»). Такая душа получает возможность созерцать образ Божий даже и в тех, кто находится еще на животнo-эгоистическом уровне сознания («пес» – бранная кличка для таких людей у многих народов). «Собака с улицы Лейли» – это падшая душа, пребывавшая, однако, некогда (до своего падения) вблизи Бога и всегда сохраняющая возможность, покаившись, возвратиться к Нему. «Меджнун» – адепт суфизма – проявляет к «собаке» особую любовь, поскольку он «сквозь покровы внутрь зрит»

и «душу видит».

Д. Ш.

В оценке человеком других людей и событий «объективная реальность» как таковая отсутствует. Из притчи следует, что внутреннее состояние наблюдателя решающим образом влияет на его восприятие. Созерцание, с суфийской точки зрения, есть активный процесс взаимовлияния между субъектом и объектом. В конечном счете, все, что человек видит вокруг себя, является проекцией его внутреннего состояния, поэтому только очищение сердца и наполнение его любовью ведут к преобразению внешнего мира и делают достижимыми такие переживания, как счастье, довольство жизнью, благодарность Творцу. Вопреки устоявшемуся представлению о том, что рай – это некое «место», понимаемое географически или метафизически («горный мир»), суфизм утверждает, что рай есть состояние сердца, полного духовной любви, поскольку тот, кто способен «взглянуть на мир... влюбленным взором», не только внутренне свободен («волен»), но и совершенно счастлив («блажен»).

М. Х.

Меджнун и собака

Меджнун, от милой находясь
вдали,

Узнал собаку с улицы Лейли:

Ее и гладил он, и целовал,
Он ей и сахар, и шербет давал,

Ее, как шейха мудрого гробницу,
Он обходил, спеша ей
поклониться,

И лучшим из творений называл,
И снова гладил, снова целовал.

Вскричал прохожий: «Что за
чудеса!

Ты – человек, а ублажаешь пса?

Отдерни руку и закрой уста:
Для мусульман собака нечиста!

Как смеешь ты, разумное
творенье,
Собаке воздавать благодаренье?!»

Прохожий учинил такой разнос,
Поскольку перед ним был грязный
пес,

Зато Меджнуна чувства увели
От видимой реальности – к Лейли.

И он сказал: «О если б, господин,
Сумели Вы хотя б на миг один

Взглянуть на мир моим
влюбленным взором, –
Не подошли бы Вы ко мне с
укором!

Сей пес валялся у Лейли в ногах,
Сей пес лизал ее порога прах,

И потому душа моя могла б
Век лобызать следы собачьих
лап!..»

...Глупцу доступен только
внешний вид,

Но мудрый – сквозь покровы
внутри зрит:

Кто побеждает плоти тяжкий
плен,
Тот душу видит, волен и блажен!

Любовь Меджнуна

Рассказ в сжатом виде передает суть суфийского учения об иерархии душ. Одни души достигли «сладости» познания Бога (здесь Его символизирует Лейли – источник и цель любви Меджнуна), а другим изучение основ религии представляется «уксусом», поскольку не приносит им никакой «сладости». Именно внутренним состоянием душ объясняется тот факт, что одни и те же феномены религиозной жизни воспринимаются людьми столь по-разному: «Он мне – словно сахар, а вам – будто яд».

Д. Щ.

Любовь Меджнуна

Сказали Меджнуну: «Ты плачешь
вдали

От милой, – а так ли красива
Лейли?

Меж тем наши девы прекрасны на
зависть,

Влюбись же в любую из этих
красавиц!»

А он: «Одного вам понять не дано:
Лик милой – кувшин, ее прелесть
– вино.

Любовный напиток, святое питье
Мне Бог наливает из лика ее.

А вы пьете уксус из лика Лейли,
Чтоб все вы влюбиться в нее не
могли.

Вот выйдет она и на всех бросит
взгляд:

Он мне – словно сахар, а вам –
будто яд.

Мы вместе глотнем, но отдельно

решим,

Шербет иль отраву содержит
кувшин.

Глотнем, и сосуд не изменит свой
вид,

Но сладость – избранник один
ощутит!»

Ищу Человека

Сюжет восходит к античным пересказам эпизодов из жизни философа-киника Диогена Синопского (IV в. до н. э.). Героем притчи Руми выведен, однако, не языческий философ, но мусульманский аскет-отшельник, поскольку последнему более подобает вести поиски «совершенного Человека» (*ин сан алькамил* – одно из основополагающих понятий суфизма), исполненного любви («тот, кто стремится любовь проявлять»). Такого человека – наставника и друга – искал много лет и сам Руми, пока не обрел его в лице Шамса Тебризского. Свеча, которую держит отшельник, символизирует «внутренний свет» души мистика. Свет призван помочь ему распознать истинного друга – свое alter ego – во внешнем мире.

Д. Щ.

Ищу Человека

Средь яркого полдня затеплив
свечу,
Отшельник бродил: «Человека
ищу!» –

Так он восклицал среди уличной
давки,
Дворы обходя, и пекарни, и лавки.

И встречный спросил: «Как
понять тебя, друг?
Сам видишь – людей сколько
хочешь вокруг,

Людей в нашем городе больше,
чем надо!»

Отшельник в ответ: «То не люди, а
стадо!

Лишь тот, кто стремится любовь
проявлять,

Лишь тот, кто умеет свой гнев
подавлять,

Вот он – Человек! Лишь его я
ищу,
Такому – я сердце свое посвящу!»

Лучшее в мире место

Здесь, как и в других притчах, любовь между людьми служит символом стремления души к Богу и страстной любви к Нему. Величайшее из всех благ, обретаемых человеком, – это близость к Создателю и ощущение Его милосердия. Любые события, переживания и обстоятельства, которые позволяют приблизиться к единению с Творцом, представляются благом истинному суфию: «Неважно мне, этот ли мир, иль иной //Я вижу вокруг, – лишь бы ты был со мной!».

Д. Щ.

Лучшее в мире место

Друг, встретивший друга,
прекрасного ликом,

Спросил его голосом нежным и
тихим:

«Во многих ты странах, мой друг,
побывал,
Какая же боле достойна похвал?»

А тот: «Мне любое селенье земное
По нраву, где был бы ты рядом со
мною.

И даже гробницы приятен мне
вид,
Коль нас она примет и вместе
вместит.

Колодец, в котором Иосиф
Прекрасный
Томится, – есть рай для души
моей страстной.

Неважно мне, этот ли мир, иль
иной
Я вижу вокруг, – лишь бы ты был
со мной!»

Х. Шейх

Согласно мировоззрению Руми, как и суфизма в целом, изначальным, истинным и величайшим *Шейхом*– Учителем всех душ – является сам Бог. Притчи, включенные в этот раздел, разъясняют некоторые аспекты Божественного присутствия в жизни людей, показывают, как Создатель наставляет Свои творения.

Иисус

Сюжет притчи связан с раннехристианскими апокрифическими сказаниями. Иисуса суфии всех веков почитали как величайшего из своих Учителей, а его дар оживлять мертвых рассматривали как символ духовного воскрешения тех, кто идет по его стопам в поисках Истины. С суфийской точки зрения подлинным Воскресением из мертвых является именно внутреннее восприятие Духа («душой для Бога должен ты ожить»), а не биологическое оживление «сухих костей».

Иисус

Раз некто Иисуса на пути
Увидел – и решил за ним идти.

Им повстречались кости двух
убитых,
Давно истлевших, в землю не
зарытых.

Сказал Иисусу спутник: «Как
дышать,
Тебе привычно мертвых
воскрешать:

Ведь ты – посланник Божий, ты –
Мессия!

Так поделись со мной той чудной
силой,

Которой ты сражаешь смерти
тьму:

Я этих двух у смерти отниму!»

Сказал Иисус: «Не двое их, а
трое!»

А тот: «Но где же третий? Я не
скрою,

Что лишь двоих в песке заметить
смог!»

«Ты – этот третий! – отвечал
Пророк. –

А потому оставь сухие кости,
Но лучше о себе побеспокойся:

Чтоб на земле кому-то послужить,
Душой для Бога должен ты
ожить!»

Сокол среди сов

Рассказ отражает положение истинного суфия (отрекшегося ради познания Бога и служения Ему от земных благ) – в глазах людей, приверженных исключительно к «миру сему». Подозреваемый этими последними в лицемерии и в тщательно скрываемом корыстолюбии, «царской сокол» в действительности несет мрачным «совам» и их «пещере» весть о милости Создателя и Его горнем свете

– «неугасимом луче».

Д. Щ.

Согласно смыслу притчи, «царь» – это Бог, «сокол» – суфийский мастер, «царская охота» – осуществление духовного спасения людей путем «выхватывания» их из «животной жизни», после которого они уже принадлежат Богу – «достаются царю» (ибо воскрешение души к новой жизни предполагает ее смерть по отношению к прежней – ср. в Новом Завете: «Мы умерли для греха...» – Римл. 6, 2). Мастер – мистик, обладающий безошибочной духовной интуицией, и только он бывает способен «проложить путь» Божественному Свету к той или иной душе («направить охоту царя») и, благодаря этому, привлечь в мир новое излияние благодати. Таким образом, миссия каждого истинного суфийского мастера уникальна, проявляясь в конкретное время, в данном месте и должным образом («за мной все следуют»). И, хотя классический суфизм отрицает реальность полного слияния Божественной природы (*Лакхут*) с человеческой (*насут*), однако утверждает возможность проявления первой посредством второй: «Хотя ничтожен я, а он – могуч, // Во мне – его неугасимый луч!..».

М. Х.

Сокол среди сов

Раз царский сокол залетел в
пещеру,
И стая сов встревожилась не в
меру.

Она с волнением, завистью и
злостью
Кружилась над придворною
особой:

«Что сокол делать здесь
предполагает?

Уж не на наш ли дом он
посягает?!»

А сокол: «Вы волнуетесь
напрасно:

Мое жилище прежде прекрасно,

Я ни за что в пещере не останусь,
Еще немного – с вами я
расстанусь

И возвращусь – услышите эту

весть –

К царю, чтоб на его руке
воссесть!»

Решили совы: «Это слово ложно!
Быть в царской свите птице
невозможно,

Он мелет чепуху, болтает зря:
Ну, чем сумел бы он прельстить
царя,

Или каким родством с ним
обладает?!

Нет, сокол сей за нами наблюдает,

Чтоб, усыпив нас баснями,
напасть –

И захватить над домом нашим
власть!..»

А сокол: «Я бросаюсь за добычей,
Когда выходит царь во всем
величье

На царскую охоту, и за мной
Все следуют, как звуки за
струной!

Как луч, летящий сквозь небес
покров,
Я на добычу кинуться готов!

Мне, хоть я ростом мал и очень
юн,
Завидует сам вещий Гамаюн.

И царь, меня хранящий мощной
дланью,
Вам не отдаст меня на
растерзанье:

Хотя ничтожен я, а он – могуч,
Во мне – его неугасимый луч!..»

Царский слуга

Молитвенный экстаз истинного мистика («от любви сознание терял») позволяет ему невербально донести до Бога

(«шаха») «все просьбы и прошения» других людей. Молитвы же тех, кто неспособен достигнуть прямого общения с Создателем, нередко «не доходят» до Него. Такие люди могут обладать высоким авторитетом в глазах верующих, но в действительности ими часто движет не любовь к Богу, а только боязнь («перед шахом сильный страх»), и озабочены они исключительно своим благополучием («мысль о собственных делах»).

Д. Щ.

Царский слуга

Один слуга, весьма ценимый
шахом,
Служил ему с любовью и со
страхом:

Когда входил он с дрожью в
тронный зал,
То от любви сознание терял.

А подданные клали подношенья,
Посланья, и записки, и прошенья

Тому слуге в заплечную суму:

Войдешь, мол, к шаху – передай
ему!

Когда ж слуга тот от любви
великой,
Теряя память, падал пред
владыкой,

Сам шах с его спины суму снимал,
Все просьбы и прошения вынимал
—

И исполнял их, милостью богатый
К тем, за кого слуга тот был
ходатай.

Из прочих тоже кое-кто дерзал
Входить порою к шаху в тронный
зал,

И подданные, зная их значенье,
Передавали с ними порученья.

Однако перед шахом сильный
страх,

А также мысль о собственных
делах

Их заставляли забывать про это –
И люди оставались без ответа...

Муравей

Рассказ иллюстрирует различие между широтой и объемом того восприятия жизни, которому учат суфийские наставники, – и односторонностью мышления обычных людей. Суфийское понимание бытия отождествляется с «мудростью Соломона». Согласно Корану, царь Соломон сказал: «Мы были обучены языку птиц, и нам были дарованы все блага» (Коран 27, 16). В суфийском понимании «язык птиц» – это способность образно описывать тайны, постигнутые возвышенными душами во время их духовных «полетов».

Д. Щ.

В отличие от муравья, человек не должен полностью отождествлять себя с той деятельностью, которой он занимается, будь то в семье, в профессиональной сфере, социальной жизни и т. п. Поступая иначе, он, по известной

русской пословице, может «не увидеть за деревьями леса», а согласно притче Руми – оказаться в том состоянии, когда «скрыто Солнце, не видна Луна», т. е. – самое главное в жизни остается незамеченным из-за ослепляющей взгляд «соринки» некой частной ситуации. Таким образом, притча напоминает о необходимости расширения человеческого кругозора «до бесконечности вселенной». Именно такое «стереоскопическое» зрение жизненно важно для настоящего учителя: частные знания он должен стараться преподносить на фоне общей картины мироздания.

М. Х.

Муравей

Отважный муравей, набравшись
сил,
Полз по́ полу и зернышко тащил,

Гордясь собою, в трудовом угаре.
А в этот миг хозяин был в амбаре,

И молвил он, следя за муравьем:
«Вот так и мы одно зерно берем

Из целой груды мыслей, чувств и

целей –

И думаем, что в жизни
преуспели!..»

...Наш ум убог, а Истина
бездонна,
И как постичь нам мудрость
Соломона?

Коль есть в глазу соринка хоть
одна,
То – скрыто Солнце, не видна
Луна.

Раздвинь завесу плотского ума –
И воссияет Истина сама!..

Попугай и зеркало

Смысл притчи коренится в суфийском учении о том, что, с одной стороны, люди, созданные Богом «по единому образу», являются «зеркалами» друг для друга; с другой же стороны, «сердце» (т. е. внутренний мир) каждого человека потенциально представляет собой «зеркало», в котором

может отразиться Божий Лик (ср. подобное же учение в Библии: «Как в воде лицо – к лицу, так сердце человека – к человеку» – Прит. 27, 19 и «Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят» – Матф. 5, 8). Через другого человека – твое «зеркальное отражение» (особенно если этот человек – пророк, мудрец, суфийский *шейх* и т. п.) – с тобой может говорить Сам Бог, который «за зеркалом стоит». В то же время, действуя подобным образом, Бог обращается к тебе через твое же собственное сердце, высшее «Я». В этом – основа отношений между суфийским учителем и учеником.

Д. Щ.

Попугай и зеркало

Один хозяин, птицу обучая,
Пред зеркалом поставил попугая,

А сам за этим зеркалом стоял
И разные присловья повторял.

Но полагала глупенькая птица,
Что за стеклом сидит ее сестрица,

И, разговором с ней увлечена,
Ее присловьям вторила она...

...Вот так, когда мы говорим с
людьми,
Создатель обучает нас – пойми!..

Индиец и святой

Здесь содержится предупреждение о том, что чрезмерно сильное и преждевременное духовное воздействие может оказать негативное влияние на ученика, привести в расстройство его внутренний мир («для слабых глаз твоих тут света слишком много»). Духовная помощь должна оказываться в той мере, в какой адепт способен ее в данный момент воспринять, и в соответствии с той ступенью, на которой он находится. Для вступающего на суфийский путь («достиг порога») главное – зажечься верой и любовью к Богу, а для этого достаточно легкого, «как поцелуй», прикосновения к его сердцу духовного пламени, исходящего из сердца *шейха*.

Д. Щ.

Индиец и святой

Один индиец шел к наставнику

святому.

Дорогу пересек, приблизился он к
дому –

И слышит: «Возвратись, исполнил
ты обет,

Лицом к лицу со мной встречаться
– нужды нет!

Для слабых глаз твоих тут света
слишком много,

Достаточно того, что ты достиг
порога:

Порой нас утомит ученый долгий
спор,

Зато воспламенит короткий
разговор!

Огонь, как поцелуй, едва свечи
коснется –

И сразу в ней самой и свет и жар
проснется.

И в пламя много дров мы сразу не

кладем:

Ведь полыхнет очаг – и загорится
дом!»

Я и Ты

Только преодолев свое низшее «я», т. е. подавив эгоистические стремления животной души (*нафса*), суфий обретает способность духовного единения с Аллахом («Другом») и со своими спутниками по духовному пути (особенно это относится к единению *мюрида* с его наставником – *шейхом*). Преодоление низшего «я» совершается постепенно, по мере прохождения пути суфийского «познания-странствия» («по миру странствуй в скорби и тоске»). На этом пути низшее «я» суфия «сгорает в пламени любви», по мере того как высшее «Я» приближается к Истине.

Д. Щ.

Я и Ты

Хозяин дома, слыша громкий
стук,
«Кто?» – вопрошает. – «Я, твой

близкий друг!»

«Ступай же прочь, неверен твой
ответ:

Двум „я“ за этой дверью места
нет!

По миру странствуй в скорби и
тоске,

Очистись – и вернешься налегке,

Познав пути сокрытые свои,
Где „я“ сгорает в пламени
любви!..»

И тот ушел, огнем любви томим,
И образ Друга реял перед ним.

Он испытал немало горьких бед,
Немало миновало зим и лет.

И вот опять раздался громкий
стук,

И снова спросил незримый Друг:

«Кто?» – И в ответ из внешней
темноты
«Открой, – раздался голос, – это
Ты!»

И Друг сокрытый двери отворил,
И в сердце странника заговорил:

«Теперь ты понял тайну бытия:
С твоею сутью слита суть Моя.

Ты – это Я. Теперь вопрос решен:
Неразделимы корень и бутон!»

Глоссарий

Адам– согласно Библии и Корану, первый человек.

Азан– призыв к молитве, провозглашаемый *муэдзином*
с минарета мечети.

Азраил– ангел смерти.

Алиф– первая буква арабского алфавита, изображаемая
вертикальной чертой.

Аллах– имя Единого Бога в *Коране*.

«**Аллах акбар**» («Аллах велик») – одна из священных формул Ислама.

Ат-Таухид – см. *Таухид*.

Аяз– раб и фаворит султана *Махмуда Газневида*, по преданию – красавец и мудрец.

Байязид(Абу Язид ал-Бистами, умер в 875 г.) – основатель одной из главных систем суфизма, включающей в себя учение об экстатической любви к Богу, которая приводит адепта к единению с Ним.

Бактрия– область в Средней Азии, по имени которой назван бактриан – одомашненный двугорбый верблюд, применявшийся в сражениях.

Бейт– в поэзии мусульманского Востока двустишие, выражающее завершённую мысль.

Визирь– вельможа, придворный сановник при *шахе*, *султানে*.

Гален– знаменитый врач (II в н. э.), подведший итог развитию античной медицины. В Средние века – высший авторитет в области врачевания, символ исцеления.

Гамаюн (перс. *Хума*) – в легендах Ирана волшебная птица, тень крыльев которой дарует власть, богатство, удачу.

Гебр– то же, что *зороастриец*.

Давид (в Коране – Дауд) – царь Израиля (кон. XI–X вв. до н. э.), согласно Библии и Корану – пророк, поэт и мудрец.

Дервиш– член суфийской общины, нередко странник, живущий подаянием.

Джинны– в Коране и арабских преданиях духи, сотворенные из огня; подразделяются на добрых и злых.

Джунаид, Абу-л-Касим (умер в 910 г.) – основатель одной из главных систем суфизма, которая предписывает адепту постоянное «трезвое самонаблюдение».

Джуха– нарицательное имя дурачка в фольклоре Ближнего и Среднего Востока.

Див– в иранских сказаниях – злой дух.

Диван– собрание стихов.

Зайд– имя, часто употребляемое в значении «некто».

Зороастриец– последователь древнеиранской дуалистической религии, признающей основой бытия борьбу между божествами Света (Ахура-Мазда) и Тьмы (АнхраМайнью).

Зуннар– ритуальный пояс, который носят *зороастрийцы*.

Зу-Н-Нун(796–861) – раннесуфийский учитель, проповедник аскетизма и практики экстатического общения

с Богом.

Зурна— духовой музыкальный инструмент, распространенный на Ближнем и Среднем Востоке.

Иблис— падший Ангел.

Измаил— в Библии и Коране сын патриарха Авраама (Ибрагима), праотца евреев и арабов. Согласно мусульманскому преданию, был возложен отцом на жертвенник по повелению Бога, пожелавшего испытать веру и преданность как отца, так и сына. После этого вместо него в жертву был принесен баран (согласно Библии, это событие произошло с Исааком).

Иисус(Иса) — евангельский Иисус Христос. В Коране — великий Пророк и целитель, воскрешающий мертвых.

Иосиф Прекрасный (Йусуф) — библейский пророк и праведник, любимый сын Иакова. Был брошен в колодезь завистливыми братьями. В Коране — образец неземной красоты.

Кааба— священный храм в Мекке, который, согласно преданию, был возведен еще *Адамом*, а впоследствии обновлен *Авраамом*.

Казвин— древний город на северо-западе Ирана.

Кайс— личное имя *Меджнуна*.

«Калила и Димна»— раннесредневековый перевод

(сначала на пехлеви, затем – на арабский) древнеиндийской «Панчатантры», знаменитого памятника басенно-дидактической прозы, содержащего аллегорические рассказы из жизни зверей. Пользовался огромной популярностью во всем мусульманском мире.

Коран– Священное Писание мусульман.

Кутб («ось», в значении «стержень», «центр») – согласно суфийским представлениям, главный праведник каждого поколения, сокрытый Учитель, вокруг которого «вращается» духовная жизнь на Земле.

Лахут– Божественная сущность, природа Божества.

Лейли (Лейла) – возлюбленная *Меджнуна*.

Лукман– упоминаемый в *Коране* древнеаравийский мудрец, живший, по преданию, в эпоху царя *Давида*.

Ман– средневековая мера веса на Ближнем и Среднем Востоке, приблизительно равная 3 кг.

Махмуд Газневид (998–1030 гг.) – султан государства Газневидов на Среднем Востоке, по преданию – мудрец и просветитель.

Меджнун(араб. «безумный») – прозвище юноши по имени *Кайс*, который был охвачен экзальтированной любовью к девушке по имени *Лейли*. Древнеарабское предание («Повесть о любви Меджнуна и Лейли») получило

широчайшее распространение во всем мусульманском мире. Его сюжет лег в основу ряда поэм великих суфийских авторов. В суфизме любовь Меджнуна к Лейли – символ иррационального, экстатического стремления души к Богу.

Медресе– мусульманское духовное училище.

Мекка– священный город мусульман в Аравии с храмом *Каабы*, объект паломничества (хаджа).

Мечеть– молитвенный дом мусульман.

Минарет– башня при *мечети*, с которой провозглашается *азан*.

Моисей (в *Коране* Муса) – согласно Библии и Корану, великий Пророк, выведший евреев из Египта и записавший со слов Бога *Тору*.

Мулла– персидское наименование мусульманского учителя, законоведа. См. *улем*.

Муршид– суфийский наставник.

Мухаммад, Мухаммед (570–632) – великий Пророк, основатель религии Ислама и мусульманской общины (уммы), через которого Бог ниспослал *Коран*.

Муэдзин– служитель, провозглашающий *азан* с *минарета мечети*.

Мюрид– суфийский ученик, послушник; член суфийской общины.

Най– тростниковая флейта, игра на которой

сопровождает суфийские *радения*.

Насут– человеческая природа, сущность.

Нафс– эгоистическая природа человека, низшая, «животная», часть его души.

Огузы– кочевые тюркоязычные племена. В середине XII века завоевали земли Хорасана.

Омар (правил в 634–644 гг.) – второй из четырех «праведных *халифов*». Был одним из ближайших сподвижников пророка *Мухаммада*; считается носителем особой мудрости.

Пэри– в персидских преданиях добрый дух, обладающий прекрасной внешностью. В переносном смысле – юноша или девушка необыкновенной красоты.

Радение– свойственная ряду религиозных учений, в т. ч. суфизму, экстатическая форма богослужения, сопровождаемая танцами, хороводами, резкими телодвижениями и т. п. В ордене Маулавия (см. Предисловие) совершается под аккомпанемент музыкальных инструментов, прежде всего – флейты-*ная*.

Ромеи («римляне») – мусульманское наименование жителей Византии.

Рустам– в древнеиранском эпосе, нашедшем отражение

в «Шах-Намэ» поэта Фирдоуси, – непобедимый герой.

Саз– струнный музыкальный инструмент на Ближнем и Среднем Востоке.

Салям (араб. «мир») – мусульманское приветствие.

Сейиды– потомки пророка Мухаммада по линии его внука *Хусейна*, пользуются почетом и особыми привилегиями в мусульманском мире.

Соломон (в *Коране* Сулейман) – царь Израиля (X в до н. э.), в Библии, Коране и многочисленных преданиях – величайший мудрец всех времен, пророк и поэт, понимавший язык животных, птиц и рыб, обладавший властью над духами.

Султан– мусульманский правитель, глава государства.

Тарикат– суфийский Путь внутреннего очищения и приближения к Богу.

Таухид (Ат-Таухид) – единство Бога, Единобожие; в суфизме – также единение с Богом.

Тора– Пятикнижие *Моисея*, Священное Писание, составляющее основу Иудаизма, признаваемое также Христианством и Исламом.

Улем– мусульманский теолог, проповедник.

Факих– знаток мусульманского права, юрист.

Фараон (в *Коране*– Фираун)– в Библии и Коране нечестивый царь, угнетавший израильтян. При нем Египет был поражен «десятью казнями», которые Бог посылал через пророка *Моисея*, в т. ч. – превращением вод Нила в кровь.

Хакикат– состояние суфия, находящегося «в единении» с Истиной (Аль-Хакк).

Халиф– религиозный глава и правитель мусульман, «наместник» пророка Мухаммада.

Хариджиты– сторонники раннеисламской религиозной партии, боровшейся против четвертого праведного халифа Али Ибн Абу-Талиба (убит ими в 661 г.).

Хасан и Хусейн– сыновья четвертого праведного халифа Али Ибн Абу-Талиба и Фатимы, дочери пророка Мухаммада. У шиитов считаются святыми и мучениками Ислама.

Хызр (Хизр, Хидр)– согласно суфийским представлениям, бессмертный святой, являющийся некоторым адептам суфизма и наставляющий их как Тайный Учитель.

Шайтан– сатана (см. *Иблис*) или один из его служителей – злых *джиннов*.

Шариат– совокупность религиозных предписаний

Ислама, регулирующих внешнюю жизнь верующих.

Шейх— глава суфийской общины, религиозный наставник.

Эмир— властитель, полководец.